

ЗАПИСКИ РУССКАГО ОФИЦЕРА, БЫВШАГО ВЪ ПЛѢНУ У ТУРОКЪ ВЪ 1828 И 1829 ГОДАХЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Записки эти, начатыя мною еще въ плѣну лѣтомъ 1829 года, окончены по освобожденіи въ 1830 и частію 1831 годахъ.

Разсказъ мой самъ собою характеризуетъ эпохи, въ которыя онъ выходилъ изъ-подъ моего пера. Въ немъ легко отличить страницы, написанныя страдальцемъ, прикованнымъ еще къ мѣсту своего заточенія, отъ оживленной, веселой болтовни человека, который смѣется надъ глупостью своихъ тюремщиковъ, зная, что не услышатъ уже грома цѣней.

ГЛАВА I.

Командировка изъ-подъ Силистріи къ Шуахъ. — Характеръ страны. — Встрѣча съ Турками. — Плѣнъ въблизи русскаго лагеря. — Шумла. — Представленіе плѣнныхъ сераскиру. — Турецкій лагерь. — Гуссейинъ-Паша. — Переподчикъ Мустафа. — Вино и гости. — Турецкая экзекуція. — Письмо изъ нашей главной квартиры отъ Н. Д. Киселева. — Отправленіе въ Константинополь. — Инноу конной; Дивитаръ; Мустафа-кавасъ; переводчикъ Николай. — Османъ-Базаръ. — Большіе Балканы. — Городъ Селимно. — Румелийцы. — Адрианополь. — Уланъ въ турецкой банѣ. — Мутышъ-Ага. — Люде-Бургасъ. — Чорлу. — Силистрія. — Константинополь. — Порта и Кегал-Бей. — Великій драгоманъ. — Терехане-Эминъ. — Зендхане, тюрьма адмиралтейства. — Переѣздъ на островъ Халки.

На войнѣ, особенно при исполненіи малыхъ отдѣльныхъ предпріятій, иногда никакая предусмотрительность и осторожность не можетъ избавить отъ гибели или большихъ потерь. Не-

сколько случаевъ, подтверждающихъ эту мысль, представляетъ наша война 1828 года съ Турками.

Причина потерь заключалась въ необходимости отдѣлять иногда отъ войскъ небольшіе отряды для дѣйствій въ странѣ чрезвычайно закрытой, лишенной дорогъ и немѣющей другихъ жителей, кромѣ засѣвшихъ въ лѣсахъ, ожесточенныхъ фанатиковъ. Непріятель, бѣгушій всегда передъ нашими войсками, построенными въ боевой порядокъ, часто наносилъ намъ вредъ, нападая въ числѣ несоразмѣрно превосходномъ на малыя части нашихъ войскъ и истребляя ихъ. Таковъ былъ случай, при которомъ и имѣлъ несчастіе понастѣя въ нѣбѣ.

16 августа 1828 года, лейбъ-эскадронъ С.-Петербургскаго уланскаго полка отправленъ былъ изъ корпуса, блокировавшаго крѣпость Силистрію, съ депешами въ главную квартиру арміи, находившуюся тогда подъ Шумлою. Имѣя особое порученіе отъ командира корпуса, генерала отъ инфантеріи Рота, и присоединился къ этому эскадрону. Мы вышли 17 августа поутру и имѣли почлегъ въ 18 верстахъ, въ селеніи Афлотарь.

Извѣстно было, что пространство между Афлотаремъ и Шумлою (болѣе 100 верстъ), особенно по близости къ Шумлѣ, было совершенно пусто, всѣ жители (*) скрылись въ лѣса и подстерегали нашихъ, отдѣлявшихся въ небольшомъ числѣ отъ главныхъ силъ. Предшествовавшіе нашему отряду инкогда не возвращались назадъ безъ потерь.

Разсказы объ угрозахъ, сдѣланной Турками эскадрону, ходившему въ послѣдній разъ въ Шумлу, что впередъ уже не удастся Русскимъ ускользнуть изъ рукъ ихъ, также и разнесшійся слухъ о пятнадцати тысячахъ непріятелей, идущихъ въ подкрѣпленіе Силистріи, дѣлали экспедицію нашу очень опасною. Несмотря на то, великій желаніе въ ней участвовать; офицеры жаждали встрѣчи съ непріятелемъ, который были у насъ въ корпусѣ еще довольно рѣдки.

Изъ Афлотаря мы вышли очень рано, разсчитывая путь такимъ образомъ, чтобы на другой день къ вечеру прибыть въ лагерь арміи подъ Шумлою. Сперва мѣста были нѣсколько откры-

(*) Бугарія, какъ извѣстно, весьма мало населена; Турки составляютъ, можно полагать, третью или менѣе часть обывателей и живутъ преимущественно около крѣпостей; однако по дорогѣ между Силистріею и Шумлою почти всѣ селенія имѣютъ жителями Турокъ.

тыя, но скоро начался по дорогѣ непрерывный лѣсъ. Кое гдѣ видны были долины и, въ сторонѣ, немногія селенія.

Въ первый день мы видѣли только во время привала нѣсколькихъ Турокъ, мелькнувшихъ около лѣса.

Трудно, не испытать, представить себѣ тяжкое чувство, производимое видомъ опустѣлой страны, когда вы знаете, что люди, спокойно въ ней жившіе, оставили ее, чтобы бѣжать отъ васъ и съ раздраженнымъ сердцемъ ждать въ какой нибудь засадѣ случая отмстить вамъ смертію за нарушение ихъ спокойствія. Всякій предметъ, напоминающій о человѣкѣ, даетъ этому чувству новую силу: дома, мечети, кладбища, одиночялы животныя (*), бѣгушія при вашемъ появленіи, все наводило уныніе. Но особенное дѣйствіе производили на насъ свѣжіе слѣды пребыванія человѣка, напоминавшіе о его ненависти къ намъ. Думай всякій, что хочетъ, но эта мысль произведена была во мнѣ свѣжими арбузными корками, разбросанными въ глухомъ и сумрачномъ лѣсу, на дорогѣ, по которой мы проходили, принимая предосторожности, совмѣстныя съ числомъ людей, какимъ можно было располагать.

По роду моей службы въ Генеральномъ штабѣ, я долженъ былъ снимать дорогу, определяя по возможности разстоянія, и осматривать позиціи.

Въ первый день расположились мы для ночлега, пройдя одну пустую деревушку, на полянѣ.

На другое утро, едва эскадронъ пошелъ въ лѣсъ, по узкой дорогѣ, какъ хвостъ его былъ атакованъ; съ боку мгновенно раздалось множество выстрѣловъ изъ чащи: пули свистали, ранили и били; но неизвѣстно было ни число, ни точное мѣсто-нахожденіе непріятеля.

Но счастію, показавшаяся съ боку поляна дозволила эскадрону удалиться отъ лѣса, выйти изъ подѣ выстрѣловъ и, построившись, ожидать непріятеля на открытомъ мѣстѣ. Однакоже непріятель не выходилъ изъ лѣса.

Едва прекратилась стрѣльба, какъ услышали мы впереди перепалку козаконъ, составившихъ нашъ авангардъ, съ другими Турками, засѣвшими также въ лѣсу. Не оставалось болѣе ниче-

(*) Вообще всѣ животныя въ оставленныхъ селеніяхъ сдѣлались весьма дикими; мы видѣли нѣсколько разъ лошадей, которыя съ нашимъ приближеніемъ бросались въ сторону и уходили съ неимоверною быстротою. Козаки пускались, чтобы догнать ихъ, но напрасно.

го, какъ идти шибче впередъ, хотя бы между двумя огнями, отстрѣливаясь, сколько было возможно, въ надеждѣ, что нѣшіе Турки не въ состояніи будутъ слѣдовать долго за эскадрономъ. Такъ и было: они скоро перестали стрѣлять, и мы, пройдя еще нѣкоторое пространство и встрѣтивъ поляну, остановились, чтобы привести все въ порядокъ. Турки и здѣсь показывались изъ лѣса и даже стрѣляли, но какъ поляна была довольно обширна, то это насъ не беспокоило. Наконецъ, отдохнувъ, уложивъ, какъ было можно, на двѣ бывшія съ нами повозки раненыхъ, и пожалевавъ объ убитыхъ, мы двинулись. Предстояло проходить самыя опасныя мѣста; предосторожности были удвоены. Турки были открываемы еще нѣсколько разъ, но не смѣли болѣе нападать.

Однакоже положеніе наше становилось часъ отъ часу труднѣе и опаснѣе. Одно дефіле смѣнялось другимъ; невозможность защищаться въ нихъ въ случаѣ нападенія увеличивалась. Сверхъ того, извѣстно было, что предшествовавшіе намъ отряды здѣсь наиболѣе подвергались атакамъ Турокъ, число которыхъ увеличивалось съ приближеніемъ къ Шумлѣ, находившейся съ ними въ безпрепятственномъ сообщеніи. Вездѣ были видны слѣды ихъ нападеній: сожженная деревня, въ которой Русскіе остались побѣдителями, дорога, усыпанная бумажками съ патроновъ, разбитые ящики, повозки и пр.

Не должно было терять времени, — и мы шли безъ отдыха.

Мы вышли наконецъ изъ лѣсовъ, которые потянувшись влѣво. Намъ представилось обширное открытое пространство, ограниченное горами, за которыми, — говорили намъ проводники и бывшіе съ прежними отрядами уланы, — находились Шумла и лагерь. У всякого отлегло на сердцѣ, когда мы оставили за собою трудныя мѣста. Намъ показывался вдали курганъ, на которомъ стоялъ, по словамъ уланъ, козацій постъ. Уже мы надѣялись встрѣтить скоро кого нибудь изъ своихъ. Пройди верстъ пять, мы достигли до пункта, гдѣ слѣдовало свернуть съ шумлинской дороги, и, принявши влѣво, идти цѣликомъ къ лагерю. Здѣсь замѣчено было нѣсколько человѣкъ конныхъ непріятелей за оврагомъ, вдоль котораго мы шли. Они скрылись въ небольшомъ лѣсу. Козаки, шедшіе впереди, скоро донесли, что на право, верстахъ въ двухъ, показываются изъ долины какія то войска. Поднявшись съ майоромъ Шатовымъ (командиромъ эскадрона) на высоту, увидѣли мы тянувшійся, почти параллельно нашему направленію, отрядъ конницы, числомъ казалось человѣкъ до

400. Трудно было навѣрное узнать, Турки или наши были это: положеніе нашихъ войскъ намъ не было извѣстно и можно было полагать, что мы видѣли своихъ фуражировъ. Скоро, однакожь, замѣченные нами всадники остановились, часть ихъ отдѣлилась и пошла противъ насъ. Эскадронъ приближался. Командиръ его, въ полной надеждѣ, что на удобномъ для дѣйствія мѣстѣ можетъ дать славный отпоръ этой толпѣ, хотя бы она втрое превосходила насъ числомъ, рѣшился выдержать бой, тѣмъ болѣе, что всякое отступленіе дѣлаетъ Турокъ дерзкими, и что не было никакой возможности искать гдѣ либо опоры: главная квартира отстояла еще въ 15-ти верстахъ и непріятель почти отрѣзывалъ къ ней дорогу. Эскадронъ приблизился и построился въ боевой порядокъ. Высланы были карабинеры встрѣтить Турокъ. Овраги, которыхъ по недостатку времени не успѣли мы ободрѣть, давали непріятелю возможность дѣйствовать скрытно и, приготовляясь къ оборонѣ, мы не знали, что уже были отрѣзаны отъ своего лагеря Турками, занимавшими овраги: видѣнная нами конница была только передовою частью ихъ. Когда все это многочисленное войско бросилось на насъ, намъ не было спасенія, — оставалось или сдаться, или погибнуть, но со славою. Начальникъ отряда рѣшился на послѣднее.

Пули свистали со всѣхъ сторонъ; 16 карабинеровъ, твердо принявъ первый напоръ непріятельскихъ наѣздовъ, заумили ихъ, заставили остановиться и сами отступили въ порядкѣ, ведя фланкерскую перепалку съ многочисленною толпою. Когда карабинеры приблизились къ эскадрону, 4-й взводъ понесся на встрѣчу этой толпѣ. Ударъ былъ такъ силенъ, что Турки не могли его выдержать: они подались назадъ; но мгновенно со всѣхъ сторонъ, какъ стан вороновъ, понеслись другія толпы. Все смѣшалось, нашихъ почти не было видно среди многочисленнаго непріятеля. Тогда раздалось: «марш! марш!» и оставшая часть эскадрона ринулась въ средину необозримой толпы враговъ, чтобы спасти своихъ или погибнуть вмѣстѣ съ ними. Послѣднее случилось: немногимъ удалось спастись (*). Сѣча была ужасная;

(*) Изъ числа послѣднихъ были штабсъ-капитанъ Стрѣльниковъ, который, какъ мнѣ говорили, на раненой лошади, скрылся въ лѣсу. Блѣзноватая лошадь упала и раздвинула ему ногу; онъ не могъ изъ-подъ нея освободиться, пока четыре узла, также спасшіеся, найдя его, не оттащили лошади. Опи, взявъ своего офицера на плечи, скитался по лѣсамъ, носилъ его такимъ образомъ 12 сутокъ въ безпрерывномъ страхѣ понадеясь въ руки Турокъ, изнемогая отъ голода и усталости, пока наконецъ не набрели на свой авангардъ подъ Силистріею.

мѣсто сраженія усыялось трупами Турокъ и нашихъ. Последнихъ скоро не стало, и все прекратилось.

Во время атаки, я скакалъ на правомъ флангѣ и скоро увидалъ себя окруженнымъ Турками, изъ которыхъ одинъ выстрѣлилъ мнѣ прямо въ лицо (*); въ тоже время я получилъ ударъ въ бокъ, надобно полагать сломленною пикой, — я свалился съ лошади почти безъ чувствъ, но мгновенно очнувшись, увидалъ надъ собою чужую лошадь и въ тоже время Турка, наклоняющагося ко мнѣ съ своею шашкой. Въ какомъ-то оцѣненіи, я ожидалъ, лежа, своей участи и прощался смятенными мыслями съ семействомъ и свѣтомъ, въ полной увѣренности, что Турокъ, по обычаю, отрѣжетъ мнѣ голову. Тутъ я испыталъ, каково бываетъ въ минуту такого рода смерти. Смятеніе чувствъ отнимаетъ у нихъ силу и живость. Въ одно мгновеніе рождается тысяча мыслей, но всѣ онѣ, такъ сказать, едва касаются души, которая отъ сильнаго волненія остается почти неподвижною. Уже воображалъ я мою голову откатывающуюся отъ трупа, воображалъ горестъ семейства и родныхъ при полученіи вѣсти о моей гибели, и даже по какому-то странному воспоминанію прежнихъ метафизическихъ размышленій, думалъ: *теперь рѣшится загадка!* Но всѣ чувства эти были тупы и мысли темны; я, какъ будто, не принадлежалъ уже этому міру (**). Пусть назовутъ это перепугомъ или какъ хотятъ, я рассказываю истину, и желалъ бы, чтобы тотъ, кто не испыталъ, каково лежать подъ ножомъ, не дѣлалъ слишкомъ невыгоднаго обо мнѣ заключенія, въ награду моей искренности (***). Вдругъ, Турокъ схватываетъ

(*) Теперь, когда прошло болѣе 25 лѣтъ со времени этого событія, я припоминаю, что никогда не могъ дать себѣ отчета въ томъ, какъ выстрѣлъ, полученный мною прямо въ лицо (*à bout portant*), обнаружился только контузіей лба надъ лѣвымъ глазомъ. Мѣсто это было нѣсколько дней вспухшимъ. Вѣроятно, Турокъ, заряжая пистолетъ, съ-горяча уронилъ пулю и ударъ произвелъ только отъ шума, крѣпко прибитаго. 1855.

(**) Бездѣйственное мое состояніе продолжалось не болѣе нѣсколькихъ секундъ. Но такова быстрота мысли нашей, что я ничего не прибавляю, говоря, что всѣ тѣ ощущенія мелькнули въ душѣ моей.

(***) Позволю себѣ замѣтить, что если бы я, какъ говорится, струснулъ, то какъ офицеръ, не принадлежавшій собственно къ эскадрону, имѣлъ бы полное право ускокать за козаками, бывшими въ авангардѣ и спасшимися; но военная честь не позволяла мнѣ и думать оставить начальника отряда въ опасности, когда я былъ прежде съ нимъ неразлученъ. Выѣхавъ съ майоромъ Шатовымъ на высоту, мы тотчасъ же увидели крайность нашего положенія. Онъ спросилъ меня: «что, вы думаете, теперь остается намъ дѣлать?» — «Пробыться, если можно», отвѣчалъ я. — «Да, и я такъ думаю». 1855.

меня за руку, выдергиваетъ изъ подъ лошади, стоящей надо мною, заставляетъ бросить саблю, бывшую еще въ моей рукѣ, и давалъ знать, что онъ не хочетъ убить меня, отводитъ нѣсколько въ сторону (толпа Турокъ все еще неслась мимо насъ, преслѣдуя разсѣянныхъ и сопротивлявшихся по одиночкѣ улановъ); обираетъ деньги, часы и серебрянныя мундирныя вещи. Физіономія его смягчилась и я видѣлъ уже въ ней ручательство за жизнь мою, какъ вдругъ является другой претендентъ на меня и начинаетъ жестокую ссору съ первымъ. Не могли уже воспользоваться вещами, онъ желаетъ по крайней мѣрѣ приобрѣсть плѣнника; я дѣлаюсь предметомъ физическаго ихъ состязанія, такъ сказать, мѣриломъ силы того и другого; ихъ голоса возвышаются, лица дичаютъ. Въ это время подѣхалъ къ намъ чиновникъ и, сдѣлавъ нѣсколько краткихъ вопросовъ, рѣшилъ ихъ соперничество, отдавъ меня прежнему моему владѣтелю. Этотъ опять успокоился, взялъ меня за полу и повелъ мимо множества окровавленныхъ труповъ туда, гдѣ собиралась разсѣянная толпа. Я объяснилъ ему, какъ могъ, что мнѣ некуда бѣжать, и что предосторожность ненужна—и шелъ уже свободно, пока привели ему коня; тогда онъ, сѣвъ самъ, посадилъ меня на мою лошадь, бывшую у него въ рукахъ, взялъ поводъ узды и повелъ ее, предоставивъ мнѣ держаться за сѣдло или за гриву. Многіе Турки подѣзжали и угощали меня привѣтствіями, вѣроятно по очень благосклоннымъ; давали, какъ говорится, нюхать мнѣ свои кинжалы и шашки, — это продолжалось, пока мы не доѣхали до турецкаго войска. Я изумился, увидѣвъ, что ихъ было до трехъ тысячъ.

Я нашелъ въ числѣ плѣнныхъ майора Шатова, поручика его эскадрона Риддершторма, жестоко раненаго пулею въ бокъ навывлетъ, во время чудной его атаки съ 4-мъ взводомъ, и поручика Колыванскаго полка Вишневскаго. Ужасно было наше свиданіе. Мы между собою ни слова не могли сказать. Скоро, однакожь, я увидѣлъ, что былъ счастливѣе своихъ товарищей: мой добродушный Турокъ избавилъ меня отъ бывшей на шеѣ у каждаго изъ нихъ веревочки. Этотъ знакъ рабства былъ, впрочемъ, съ нихъ снятъ по приказанію начальника отряда, извѣстнаго Алишъ или Алишанъ-Паши. Скоро мы тронулись въ путь. Турки шли безъ малѣйшаго порядка, всякій ѣхалъ гдѣ хотѣлъ, чалмоносцы мѣшались съ регулярными войсками (Низамъ-Эскертъ), которые имѣли уже тогда фесы; солдатъ ѣхалъ нередъ своимъ

офицеромъ, каждый стрѣлялъ, когда ему угодно, безъ всякой причины. Мой Турокъ, узнавъ, что я понимаю немного по молдавански, вошелъ со мною въ разговоръ и спросилъ, пѣтъ ли у меня еще чего нибудь, и между прочимъ увѣрялъ, что плѣннымъ у нихъ очень хорошо, и что насъ отправятъ въ Стамбулъ. Невозможно вообразить мучительнаго положенія души въ первыя минуты плѣна; для меня самого теперь, когда уже сгладились эти впечатлѣнія, трудно представить всю силу ихъ. Человѣкъ, въ первыя минуты бѣдствія, его постигшаго, бываетъ такъ удрученъ, что у него не смѣетъ родиться ни одна надежда. Потеря свободы, плѣнгъ у народа невѣжественнаго и свирѣпаго, оковы, страданія физическія и душевныя, тягостная разлука съ семействомъ и всѣмъ роднымъ,—все это страшно колебало и тяготило мои мысли. Турецкій плѣнъ я считалъ тѣмъ же, что неволя у корсаровъ, и думалъ, что я уже собственность какого нибудь паши, у котораго буду, влача цѣни, трудиться надъ цвѣтичками, назначенными разбѣвать скуку его одалисокъ. Слыхалъ я также, что и самое правительство турецкое употребляло плѣнныхъ, и даже офицеровъ, для работъ на корабляхъ (*). «Что такое плѣнникъ? думалъ я, смотря вокругъ себя и видя лишь чалмы и фесы:—существо, совершенно зависящее отъ своего побѣдителя, лишенное всякаго гражданскаго быта». Разстроенный этими мыслями, я неохотно отвѣчалъ на вопросы моего Турка и не обращалъ почти никакого вниманія на внѣшніе предметы, не смотря на ихъ новостъ.

Мы не шли дорогою, а оставивъ ее влѣвѣ, сдѣлали большой обходъ цѣликомъ, и уже подъ Шумлою вышли на нее опять. Недалеко отсюда мы нагнали еще человѣкъ пятьсотъ конныхъ Турокъ, принадлежавшихъ къ отряду. Они отправлены были впередъ, чтобъ вести нѣсколькихъ плѣнныхъ солдатъ, взятыхъ на фуражировкѣ около Ени-Базара, куда отрядъ ходилъ въ намѣреніи сдѣлать покушеніе на наши вагенбургъ, госпиталь и пр.; но оно было неудачно.

Мы поднялись на крутую гору, покрытую колючимъ кустарникомъ, проѣхали мимо нѣсколькихъ батарей и наконецъ приблизились къ въѣзду въ Шумлу. Здѣсь насъ остановили и построили въ рядъ гуськомъ, впередъ солдатъ, а офицеровъ позади. По этимъ приготовленіямъ я догадался, что дѣло шло

(*) Последнее оказалось несправедливымъ, — офицеры въ прежнія войны носили желѣзное кольцо на ногѣ, но не ходили на работы.

о триумфальномъ шествіи черезъ лагерь. Этого еще не доставало!

Забили въ бубенчики и мы двинулись (*); вездѣ было прихвѣтно большое движеніе и любопытство. Спустившись въ горы и пройдя часть города и лагеря, мы приблизились около 5-ти часовъ пополудни къ ставкѣ сераскира Гусейнъ-Паши. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, намъ велѣли остановиться и сойти съ лошадей. Мимо паши провели по одному, сначала израненныхъ и обнаженныхъ солдатъ нашихъ, а потомъ насъ четверыхъ. Каждый солдатъ былъ приводимъ къ паши тѣмъ Туркомъ, который взялъ его въ плѣнъ, — и этотъ, получивъ изъ рукъ сераскира награду, уходилъ вмѣстѣ съ плѣнникомъ. Народъ толпился около ставки и былъ разгоняемъ кавасами. Паши сидѣлъ въ зеленой, довольно большой и богатой палаткѣ на софѣ, съ длинною трубкою, подъ которою лежала серебряная тарелочка на коврѣ, постланномъ передъ софою. На томъ же коврѣ, поджавши ноги, сидѣли по обѣимъ сторонамъ младшіе паши. Сераскиръ имѣлъ видъ весьма важный, поддерживаемый свойственною всѣмъ Туркамъ медленностью въ движеніяхъ.

Мы, офицеры, были поставлены подлѣ палатки. Явился главный и можетъ быть единственный медикъ турецкихъ войскъ, или лучше сказать сераскира, Армянинъ Абраамъ-Кассаръ; онъ началъ осматривать раны офицеровъ и видя, что я отъ изнуренія едва могу стоять на ногахъ, сказалъ мнѣ дурнымъ французскимъ языкомъ, чтобъ я сѣлъ на землю отдохнуть. Мой Турокъ, закрытый тѣнившимися зрителями, расположился возлѣ меня и вдругъ взоры его были привлечены бѣлою полосой, ясно отлѣнивавшеюся на второмъ пальцѣ моей лѣвой руки: онъ догадывался, что она происходила отъ кольца, снятаго и спрятаннаго мною. Это было мое обручальное кольцо, котораго я не хотѣлъ ни за что лишиться. Подлѣзая къ Шумлѣ и боясь дальнѣйшихъ осмотровъ, я снялъ его и всунулъ въ налечь перчатки, бывшей у меня въ рукѣ. Я худо разсчиталъ — стоило только надѣть перчатку и кольцо было бы скрыто этимъ изобрѣтеніемъ глауровъ.

(*) Турецкая иррегулярная конница (деш или храбрые) имѣетъ маленькіе барабанчики, призываемые къ сѣду назначеннаго къ тому всадника; — бой ихъ совершенно однообразный, безъ всякихъ измѣненій, дѣющихъ на этому инструменту нѣкоторый родъ музыкальности.

Взявъ мою руку и показывая на кругообразную полосу, Турокъ съ большою настойчивостью требовалъ выдачи вещи, входящей въ его добычу, и вдругъ увидѣвъ въ другой рукѣ перчатку, схватилъ ее и хотѣлъ вырвать; — я не давалъ; между нами возобновилась борьба, которая безъ сомнѣнія кончилась бы для меня также невыгодно, какъ и первая, если бы не подоспѣлъ ко мнѣ на помощь Абраамъ. Онъ, узнавъ всю цѣну кольца для меня, приказалъ Турку отстать отъ своего требованія и грозилъ сказать пашѣ, если онъ ослушается его. Этотъ знакъ вниманія, оказаннаго мнѣ въ плѣну, не предсказывалъ ничего худого. Мнѣ чрезвычайно было жаль, что я въ эту минуту не имѣлъ скрытыхъ какихъ нибудь пяти червонцевъ, чтобъ вознаградить Турка за кольцо. Но вотъ, пришла его очередь представить сераскиру своего плѣнника и получить въ награду 25 левовъ.

За этой церемоніей слѣдовалъ допросъ. Оборванный и босой Турокъ, въ замаранной, старой чалмѣ, говорившій дурнымъ малороссійскимъ нарѣчіемъ, служилъ переводчикомъ. На вопросъ о числѣ войскъ, блокировавшихъ Силистрію, мы отвѣчали, что въ точности его не знаемъ, но что тамъ находятся шесть нѣхотныхъ, четыре конныхъ и два козачьихъ полка, изъ которыхъ первые, какъ извѣстно всякому, содержатъ по три тысячи, а вторые по 1,400 человекъ; сверхъ того множество артиллеріи. Это было принято за истину, потому что мы старались избѣгать въ своихъ отвѣтахъ всего, что только могло вредить правдоподобію и казаться преувеличеніемъ. Потомъ сераскиръ спросилъ майора Шатова, сколько было у него подъ командой въ сраженіи и узнавъ (хотя сначала и не хотѣлъ вѣрить), что отрядъ имѣлъ только сто сорокъ человекъ, горячо вскричалъ тономъ, въ которомъ выражалось участіе и даже нѣкоторымъ образомъ укоризна за пролитіе крови: «для чего же вы вступали въ бой»? — «Если бы я зналъ, что найду столь великодушнаго побѣдителя» — былъ отвѣтъ майора: — «то я бы покорился необходимости». — Паша былъ доволенъ комплиментомъ, ободрилъ насъ, говоря, что государь его желаетъ, чтобъ съ плѣнными обходились человѣколюбиво и прилично ихъ званіямъ, а потомъ велѣлъ показать намъ въ лагерѣ квартиру.

Насъ вели между множествомъ палатокъ, разбросанныхъ безъ всякаго порядка и почти переплетающихся между собою веревками, и указали наконецъ одну изъ нихъ. Взойдя въ нее, мы увидали 15-го егерскаго полка прапорщика Котлярова, взл-

таго за недѣлю при нападеніи на нашъ редутъ. Тутъ же было нѣсколько Турокъ. Множество солдатскихъ егерскихъ мундировъ и киверовъ было нагромождено въ углу палатки и разбросано по ней; разнаго рода нечистота давала нашему новому жилью весьма неблагоприятный видъ. Предубѣжденіе наше противъ него еще увеличилось, когда найденный здѣсь нами товарищъ неволи сообщилъ, что одинъ изъ присутствовавшихъ Турокъ, засаженный, небольшого роста старичишка, былъ палачъ, солитель всѣхъ ушей, которые мусульмане привозятъ для удовольствія въ ихъ побѣдѣ (*). Этихъ ушей тутъ стояло нѣсколько боченковъ. Онъ же надзиралъ за плѣнными, на которыхъ обыкновенно на ночь, для собственнаго обезпеченія, надѣвались кандалы. Все, что общалъ пріемъ Гуссейна-Паши, показавшійся намъ послѣ отчаянныхъ ожиданій нашихъ весьма благоклоннымъ, исчезло при этомъ видѣ и объясненіи представлявшихся намъ предметовъ. Но усталость превозмогла отвращеніе, производимое нечистотою въ палаткѣ; каждый выбралъ себѣ мѣстечко (**), чтобъ прилечь; но тутъ же замѣтили мы, что не подалеку разбивали другую палатку.

Скорѣ мы были въ нее переведены и снабжены каждый десяткомъ или дюжиной окровавленныхъ егерскихъ мундировъ для изголовья, а болгарскія циновки были посланы для постелей.

Спустя полчаса, пришелъ кавасъ въ сопровожденіи переводчика, объявить, что сераскиръ желалъ опять видѣть насъ и торопилъ идти, оставляя тяжело-раненыхъ въ палаткѣ.

На этотъ разъ наша была еще привѣтливѣе перваго: общалъ тотчасъ прислать своего медика для перевязки ранъ; спрашивалъ, чего мы желаемъ, прибавляя, что онъ прикажетъ искать нашъ багажъ, если онъ взятъ, и весь намъ его возвратитъ;

(*) Насъ увѣрили, что низамъ-эскеру или регулярному войску запрещается отрубывать уши и рубить головы; запрещается и прочимъ войскамъ, но какъ у нихъ нѣтъ столь строгаго повиновенія начальству, какъ у низама, то это и не исполняется. Какъ бы то ни было, извѣстно, что этотъ парварскій обычай ругаться надъ трупами, или умерщвлять уже обезоруженныхъ неприятелей, ожесточалъ нашихъ солдатъ, которые въ отмщеніе часто нещадили раненыхъ и плѣнныхъ Турокъ, вопреки приказанію начальниковъ.

(**) Плѣнные нижніе чины (ихъ было слишкомъ сто) помѣщались въ трехъ палаткахъ, находившихся близъ нашихъ. Большая часть изъ нихъ были все наги, и ночью, чтобы согрѣться, зарывались въ кучи навоза, здѣсь накопившагося по причинѣ множества лошадей.

сказать, что насъ не будутъ заковывать, далъ слово, что позволитъ донести нашему начальству о случившемся съ нами, потомъ призвалъ своего дворецкаго и приказалъ доставлять намъ кушанье отъ своего стола ; — одному изъ своихъ кавасовъ велѣлъ онъ доставить намъ табакъ, трубки и ковры , чтобы накрываться по почамъ , становившимся уже весьма холодными (26 августа). Ковры даны были намъ немедленно, но трубокъ, не смотря на подтвержденіе паши и на увѣреніе переводчика Мустафы, сдѣлавшагося нашимъ собесѣдникомъ, мы никогда не получали. Это обстоятельство заставило меня въ первый разъ замѣтить, что приказанія всемогущихъ нашей, вопреки того , что я думалъ о неуклонномъ повиновеніи рабовъ ихъ, не исполняются вовсе или исполняются со всѣми отступленіями, какія только можно сдѣлать. Едва мы возвратились , какъ явился Болгаринъ съ двумя огромными кувшинами водки и вина , и объявилъ , что такую порцію мы будемъ получать поутру и ввечеру. Взглянувъ на величину сосудовъ, мы заключили, что Турки считали насъ большими пьлиницами. Много разъ, во время нашего похода въ Константинополь, мы имѣли случай сдѣлать то же заключеніе. Употребляя вино только украдкою, и слѣдовательно тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, Турки думаютъ, что тотъ, кому незапрещено его пить , долженъ умѣть наслаждаться этимъ правомъ вполне. Изобиліе въ винѣ и водкѣ доставило намъ многихъ пріятелей, которые вскорѣ сдѣлались докучливыми; оно привязало также къ нашей палаткѣ переводчика Мустафу, черезъ котораго мы только и могли исполнять наши желанія. Настала ночь , мы улеглись, сложили головы на кровавыя одежды погибшихъ нашихъ соотечественниковъ, но, несмотря на истощеніе силъ, сонъ не приходилъ къ намъ.

Ужасна была ночь, ужасно пробужденіе послѣ минутнаго забытья, на разсвѣтъ. Пробужденіе въ могилѣ едва ли страшнѣе перваго пробужденія въ неволѣ.

Проснулись мы рано, но уже все припоминало, гдѣ находились мы. Часто смѣшались часовые у нашей палатки (*). Мы

(*) Освободивъ насъ отъ цѣпей, но боясь, чтобы мы не бѣжали, наша приказалъ поставить у нашего входа одного часоваго. Онъ имѣлъ полное право брать свои предосторожности, но благодарность заставляла меня отдать справедливость его деликатности. Онъ приказалъ намъ сказать, что часоваго ставятъ не для того, чтобы карать насъ, но чтобы предохранить отъ непріятностей, которыя могли быть намъ нанесены какими нибудь нахалами.

слышали : «азъ-гыртъ, семагъ-дуръ» ! (на плечо ! на караулъ !) Скоро завизжала музыка, уже знакомая намъ со вчерашняго вечера.

Явился Мустафа, началъ повторять свои увѣренія, что намъ будетъ очень хорошо, но что ему очень дурно; что наша ему ничего недаетъ; приговаривая это, онъ часто наполнитъ водкой и осушаетъ принесенную имъ разбитую чашку. Часа черезъ три ссаскиръ позвалъ къ себѣ майора Шатова, вручилъ ему пяти свертковъ, одинъ для него, а четыре для остальныхъ четырехъ плѣнныхъ офицеровъ. Увѣренія Мустафы сдѣлались сильнѣе, когда онъ увидѣлъ сыплющіеся изъ чистой лощеной бумаги (*) блестящія, едва съ монетнаго станка вышедшія, нары. Онъ старался насъ убѣдить, что этотъ подарокъ нашей, состоявшій въ пятидесяти левыхъ каждому, былъ только преддверіемъ его щедрости, и что онъ, Мустафа, ничего не получалъ ни отъ султана ни отъ нашей, былъ бы весьма доволенъ и половиною одного свертка. Положивъ двадцать-пять левовъ въ свой кисетъ, въ которомъ былъ плохой турецкій табакъ, выпивъ еще добрую чару водки и закусивъ хлѣбомъ, онъ отправился хлопотать объ обѣдѣ для насъ и для солдатъ, также о другихъ данныхъ ему нами порученіяхъ, особенно о позволеніи писать въ главную квартиру, обѣщанномъ наканунѣ нашею.

Во все время нашего пребыванія въ шумленскомъ лагерѣ, ставка наша была посѣщаемъ многими Турками. Въ нихъ не видно было ничего другаго, кромѣ простаго любопытства, у другихъ замѣтно было даже нѣчто непріязненное; но большая часть ихъ оказывала намъ дружеское расположеніе, говори, что врагъ на войнѣ дѣлается пріятелемъ, какъ скоро она какимъ либо образомъ прекращается; что мы, плѣнные, султанскіе гости и проч. Были и такіе, которыхъ привлекали нестоимыя наши кувшины. Такіе гости скоро дѣлались друзьями дома, и уже не ожидала приглашеній, распорядились полновѣсными сосудами. Въ числѣ посѣтителей были также чиновники новаго войска, изъ которыхъ многіе надоедали намъ своею хвастливостію.

Три или четыре Турка принесли на большихъ жестяныхъ доскахъ (въ родѣ подносовъ) обѣдъ; — для солдатъ чорбу (похлебку изъ сарацинской крупы), а для насъ, кромѣ чорбы,

(*) Турки всегда пишутъ на лощеной бумагѣ, давалъ ей большею частью длинный и узкій форматъ.

еще баранину, приготовленную какими-то двумя способами, и шплавъ, вмѣсто масла, облитый бараньимъ жиромъ.

Паша позвалъ къ себѣ майора Шатова въ другой разъ: онъ припалъ его уже не въ лагерьѣ, а на валу, въ разбитой тамъ для него палаткѣ, откуда виденъ былъ весь русскій станъ; говорилъ привѣтливо и вторично обѣщалъ позволить намъ писать въ главную квартиру нашей арміи. Какъ личными просьбами, такъ и домогательствомъ черезъ пріятеля нашего, Мустафу, достигли мы наконецъ того, что передъ вечеромъ этого дня пришелъ къ намъ Кассаръ, съ какимъ-то кроткаго вида Туркомъ, въ длинномъ кафтанѣ (*), и съ серебряною черпачницею, вмѣсто пистолетовъ, за поясомъ (**). Это былъ Кытыбъ-Эффенди или письмоводитель Гуссейна-Пашы. Онъ далъ мнѣ бумаги и тростниковое перо. Некогда и неумѣстно было соблюдать формы. Мы просто донесли начальству о случившемся съ оскадромъ, о нашемъ плѣнѣ, просили увѣдомить о немъ нашихъ родныхъ и прислать заслуженное нами за третью жалованье, прибавляя, что съ нами обходятся человѣколюбиво. Теперь оставалось самое трудное, объяснить Кытыбъ-Эффенди писанное нами, чтобы онъ, согласно съ желаніемъ сераскира, могъ перевести его на свой языкъ. Мустафа былъ глупъ и слишкомъ плохо зналъ русскій языкъ, такъ что не могъ передать нѣкоторые выраженія; Кассаръ очень плохо зналъ по-французски, а изъ насъ никто не былъ силенъ въ итальянскомъ языкѣ, который онъ зналъ. Однако же, наконецъ, и это было сдѣлано. Мы замѣтили, что фразу о содержаніи переводчикъ распространялъ подробностями и слышали знакомыя уже намъ слова: «Чадырь, екмекъ, чорба, пилавъ, ягны, шарабъ, раки» и проч., (палатка, хлѣбъ, супъ, каша, мясо, вино). Турки любятъ увеличивать свои успѣхи и уменьшать число своихъ войскъ, бывающихъ въ дѣлѣ; но въ этомъ случаѣ Гуссейнъ-Паша самъ приказалъ написать, что отрядъ, сражавшійся съ нами, имѣлъ три тысячи человекъ.

Окончивъ переводъ и взявъ съ собою наше донесеніе, Кытыбъ-Эффенди ушелъ, увѣряя насъ, что оно будетъ непремѣн-

(*) Всѣ военные Турки носятъ родъ куртокъ, только старшіе чиновники имѣютъ плащи; длинная одежда означаетъ какъ бы статскаго чиновника.

(**) Не только въ Турціи, но и въ Молдавіи и Валахіи, употребляютъ metallическія черпачницы съ ручками, въ которыя вкладываютъ перья; ручки эти служатъ для закладыванія ихъ за поясъ, чтобы имѣть всегда ихъ съ собою.

по отправлено по своему назначенію. Но мы еще все сомнѣвались, думая, что наша хотѣлъ только отдѣлаться отъ нашихъ просьбъ.

Насталъ вечеръ. Ужинъ былъ такой же, какъ и обѣдъ. Сосѣдъ нашъ, палачъ, принесъ бумажный фонарь, повѣсилъ его на подпоркѣ, взглянулъ на ноги наши, покачалъ головою, будучи, вѣролтно, недоволенъ великодушіемъ наши, и вышелъ.

Мустафа увѣрялъ, что Гуссейнъ-Паша имѣлъ намѣреніе послать въ Силистрію «много солдатъ» и съ ними десять пушекъ, подъ командою начальника своей артиллеріи, Кара-Джегенета. Выступленіе назначено было на другой день (22 августа), но отложено, совсѣмъ или на время, по несправѣстной причинѣ; говорить только, прибавлялъ Мустафа, что до вашего плѣна сераскирь полагалъ блокирующій корпусъ гораздо слабѣе. Кажется, это предпріятіе не было въ послѣдствіи исполнено. Не смѣю думать, чтобы перемена въ намѣреніи наши произошла отъ сказаннаго нами ему при допросѣ; но еслибъ дѣйствительно наше показаніе о числѣ войскъ, увеличивавшее его почти вдвое противъ истины и усиленное свѣжимъ примѣромъ храбрости Русскихъ, видѣннымъ въ отчаянномъ сопротивленіи эскадрона, — если дѣйствительно эти причины отклонили сераскира отправить часть своихъ войскъ для нападенія на нашъ корпусъ подъ Силистрію, что могло принудить нашихъ отступить, то я и товарищи мои почитаю себя счастливыми, жертвою свободы доставивъ такую выгоду нашему корпусу.

Весь слѣдующій день прошелъ въ ожиданіи отвѣта изъ главной квартиры и къ вечеру сомнѣнія наши, касательно отсылки нашей донесенія, увеличились, хотя Мустафа продолжалъ увѣрять насъ въ противномъ. Безпокойство наше еще усиливалось положеніемъ раненаго товарища нашего, Риддершторма. Ему часъ отъ часу дѣлалось хуже; воспаленіе около раны принимало опасный видъ, и мы, видя неискусство и небрежность врачей, боялись за его жизнь.

Въ теченіе этого дня мы были свидѣтелями совершенно новаго и отвратительнаго зрѣлища. Около девяти часовъ утра вдругъ засуетились близъ нашей палатки, въ нее вбѣжалъ, держа въ рукахъ пукъ бинтовъ, высокій и плотный Грекъ, съ огромнымъ носомъ, помощникъ Кассара, или, просто, цирюльникъ, превъзвѣдавшій уже нѣсколько разъ нашихъ раненыхъ. Онъ попросилъ водки и пока Мустафа наливалъ ему чашку, онъ съ

поспѣшными и смѣшными жестами говорить, что ему нужно было подкрѣпиться этимъ напѣткомъ, потому что онъ долженъ перевязывать преступниковъ. Выпивъ двѣ чашки, онъ ушелъ.

Я приподнялъ немного край палатки и увидѣлъ между нѣсколькими вооруженными Турками человекъ до сорока другихъ, которые приближались, повѣсивъ головы, къ ставкѣ, гдѣ жилъ палачъ (*), который вышелъ и усадилъ принеженныхъ всѣхъ въ рядъ. Они съ большою покорностью сѣли и, поджавъ ноги, ожидали своей участи. Я узналъ, что это были бѣглецы изъ лагеря и что имъ отрѣжутъ по одному уху (**). Съ равнодушнымъ видомъ приступилъ сосѣдъ нашъ къ операціи. Взявъ лѣвое ухо перваго преступника пальцами лѣвой своей руки, другою онъ отхватилъ его такъ скоро, что несчастный бѣглецъ только вздрогнулъ и прижался къ землѣ; крови полилась, фельдшеръ бросился перевязывать, между тѣмъ старикъ, не заботясь о времени, которое нужно было эскулану провести при каждомъ ухѣ, переходилъ отъ одного къ другому, пока представленія цирюльника не остановили его у десятаго. Кровь лилась по рубищамъ жалкихъ преступниковъ, которые оставались неподвижными, ввернувъ глаза въ землю.

Перевязавъ весь десятокъ, Грекъ одержалъ полную побѣду надъ терпѣніемъ своего сотоварища. Сказавъ ему нѣсколько словъ, онъ бросился въ нашу палатку: протягивая окровавленные руки къ тому углу, гдѣ стояла благотворная жидкость, онъ дѣлалъ забавныя кривлянья, выражалъ, какъ тягостна его обязанность. Выпивъ снова двѣ чарки, Атанасій возвратился къ своимъ трепещущимъ пациентамъ. Турокъ рѣзалъ уши съ немовѣрною скоростью. Не менѣе поспѣшенъ былъ Атанасій въ накладываніи корпѣи и стягиваніи головы бинтами, отъ которыхъ здоровое ухо, я думаю, страдало не менѣе больнаго. Но послѣ всякаго десятка бодрость его исчезала и была возобновляема прежнимъ

(*) Это былъ палачъ для мелкихъ экзекуцій; для казни чиновниковъ находился при Гуссейнъ-Пашѣ другой, важнѣйшій. Впрочемъ, великій кавасы, если паша ему прикажетъ принести чью либо голову, долженъ это исполнить. Кавасы даже бываютъ довольны такими порученіями: имъ принадлежитъ все, что они находятъ на осужденномъ, — прочее же имущество достается пашѣ или султану.

(**) Мыъ говорили, что за второй побѣтъ провинившійся лился правое ухо, а за третій — головы, которую трупъ его продолженіе трехъ дней долженъ держать подъ мышкою, и уже по прошествіи этого срока бываетъ зарываемъ въ землю.

средствомъ, между тѣмъ, какъ правовѣрный сотрудникъ его, окруженный трофеями своего пожа, стоялъ важно и смѣлялся малодушію глупра. По окончаніи экзекуцій, виновные, оставивъ на лобномъ мѣстѣ по одному уху (*), удалились тѣмъ же порядкомъ, въ какомъ пришли.

Передъ вечеромъ, на третій день, пришелъ кавасъ и потребовалъ насъ къ Гуссейну-Пашѣ, и Мустафа сообщилъ, что полученъ отвѣтъ на наше письмо. Мы шли такимъ скорымъ шагомъ, что кавасъ и Мустафа неспѣхвали за нами. Паша сидѣлъ по обыкновенію въ открытой своей палаткѣ на софѣ, съ длинною трубкою во рту, окруженный множествомъ любопытныхъ. Онъ указалъ намъ на лежашіе тутъ чемоданы и подавъ майору Шатову съ весьма довольнымъ лицомъ большой и тяжелый пакетъ, велѣлъ счесть, все ли было въ немъ цѣло. Сѣвъ передъ софою, мы разсыпали наши голландскіе червонцы. Гуссейнъ-Паша глядѣлъ съ улыбкою и, казалось, любовался, видя своихъ плѣнниковъ столь богатыми. Намъ было прислано болѣе 10,000 левовъ, что составляетъ у Турокъ огромную сумму. Объявивъ пашѣ, что сумма была вся сполна, мы встали и, благодари его отъ искренняго сердца, просили позволенія извѣстить начальство о полученіи принадлежащаго намъ и написать письма къ роднымъ; позволеніе это онъ далъ безъ всякаго затрудненія и отпуская насъ, прибавилъ, что скоро мы будемъ отправлены въ Константинополь и что онъ дастъ майору Шатову письмо къ своему повѣренному въ дѣлахъ, Франку, который доставитъ намъ, по пріѣздѣ, все нужное.

Распечатавъ большой конвертъ, мы нашли въ немъ между прочимъ другой пакетъ, съ подписью: майору Шатову и капитану Розеліонъ-Сошальскому. Раскрывъ его, мы прочли:

«П. Д. Киселевъ (**), полагая, что майоръ Шатовъ и капитанъ Розеліонъ-Сошальскій могутъ имѣть нужду въ деньгахъ,

(*) Я не могъ узнать объ участи этихъ мусульманскихъ ушей; но немудрено, что они увеличиваютъ число тѣхъ, которые должны удостовѣрить Порту въ успѣхахъ ея оружія. Нельзя видѣть безъ омерзенія склонности Турокъ ругаться надъ тѣлами непріятелей. Недалеко отъ нашей палатки жила капаст-баша (начальникъ кавасовъ) и передъ его ставкою на островѣ, длинной ширѣ, поткнутой тушамъ концомъ въ землю, была надѣта верхушка человѣческаго черепа съ положенн на надъ нею ухо; надѣвъ въ лагерь валялись отрубленные головы, даже въ мѣстахъ, наиболѣе носимыхъ; одну голову видѣлъ я въ ручьѣ, текущемъ среди Шумлы.

(**) Бывшій тогда начальникомъ главнаго штаба 2-й арміи.

посылаетъ имъ вмѣстѣ съ нимъ 50 голландскихъ червонцевъ.» Такая заботливость начальника, съ которымъ кромѣ службы ничто насъ не связывало, была для насъ драгоценна, и пролила, могу сказать, первую каплю отрады въ наши души, сжигаемыя медленнымъ, но мучительнымъ огнемъ тоски (*).

Приближалась минута отъѣзда нашего изъ Шумлы. На четвертый день нашего плѣна собраны были повозки для солдатъ и приведены верховыя лошади для офицеровъ (**). Гуссейиъ-Паша, призвавъ опитъ насъ къ себѣ, объявлялъ объ отъѣздѣ, прибавляя, что опъ будетъ заботиться объ излеченіи г. Риддершторма, который не могъ ѣхать вмѣстѣ съ нами, вслѣдствіе ему дать покойную квартиру въ городѣ и доставить все нужное. Наконецъ, снабдивъ насъ обѣщаннымъ письмомъ и небольшими деньгами на дорогу и, приказавъ, при насъ, пяти своимъ чиновникамъ, назначеннымъ сопровождать насъ, обходиться какъ можно лучше со всѣми плѣнными, паша отпустилъ насъ. Мы удивлялись его человѣколюбію и заботливости, видѣли въ немъ человѣка во многомъ выше турецкихъ предрасудковъ, и еще болѣе убѣдились въ этомъ, узнавъ потомъ отъ всѣхъ плѣнныхъ нашихъ, прежде и послѣ насъ бывшихъ въ Шумлѣ, что подобнымъ образомъ поступалъ опъ и съ ними. Во время плѣна я съ удовольствіемъ слышалъ отзывы многихъ почтенныхъ Европейцевъ, отдававшихъ вообще справедливость его здравому уму и нѣкоторой возвышенности характера. Опъ искренно преданъ системѣ реформъ, которой слѣдовалъ его государь, и болѣе всѣхъ содѣйствовалъ Махмуду II въ уничтоженіи Янычаръ, бывшихъ всегда преградою къ полезнымъ нововведеніямъ. Это обстоятельство доставило ему большой вѣсъ у султана (нельзя рѣшительно сказать, пользовался ли опъ въ самомъ дѣлѣ его распо-

(*) Не могу умолчать также о слѣдующемъ: въ донесеніи, посланномъ въ главную квартиру, я просилъ, чтобы изъ слѣдовавшихъ мнѣ около 70 червонцевъ, было доставлено въ Шумлу только 10, а остальные были бы отосланы къ моей женѣ, остававшейся въ Хотинѣ. Жена моя получила, кромѣ 60 червонцевъ изъ экстра-ординарной суммы арміи, особенно слѣдовавшее мнѣ жалованье изъ Коммиссаріата. Н. Ф. Шатовъ, по возвращеніи нашемъ отъ пашы, съ полученными уже деньгами, сжалъ съ чувствомъ мою руку, сказалъ мнѣ, что все, что принадлежало ему, я долженъ былъ почитать и мнѣ. Я не имѣлъ надобности воспользоваться его великодушіемъ, но для меня случай этотъ незабвенъ.

(**) Съ нами было отправлено разныхъ полковъ и командъ 109 нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ 5 человѣкъ умерло въ дорогѣ, нѣкоторые даже на довозкахъ, потому что больныхъ не оставляли.

ложеніемъ) и въ тоже время возбудило многихъ завистниковъ, которые, какъ говорятъ, препятствовали его возвышенію въ ви-зирское достоинство, и лишили значенія при Портѣ.

Мы были очень довольны, пзбавляясь изъ смираднаго лагеря, но участь остающагося сотоварища сильно тревожила насъ. Состояніе здоровья его было весьма сомнительно. Лучшимъ средствомъ къ облегченію его положенія, казалось намъ расположить въ его пользу Абраама Кассара. Получивъ подарки, Кассаръ изъявилъ живѣйшее участіе къ больному, объявилъ, что перенесетъ его въ свою квартиру, гдѣ можетъ дать раненому отдѣльную удобную комнату; мы дали ему еще денегъ, и онъ повторилъ обѣщаніе заботиться всѣми силами о нашемъ товарищѣ. Простившись съ г. Риддерштурмомъ, мы потянулись изъ Шумлы. Поднявшись на гору въ селеніи Костежъ, мы оглянулись назадъ. Весь русскій лагерь былъ виденъ: «Какъ близко и какъ далеко!» думалъ я. Это было одно изъ тягостнѣйшихъ ощущеній моего плѣна.

У выѣзда изъ Шумлы присоединилась къ намъ сотня конныхъ Турокъ. Этотъ отрядъ сопровождалъ насъ до Османъ-Базара и былъ данъ изъ опасенія русскихъ партій. Однакоже, мы никого не видали, — тогда уже была оставлена нашими Константинопольская дорога. Подобная встрѣча могла быть для насъ пагубна; нѣтъ сомнѣнія, что при нападеніи Русскихъ въ значительномъ числѣ, плѣнные были бы истреблены, какъ то случилось въ послѣдствіи. На половинѣ дороги къ с. Костежу, одинъ изъ кавасовъ показалъ намъ лежавшій на дорогѣ обезглавленный трупъ, голова была брошена въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тѣла. Кавасъ разсказалъ, что это былъ русскій офицеръ, раненый и взятый въ плѣнъ при Костежѣ. Отъ слабости онъ не могъ даѣе идти и былъ умерщвленъ Турками.

Уже поздно мы прибыли на ночлегъ въ деревню Джумаю, которая совершенно была пуста. Намъ показали комнату. Турки разложили среди двора огонь и провели около него всю ночь, вѣроятно, опасаясь нечаяннаго нападенія Русскихъ. Здѣсь мы почувствовали въ первый разъ голодъ. Не ѣвши почти ничего три дня, такъ сказать, по волѣ, потому что не было аппетита, мы пропостились четвертый по неволѣ. Передъ выѣздомъ изъ Шумлы, мы объявили Мустафѣ желаніе наше пообѣдать. Онъ бросился хлопотать о выполненіи нашего требованія. Нѣсколько разъ онъ уходилъ и опять возвращался, но всегда безъ обѣда, а только

съ обѣщаніемъ, что тотчасъ принесутъ его: наконецъ, онъ объявилъ, что на кухнѣ наши ничего уже не осталось, и прибавлялъ въ полголоса, что мы сами виноваты въ томъ, что уѣдемъ голодные: — мы ничего не дали поварамъ наши, приходившимъ къ намъ поутру получить бакшишъ. Пожуривъ Мустафу за то, что онъ насъ не предупредилъ о такой цѣли визита поваровъ, который мы приписали одному любопытству, мы отправились въ надеждѣ пообѣдать на дорогѣ, но обманулись. Несмотря на всѣ свои поиски, Мустафа-каваъ въ пустомъ селеніи не могъ ничего намъ достать.

Начальникъ нашего конвоя, дивитаръ, былъ угрюмый чело-вѣкъ, лѣтъ подъ 45, слабаго здоровья и блѣднаго лица, вѣроятно отъ употребленія опиума. Онъ, если не смѣлъ дѣлать намъ явныхъ непріятностей, то не упускалъ случая или противиться тому, чего мы желали, или дѣлать, чего не хотѣли, и всегда ворчалъ, если мы, наскучивъ медленностью повозокъ, уѣзжали съ однимъ изъ кавасовъ нѣсколько впередъ. Совершенною противоположностью ему былъ Мустафа-каваъ, татаръ (курьеръ), заготовлявшій намъ квартиры, веселый, высокаго роста и хорошо сложенный молодой чело-вѣкъ, чрезвычайно смуглый лицомъ, показывавшимъ массивностью губъ и яркою бѣлизною зубовъ, что его мать была негрятинка. Еще въ Шумѣ Мустафа приходилъ къ намъ и отличался отъ прочихъ Турокъ своею любезностью. Въ дорогѣ онъ не отходилъ отъ насъ, хлопоталъ о доставленіи всѣхъ выгодъ, принималъ жалобы, которыя мы иногда приносили на худое содержаніе нижнихъ чиновъ и тѣмъ даже навлекъ на себя неудовольствіе своихъ товарищей, а особенно пасмурнаго дивитара, съ которымъ имѣлъ по временамъ крупныя разговоры. Онъ весьма здраво судилъ о предметахъ, непревосходившихъ сферу его знаній. Скоро онъ принялъ на себя титулъ нашего кафадара (пріятеля). Остальные наши провожатые были: Гуссейнъ, Гассанъ и Ахмедъ — кавасы. Послѣдній — молодой, стройный, прекрасной наружности Турокъ, а двое первые — простодушные старички. Ахмедъ, хотя и завидовалъ отчасти нашему расположенію къ Мустафѣ, старался также намъ оказывать услуги, но съ тою холодною, которая отнимаетъ всю цѣну у одолженій; а старички почти ни во что не мѣшались.

Къ кортежу нашему принадлежало еще одно лицо, которое будетъ играть важную роль во всѣхъ послѣдующихъ происше-

ствіяхъ съ нами. Это былъ переводчикъ или терджиманъ, — Грекъ и маркизанти, понавшій, подобно намъ, вмѣсто русскаго, въ турецкій лагерь со всѣмъ своимъ богатствомъ, состоявшимъ въ нѣсколькихъ бочкахъ вина, водки и рому, въ нѣсколькихъ головкахъ сахару, въ немногихъ банкахъ варенья и щипкахъ лимонъ. Все это было продано Турками въ Шумлѣ кунцамъ, и нашъ бѣдный терджиманъ съ неизъяснимымъ прискорбіемъ души видѣлъ, какъ чужой карманъ принималъ барышъ, на которомъ онъ основывалъ будущее свое благосостояніе. Но, судьбы неисповѣдны и часто ведутъ насъ къ цѣли совсѣмъ не тою дорогою, какую мы себѣ избираемъ; и кто знаетъ, пусть ли теперь терджимановы карманы, нежели бы они были послѣ усиленнаго сбыта его продуктовъ въ русскомъ лагерѣ? Николай плохо зналъ по-турецки и не очень сильно по-русски; оттого бесѣды наши съ Турками бывали иногда забавны. Проходили цѣлые часы, что мы другъ друга непонимали, между тѣмъ, какъ терджиманъ все говорилъ, и наконецъ, когда начинали смѣяться безуспѣшности его въ переводѣ, онъ увѣрялъ, что знаетъ много лзыковъ, и что еслибы онъ переводилъ съ молдавскаго языка на греческій, то непременно бы его разумѣли.

На третій день по выѣздѣ изъ Шумлы мы прибыли къ небольшому городку Османъ-Базару. Дивитаръ велѣлъ солдатамъ нашимъ сѣзъть съ повозокъ и, построивъ ихъ въ колонну, самъ впереди съ своимъ причетомъ, съ знаменемъ и барабанщикомъ сотни, окружавшей колонну, повелъ ихъ торжественно въ городъ по узкимъ улицамъ между тѣсннвшимися Турками, которые сбѣгались со всѣхъ сторонъ на звукъ бубенчиковъ. Мустафа, предвидя, что этотъ парадъ былъ бы для насъ непріятенъ, повелъ насъ, офицеровъ, къ квартирѣ другою улицею и избавилъ отъ неудовольствія служить позорищемъ для невѣжественной и раздраженной толпы. Въ Османъ-Базарѣ намъ отвели комнату въ одномъ, какъ говорили, казенномъ большомъ домѣ, гдѣ жилъ начальникъ округа, молодой Турокъ, пріятнаго, но изнѣженнаго вида, который замѣчалъ я почти у всѣхъ молодыхъ Турокъ, нѣсколько по-богаче и по-знатнѣе. Бей пришелъ къ намъ въ шелковомъ кафтанѣ и въ желтыхъ папушахъ, съ богатою шалью на головѣ. Сѣвъ на софѣ и выпуская медленно дымъ, онъ рассказывалъ намъ съ неловкою важностію, что наканунѣ былъ имъ объявленъ султанскій фирманъ или манифестъ о взятіи Персамы Крыма. Хотя сомнѣнія глуровъ касательно предмета, освя-

щенного фирманомъ, могли казаться неблаговидными правовѣрному мусульманину, мы старались однакожь доказать всю географическую и политическую невозможность такого событія. Выслушавъ доводы наши и помолчавъ, онъ сказалъ нѣсколько словъ, переведенныхъ терджиманомъ такъ: «Говорите, что хотите, а будьте увѣрены, что Крымъ отъ васъ *утекалъ*. Фирманъ великаго султана лгать не можетъ». Незнаю, отчего возникъ этотъ слухъ, но онъ повторялся намъ по дорогѣ до самаго Адрианополя.

Вечеромъ бей предложилъ намъ ужинъ и мы увидали, что поворота у него были исправнѣе, чѣмъ у Гуссейнъ-Паши. Намъ подали на серебрянномъ приборѣ пять или шесть блюдъ, совершенно новыхъ для насъ, но приготовленныхъ съ отличнымъ вкусомъ. Турецкій столъ былъ оправданъ, и мы заключили, что хозяинъ нашъ былъ гастрономъ. Отправившись на другой день въ путь, мы скоро достигли Большаго Балкана. Минувая нѣсколько небольшихъ горъ, мы въѣхали въ ужасное дефиле, по обѣимъ сторонамъ котораго возвышались необыкновенной крутизны горы, покрытыя лѣсомъ и кустами. Входъ въ него охранялся нѣсколькими Турками, какъ говорили, для удержанія побѣговъ изъ Шумлы. Это мѣсто, будучи приличнымъ образомъ укрѣплено, можетъ служить весьма сильною преградой для войскъ, которыя бы хотѣли проникнуть въ горы: ущелье, составляющее дефиле, имѣетъ персть 10 длины; по дну его протекаетъ въ глубокой рывинѣ рѣчка; вдоль ея извиается узкая каменнестая дорога. У выхода изъ оврага лежитъ деревня, окруженная каменными горами, покрытыми лѣсомъ, которыя тѣснятся одна къ другой и образуютъ амфитеатръ, представляющій очаровательный видъ. За селеніемъ начинается опять трудная дорога, ведущая иногда ущельями, иногда переносывающая чрезвычайно крутыя горы, касающаяся пропастей, вездѣ заваленная отъ природы камнями, вездѣ узкая, вездѣ опасная для большихъ повозокъ.

По смѣшному опасенію, чтобы мы не усакали, кавасы снабжали насъ всегда самыми дурными лошадьми, и, не смотря на обѣщанія Мустафы, на каждой станціи, что завтра уже будутъ хорошія лошади, мы продолжали ѣхать на клячахъ. Это утомляло насъ немовѣрно. Надобно было кричать, бить, дергать, попуждать лошадь ударами каблуковъ за недостаткомъ шноръ, который должно было уступить въ Шумлѣ влюбившимся въ нихъ Туркамъ. Но хуже всѣхъ было г-ну III^м. Имѣя весьма боль-

шой ростъ и будучи дорожень, онъ, на хромоѣ, тощей, маленькаго роста лошадекѣ, съ козачьей посадкой на короткихъ стременахъ и часто на вьючномъ сѣдлѣ, размахивая руками для поужденія лошади, представлялъ собою невыгодную фигуру. Много разъ, когда лошадь спотыкалась, тяжесть сѣдока заставляла ее падать на переднія ноги, и всадникъ летѣлъ ей черезъ голову. По счастью, такіе случаи были безвредны. Турки при всякомъ паденіи смѣялись отъ души и безпрестанно повторяли: «шипманъ дюптю» (толстикъ упалъ).

Углубляясь въ горы, мы достигли мѣста плѣнительной красоты. Среди обширной, открытой плоскости, лежащей наравнѣ съ многими лѣсистыми вершинами горъ, возвышается огромный каменный утесъ, вверху заостренный и окруженный множествомъ меньшихъ камней. Кажется, будто природа создала его властелиномъ окружающихъ горъ, надъ которыми онъ гордо устремляется къ небу; орелъ величественно плаваетъ надъ нимъ въ лазури и садится на неприступную вершину, а черная галка съ крикомъ вьется около ущельевъ, изрытыхъ временемъ въ нѣдрахъ этого исполина.

На слѣдующемъ ночлегѣ, въ деревнѣ Казанѣ, намъ дали чистую комнатку въ домѣ одного Болгарина.

Въ Казанѣ дѣлаютъ въ большомъ количествѣ мыло, называемое въ Россіи турецкимъ или греческимъ, чѣмъ занимаются Болгары. Въ этомъ городѣ мы пили въ первый разъ, по выѣздѣ изъ лагеря нашего подъ Силистрією, сносное вино; во всѣхъ прочихъ мѣстахъ оно было кисло, слабо и не вкусно.

Понутру, перемѣнивъ нашихъ конвойныхъ, мы оставили Казань. Дорога вела по дну одного ущелья и безпрестанно пересѣкала текущій въ немъ по неску ручей. Для вѣсеходовъ была тропинка, пробитая у оконечности одной изъ горъ, образующихъ ущелье. Я изъ любопытства считалъ, сколько разъ мы перѣбдемъ ручей, но, послѣ двадцати, провожатые наши велѣли повозкамъ своротить въ сторону по маленькой дорожкѣ, ведущей на гору, и мы поѣхали за ними.

Черезъ нѣсколько дней утомительнаго пути, мы увидѣли роскошную долину, на которой лежитъ дорокъ Сливно или Селивно. Съ одной стороны эта богатая, плодоносная равнина терялась въ отдаленіи, а съ другой ограничена была необозримой, совершенно обнаженною гранитною громадою дивной красоты. Солнечные лучи, отражаясь на ея поверхности, придавали ей видъ одного огромнаго кристала. Между роскошными садами,

гладкая дорога вела къ городу. Вездѣ слышны были голоса людей, разсѣянныхъ между виноградниками для собиранія плодовъ. Раздавался плаксивый крикъ ословъ, шедшихъ по дорогѣ мелкимъ, торопливымъ шагомъ, съ большими коробами на бокахъ, наполненными крупнымъ виноградомъ.

Сады не имѣли почти никакой ограды; изрѣдка виднѣлись только каланчи, поставленные для сторожей, а между тѣмъ цѣлостъ прекрасныхъ кистей, на самыхъ близкихъ къ краю низенькихъ кустахъ, доказывала, что здѣсь право собственности въ этомъ отношеніи строго уважалось. Конечно, то было слѣдствіемъ изобилія. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Турціи, виноградъ чрезвычайно дешевъ,

Селимно, городъ довольно оживленный торговлею, можетъ имѣть до 20,000 жителей. Положеніе его у самой подошвы кремнистаго кряжа доставило ему рѣдкую выгоду имѣть во всякомъ домѣ и даже по улицамъ текучую воду. Каменные фонтаны—лучшее украшеніе турецкихъ городовъ и самая полезная роскошь въ жаркомъ климатѣ. На другой день мы оставили Селимно, сопровождаемые черезъ городъ многочисленною толпою любопытныхъ Турокъ. Мужчины держали себя очень скромно; но дѣти, тѣсняясь вокругъ насъ, дѣлали разныя гримасы и пилили себѣ рукою шею, въ знакъ того, чего они желали намъ, бросали камешки, за что получали изрядные удары отъ палки Мустафы; женщины, выглядывая изъ-за воротъ и дверей, бывающихъ въ нѣкоторыхъ домахъ на улицу, плевались и бранились.

Въ Селимно мы видѣли между болгарскими низенькими и круглыми шапками изъ черныхъ смутекъ, пестрые синяго съ чернымъ цвѣта повязки, въ родѣ турецкой чалмы, съ двумя длиннымъ концами назадъ. Это нарядъ Румелійцевъ. Фундуклы, первая деревня, въ которой мы почевали по выѣздѣ изъ города Ямболи, лежащаго на югъ отъ Селимно, населена ими. Народъ этотъ, я говорю о поселянахъ, кажется бѣднѣе и слабѣе духомъ, нежели Болгары. На лицахъ Румелійцевъ виденъ явный отпечатокъ угнетенія, рабства и малодушія. Свидѣтельствомъ исторіи подтверждается это впечатлѣніе; извѣстно, что туземныя племена псли римское иго, а Болгары были народъ новый и, до покоренія Турками, свободный, да и Турки завоевали землю Болгаръ позже странъ, лежащихъ по ту сторону Балканъ. Впрочемъ, племена греческое и болгарское здѣсь смѣшаны и Болгары разсѣяны

не только по всей почти Румелии и Македонии, но и по самой Фессалии.

Едва мы легли спать, какъ услышали нѣчто подобное звуку замка, бьющагося о дверь. Мы закричали: «кто тамъ»? Стукъ затихъ, мы успокоились. Мы догадывались, что было покушеніе на оставившуюся часть нашей свободы, что хотѣли запереть насъ, но думали, что это отражено; однако черезъ четверть часа возобновился звукъ сильнѣе; тогда мы всѣ бросаемся къ двери, стукомъ и крикомъ заставляемъ Турокъ, поставленныхъ стеречь насъ, отпереть дверь; посылаемъ терджимана къ начальнику для представленія ему, что мы не арестанты, а военнопленные и что запираеть насъ, значило бы тоже, какъ если бы хотѣли надѣть на насъ цѣпи. Мустафа былъ готовъ летѣть къ намъ на помощь, но осыпанный упреками начальника, товарищей и другихъ Турокъ за такую сплсходительность къ невѣрнымъ, онъ остался, грозя только, если намъ не дадутъ удовлетворенія, довести насъ о томъ, что не поступали по его повелѣнію. Пришелъ другой казасъ и съ недовольнымъ видомъ исполнилъ наше требованіе. Караульные, разложивъ огонь у избы, вымещали бранью сквозъ зубы за потерю для нихъ ночи.

На слѣдующій день мы прибыли въ другую румелійскую деревню, гдѣ какой то Турокъ встрѣтилъ насъ привѣтствіемъ: «Здравствуйте, ваше благородіе». Пришедши въ нашу квартиру, онъ рассказывалъ, что, будучи родомъ изъ Татаръ и служивши въ 32-мъ егерскомъ полку, онъ бѣжалъ за Дунай, женился на Турчанкѣ, жилъ около кр. Исакчи и по приближеніи нашихъ войскъ, вмѣстѣ съ другими жителями тѣхъ мѣстъ, ушелъ въ горы, а оттуда сюда; что о своемъ житіи—бытіи въ Турціи хорошаго сказать ничего не можетъ; что всегда былъ подозрѣваемъ; что изъ нашихъ дезертеровъ иные были убиваемы въ лѣсахъ и другихъ глухихъ мѣстахъ турецкими разбойниками, или бывали сами приняты за бродягъ и воровъ и тоже убиваемы, а другіе употреблялись въ работы и находились все равно, что въ неволѣ. Онъ зналъ Юзъ-Баши, посѣтившаго насъ въ Ямболи, и сказывалъ, будто онъ былъ прежде кондукторомъ инженернаго штата въ Измаилѣ.

Оставалось еще два перехода до Адрианополя. По недостатку верховыхъ лошадей, трое изъ насъ отъ самаго Ямболи ѣхали въ крытой повозкѣ, а г. Вишневскій во всю дорогу былъ везенъ на особенной воловой подводѣ. Послѣдніе два дня дорога была го-

ристая: сидя на голыхъ доскахъ, поджавши потурецки ноги, въ самыхъ принужденныхъ положеніяхъ, мы ежеминутно толкались одинъ о другаго; сѣзжали то къ передку, то къ задку будки, смотря по тому внизъ, или въ гору шла дорога, и не знали, куда дѣваться съ трубками, которыя отъ скуки привычка сдѣлала намъ необходимою. Наконецъ, въ десятый день путешествія отъ Шумлы, открылись передъ нами обширныя адріано-польскія равнины. Это было въ началѣ сентября; все пространство представляло одну открытую пожелтѣлую плоскость, на которой подымались кое гдѣ невысокіе холмы. Однообразный видъ ея не обѣщалъ ничего такого, что могло бы плѣнить султана Амурада I, перенесшаго сюда столицу свою изъ Брусы. Не природа, а политика рѣшила выборъ завоевателя.

Повозки съ солдатами отстали далеко отъ насъ и потому надобно было остановиться: дивитару хотѣлось торжественно со всѣми порученными ему плѣнниками вѣхать въ прежнюю столицу имперіи. Когда солдатскія повозки подѣхали, всѣ мы двинулись, и миновавъ обширное кладбище, вѣхали въ городъ. Народъ тѣснился въ узкихъ улицахъ, особливо женщины, одежда которыхъ, если и не очень благопріятствовала красотѣ, то покрайней мѣрѣ не придавала имъ вида ночныхъ пугалищъ, какъ одѣліе прежде видѣнныхъ мною женщинъ; онѣ имѣли свѣтлозеленыя длинныя и широкія мантии, съ такими же капюшонами на спинѣ, и бѣлыя покрывала. Какъ ни прославлены глаза восточныхъ красавицъ, но симпатичнаго впечатлѣнія они не могутъ производить, потому что ему не помогаетъ выраженіе лица, закрытаго чадрую.

Долго ткнулись мы городомъ; наконецъ вѣхали во дворъ, гдѣ множество Турокъ толпилось у дверей большаго дома, окна котораго были открыты, и у одного изъ нихъ сидѣлъ въ богатой чалмѣ паша и выпускалъ на дворъ дымъ изъ своего чубука; вѣтерокъ уносилъ дымъ, играя въ черной окладистой бородѣ пашин. Сначала мы смотрѣли на него изъ повозокъ, потомъ велѣли намъ выйти и повели въ домъ. Въ огромныхъ залахъ, устланныхъ камышевыми коврами, находилось множество разнаго рода прислужниковъ безъ башмаковъ, поставленныхъ чинно въ рядъ у входа. Комната, въ которой насъ принялъ паша, была хорошо убрана, но ни что не давало понятія о какомъ-то волшебномъ богатствѣ и роскоши, которыми славится Востокъ.

Наша, человекъ лѣтъ 35-ти, привлекательной наружности, предложилъ намъ сѣсть на софѣ и велѣлъ подать трубки и кофе. Каждый изъ насъ получилъ отъ особеннаго слуги чашечку кофе съ сахаромъ, вставленную въ другую чашечку, и трубку, которая ставится на лотокъ, чтобы не марать пола; чубукки (подаватель трубокъ) съ особенною ловкостью большимъ и плавнымъ размахомъ вкладываетъ чубуки въ руку, поднося янтарь къ самымъ губамъ. Терджиманъ, стоя между нами и пашою, переводилъ его вопросы и наши отвѣты. Вопросы были, какъ и вездѣ прежде въ подобныхъ случаяхъ, самые обыкновенные. Лицо паши оживлялось благосклонною улыбкою, которая, вмѣстѣ съ открытымъ выраженіемъ глазъ и всего лица, придавала ему много пріятности. Сдѣлавъ нѣсколько увѣреній на счетъ хорошаго содержанія плѣнныхъ въ Турціи, — такова воля султана Махмуда, — и сказавъ намъ въ утѣшеніе «Иншалла, баршикъ олуръ» (дастъ Богъ, будетъ миръ), онъ отпустилъ насъ, приказывая отвести намъ хорошую квартиру, и непременно въ турецкомъ домѣ.

Намъ хотѣлось отдохнуть и, пробывъ цѣлый день въ Адрианополѣ, посмотрѣть что можно было. Мы обратились къ пріятелю нашему, Мустафѣ, чтобы онъ вступилъ въ переговоры объ этомъ съ дивитаромъ. Вечеромъ онъ принесъ благопріятный отвѣтъ и общалъ на другой день сводить насъ въ лавки и въ баню; между тѣмъ заботился о доставленіи всего нужнаго для стола, провелъ цѣлый вечеръ съ нами, ужиналъ, находя порядочными кушанья, изготовленные похоже на русскія, а особенно выхваляя обычай запивать ихъ виномъ. Онъ былъ правъ, въ Адрианополѣ у насъ было хорошее красное вино, въ родѣ медака, которое покупалось по 30 паръ или копѣекъ ассигн. око (болѣе кларты).

По утру Мустафа, надѣвъ новую чалму и урубѣ (*), отправился съ нами въ ряды.

Лавки обращены одна къ другой выходами, а надъ остающимся между ними пространствомъ разстилаются на деревянныхъ перекладинахъ виноградныя лозы, производящія прохладу для покупателей и нѣкоторую темноту, благопріятствующую продавцамъ.

Остановившись близъ одной лавки, чтобы купить изъ уваженія къ турецкимъ поламъ папуши и мешты, — сапоги наши

(*) Такъ называется по-турецки платье вообще.

наносили большой вред камышовымъ настилкамъ, — мы увидѣли женщину, которая, разговаривая съ купцомъ, подняла свое бѣлое покрывало и распустила съ небрежностію темнокоричневую мантию, окутывавшую станъ ея. Страстное лицо, одушевленное большими и блестящими, влажными черными глазами, обратили на нее наше вниманіе. Томная, но небольшая бѣдность говорила объ огненномъ темпераментѣ, а правильныя и выразительныя черты давали ея фizioноміи рѣдкую привлекательность. Замѣчалъ наше вниманіе, она повременамъ бросала на насъ взгляды, исполненные участія, и казалось, съ умысломъ продолжала разговоръ свой. Къ нашей досадѣ неуклюжая мантия скрывала станъ, можетъ быть, соотвѣтствовавшій лицу. Окончивъ покупку, пошли, довольные тѣмъ, что удалось намъ видѣть турецкую красавицу, — счастье столь рѣдкое для мужчинъ, а особливо чужеземцовъ и плѣнныхъ; но терджиманъ вывелъ насъ изъ заблужденія, сказавъ, что женщина эта армянка, какъ доказывалъ цвѣтъ ея мантии и поднятое покрывало. Побывавъ у солдатъ нашихъ, которые находились по обыкновенію въ большомъ сараѣ, куда Греки и Болгары приносили имъ добровольно пищу и даже одежду (*), мы пришли въ баню и увидали себя въ большой залѣ, всѣ стѣны которой заняты были кругомъ возвышеніями, раздѣленными на части, какъ и то пространство, которое находилось по срединѣ. Посѣтителъ беретъ одно изъ такихъ мѣстъ, имѣющее чистую постель, съ принадлежащимъ къ ней бѣльемъ. Когда мы раздѣлись, служитель подалъ деревянныя, высокія сандалинъ, предохраняющія ноги отъ горячаго каменнаго пола, и повелъ въ самую баню, которая также велика, какъ и передняя зала, и освѣщена сверху стеклами, вставленными въ куполѣ. Чтобы промывать испарину, васъ кладутъ на небольшое мраморное возвышеніе, находящееся среди комнаты, имѣющей умѣренную теплоту, и разминаютъ члены. Послѣ этого васъ подводятъ къ одной изъ мраморныхъ умываленъ, придѣланныхъ къ стѣнамъ, съ двумя кранами для теплой и холодной воды. По окончаніи всего этого, цирюльникъ предлагаетъ вамъ свои услуги; потомъ, укрывъ двумя или тремя полотенцами, и поднявъ на тѣ же ходули, васъ ведутъ

(*) Несмотря на всѣ просьбы, мы не могли доставить солдатамъ нашимъ никакого одѣянія: «все будетъ въ Стамбулѣ, бакалырь» (посмотримъ), отвѣчали намъ всякій разъ. Многіе Турки прогоняли тѣхъ, которые хотѣли имъ дѣлать подаданіе, желая прекратить даже самое сношеніе съ христіанами, по ненависти къ намъ; съ трудомъ за деньги могли мы достигать, чтобы кто нибудь перевязалъ нашихъ раненныхъ.

обратно въ залъ, кладутъ на постель и вы отдыхаете, пока вздумается вамъ одѣться. Здѣсь предлагаются трубки, кофе, плоды.

Тѣмъ же порядкомъ поступлено было съ солдатомъ, который пришелъ вмѣстѣ съ нами. Все шло хорошо, пока нужно было только повиноваться, но надобно было видѣть замѣшательство и недоумѣніе лихаго улана, когда, положивъ его на одну изъ постелей, подали ему, какъ и намъ, трубку и кофе. Какъ лежать подлѣ офицеровъ и даже подлѣ своего эскадроннаго командира, пользоваться равными правами и раздѣлять ихъ удовольствія? Это ему казалось непонятнымъ. Напрасны были всѣ ободренія: поднявшись на локоть, чтобы не совсѣмъ лежать, онъ держалъ, не шевеля губами, лютарный муштукъ во рту и смотрѣлъ на стоявшій близъ него кофе. Чтобы вывести изъ затруднительнаго положенія добраго служиваго, должно было приказать слугамъ предоставить его собственному распоряженію. Въ минуту онъ былъ одѣтъ и готовъ дѣлать «что прикажете?»

Послѣ обѣда, насъ посѣтилъ сынъ хозяина дома, Мутышъ-Ага, и его пріятель; они просидѣли у насъ до вечера. Терджиманъ изощралъ свое знаніе въ обоихъ языкахъ. Легко судить, какъ интересны были бесѣды наши съ этими молодыми людьми. Они спрашивали названія разныхъ предметовъ на русскомъ, говорили намъ свои, хвалили храбрость турецкихъ войскъ и нововведенный султаномъ порядокъ (талымъ), разсматривали наше платье, особенно сапоги, удивлялись всему, какъ дѣти, курили табакъ и пѣли крикливую шѣсию — образецъ какофоніи, неизмѣняющій, я думаю, себѣ равнаго. Тоны этой шѣсии, почти единственной у Турокъ, совершенное безсмысліе въ звукахъ, которому надобно удивляться. Гости наши были однакоже не вовсе безъ претензій на ученость; Мутышъ-Ага отыскалъ въ шкапу, — гдѣ находилось сѣдло, конскій приборъ, щетка, скребница, нѣсколько оковъ табаку и другія вещи, — небольшую, писанную на турецкомъ языкѣ тетрадку, читалъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, вѣролпно, какіе нибудь стихи, и оба восхищались. Мы не любопытствовали узнать содержанія тетрадки. Такое равнодушіе охладило восторги ихъ и прекратило чтеніе. Вечеромъ гости эти замѣнились Мустафою и Ахмедомъ-кавасами.

Мустафа былъ очень искусенъ въ мимикѣ, которою вообще сопровождается разговоръ Турка; при помощи жестовъ, онъ передавалъ намъ свои идеи часто съ такою ясностью, что мы его почти совершенно понимали, узнавъ нѣсколько употребительнѣйшихъ

словъ и привыкнувъ къ его мимикѣ. Такъ рассказывалъ онъ самымъ живописнымъ образомъ цѣлый сраженіи, въ которыхъ онъ бывалъ, подражалъ голосомъ выстрѣламъ орудій, выражая положеніе войскъ, число ихъ, конныхъ и пѣшихъ, быстроту скачки и прочее, различными движеніями рукъ и пальцевъ. Въ этотъ вечеръ посѣтители наши были очень разговорчивы, чему много способствовали стаканы краснаго вина, стоявшіе передъ ними. Оригинальность ихъ сужденій и рассказовъ забавляли насъ, и мы старались оживить ихъ, не забывая подливать вина въ стаканы. Желая дать Мустафѣ понятіе о моемъ званіи, майоръ Шатовъ рекомендовалъ меня дефтердаромъ (секретаремъ), но Мустафа отвѣчалъ: «дефтердаръ дениль, амма меэндызъ» (пѣтъ, онъ не дефтердаръ, а инженеръ) и основывалъ свои догадки на вниманіи, съ которымъ я рассматривалъ встрѣчавшіеся предметы, даже камешки по дорогамъ, какъ онъ говорилъ. Боюсь, чтобы такое мнѣніе при подозрительности Турокъ не послужило поводомъ къ какимъ нибудь особеннымъ ограниченіямъ той свободы, которою пользуются военнопленные, я старался его увѣрить, что я былъ «атлы юзъ-баши» (офицеръ коннаго полка), однако напрасно: онъ оставался при своей мысли. Но я увидѣлъ впослѣдствіи, что мои опасенія были напрасны.

Гости наши засидѣлись долго. Сонъ начиналъ клонить меня и я припоминалъ пословицу: «не во время гость—хуже Татарины». Мустафа, качаясь, брелъ на болгаркѣ (родъ балалайки) какіе-то однообразные аккорды, а товарищъ его, вытянувъ шею, поднимая лицо кверху и закрывъ глаза, крпчалъ во все горло и въ носъ, по обыкновенію Турокъ, національную свою пѣсню. Къ счастью, благодѣтельная природа взяла свое: голоса ихъ слабѣли, и уже за полночь, они избавили наши уши отъ несноснаго своего пѣнія и позволили намъ заснуть.

Въ Адрианополѣ, какъ и во всей южной Турціи, строятъ очень высокіе дома. Болгаринъ прибрежныхъ дунайскихъ мѣстъ врывается въ землю, которой свѣжесть лѣтомъ и теплота зимою предохраняетъ его и отъ зноя и отъ стужи. Въ Балканахъ многіе дома имѣютъ полъ, углубленный нѣсколько въ землю. Приближаясь къ югу, вы видите, что все приспособлено къ доставленію прохлады томлящимся отъ зноя жителямъ. Дома легкой постройки возвышаются, какъ бы желая отдѣлится отъ знойной

земля; шелестъ козышущихся яворовъ, душистыхъ липъ (*) и вьющагося по стѣнамъ виноградинка, который бросаетъ густую тѣнь свою сквозь многочисленныя окна, склоняетъ ко сну. Для доставленія большей прохлады, дѣлаются къ домамъ пристройки, состоящія почти изъ однихъ стеколъ. Въ самые жаркіе дни, жители укрываются въ нижней части домовъ, — это большія, во весь домъ сѣни, неимѣющія вовсе оконъ и содержимыя обыкновенно въ отличной чистотѣ.

Раздавъ, по желанію Мустафы, слугамъ дома бакшишъ (составлявшій до 5 р. асс., что даже казалось намъ слишкомъ много, но онъ увѣрялъ, что это было необходимо, потому что мы квартировали у знатнаго господина), мы отправились изъ Адрианополя. Молодой нашъ хозяинъ, Мутышъ-Ага, поѣхалъ провожать насъ верхомъ на рѣзвой арабской лошади. Онъ пошелъ на ней взадъ и впередъ, фланкировалъ съ Мустафой и Ахмедомъ, дѣлавъ крутые повороты съ большою ловкостью и увѣренностью въ своей ѣздѣ. Наконецъ мы разстались.

По дорогѣ мы встрѣчали небольшіе караваны верблюдовъ, навьюченныхъ разными товарами, шедшими изъ Цареграда въ Адрианополь.

На третій день, около полудня, мы прибыли въ городъ Люле-Бургась. Пока Мустафа узнавалъ, гдѣ намъ отведена квартира, мы остановились у кофейни и выпивъ, чтобъ согрѣться (насъ провожала отъ Адрианополя очень холодная погода), по чашкѣ полу-турецкаго кофе съ гущею, но за то и съ сахаромъ, пошли осматривать одну изъ городскихъ мечетей. Мустафа возвратился и мы отправились съ нимъ на квартиру. Онъ, казалось намъ, былъ въ смѣненіи и сказалъ, что мы здѣсь только отдохнемъ и поѣдемъ далѣе, и что переходъ будетъ содержать восемь часовъ (40 верстъ), а потому мы проведемъ цѣлую ночь въ дорогѣ. Надобно было догадываться, что подъ этимъ крылась какая нибудь тайная причина; послѣ узнали мы, что нападеніе нашего фрегата на Инаду навело страхъ на старика дивитара. Извѣстіе о скоромъ отъѣздѣ было непріятно. Неимѣть времени отдохнуть, тащиться цѣлую ночь на лѣтнемъ и хромомъ бегирѣ,—это было очень обременительно.

Убѣжденный нашими представленіями о неудобствахъ столь большаго перѣзда въ холодную ночь, особенно для солдатъ, не-

(*) Здѣсь липы имѣютъ цвѣты гораздо большей величины, нежели въ нашихъ мѣстахъ, и издаютъ весьма сильный, даже слишкомъ сильный, запахъ.

имѣвшихъ порядочной одежды, Мустафа отправился переговорить съ дивитаромъ. Часа черезъ два, онъ воротился со всѣми кавасами, которые хвалились, что общими силами уговорили начальника своего остаться. Это значило, что надобно было ихъ потчивать; полились желанные напитки изъ глиняныхъ сосудовъ въ деревянный сломанный стаканъ. Гости принужденно церемонились, ждали примѣра, который показалъ имъ Мустафа, незнавшій притворства. Одинъ хотѣлъ раки (водки), другой предпочиталъ шарапъ (вино); нечего дѣлать, слѣдовало быть благодарными и угождать прихотямъ столь услужливыхъ посѣтителей. Но между тѣмъ, какъ довольные гостепріимствомъ наши кавасы пировали, а мы, обманутые обѣщаніемъ провести тутъ ночь, любовались ихъ веселостью, коварный дивитаръ дѣлалъ распоряженія къ отъѣзду, испугавшись извѣстія, что въ ста верстахъ были Русскіе. Какъ громомъ поражена была вся бесѣда, когда присланный отъ него Турокъ объявилъ, что все готово къ походу; гости наши приняли вѣсть эту еще съ большимъ неудовольствіемъ, чѣмъ мы: они имѣли полную необходимость въ отдыхѣ послѣ нашего угощенія. Но судьба была рѣшена, и вотъ мы всѣ на коняхъ отправляемся въ ночную экспедицію.

Приближаясь по утру къ городу Чорлу, мы увидѣли вправо и лѣво, въ отдаленіи нѣсколькихъ часовъ, горы, которыя прерывали однообразный видъ плоскостей, сопровождавшій насъ отъ самаго Адрианополя.

Чорлу лежитъ на довольно крутой корѣ и населенъ болѣе Турками. Поднявшись на эту гору, мимо остатковъ древней стѣны, мы проѣхали большую часть города между глухихъ стѣнъ турецкихъ домовъ, не встрѣтивъ почти ни души, наконецъ были введены черезъ маленькую калитку, въ тѣсный, но чистенькій домикъ одного Грека. Небольшой, красивый цвѣтникъ занималъ средину двора; высокій стебель тростника, похожаго на сахарный, едва оставлялъ довольно мѣста, чтобы повернуться нѣсколькимъ человѣкамъ. Кругомъ все было застроено. Чистота комнаты вознаграждала насъ за тѣсноту ея. Греки, вмѣсто того, чтобы передать побѣдителямъ своимъ правы, покорились ихъ грубымъ обычаямъ и сдѣлались совершенными Турками, за исключеніемъ тѣхъ свойствъ, которыя даетъ народная независимость и отнимаетъ нго. Греческія женщины прячутся отъ мужчинъ почти точно также, какъ и Турчанки, особенно въ тѣхъ

мѣстахъ, гдѣ эти два народа живутъ вмѣстѣ. Образъ жизни ихъ во многомъ имѣетъ сходство, вездѣ видно, что старожилы занимались отъ пришельцевъ.

Насъ посѣтилъ сынъ городского начальника, Назифъ, молодой и очень красивый Турокъ, съ пріятнымъ обращеніемъ. Рѣзкій черный цвѣтъ глазъ его и бровей былъ въ разительномъ и вмѣстѣ гармоническомъ контрастѣ съ бѣлзною лица и яркимъ алымъ цвѣтомъ губъ, какъ будто всегда улыбающихся. Довольно грубые звуки турецкаго языка смягчались въ его ласковой рѣчи, вызывавшей довѣрчивость. Намъ жаль казалось, что онъ не родился въ такой странѣ, гдѣ врожденные качества его могли бы развиться и усовершенствоваться.

Пространство между Адрианополемъ и Чорлу представляетъ необозримую плоскость, только изрѣдка пересѣченную съ отлогими берегами рѣчками, на которыхъ устроены почти вездѣ каменные мосты; многіе уже изъ нихъ пришли въ упадокъ и не могутъ служить для переправъ, производящихся въ бродъ. Мѣстами находишь, равно какъ и далѣе по пути къ Константинополю, каменные мостовыи, но онѣ нигдѣ не длиннѣе двухъ или трехъ верстъ, и такъ узки и неровны, что совершенно негодны для ѣзды. Почва земли на этомъ пространствѣ имѣетъ черный цвѣтъ агата и чрезвычайно жирна, почему можно сдѣлать выгодное заключеніе о ея плодородіи. Но къ осени, передъ началомъ дождей, именно въ то время, когда мы проѣзжали эти мѣста, они совершенно обнажены лѣтнимъ зноемъ.

На половинѣ пути между Чорлу и Селивриею, предъ нами вдали открылась темносизая поверхность Мраморнаго моря, которая нѣсколько разъ терлась за возвышеніями и опять показывалась. Видъ Селиврѣи, лежащей на горѣ у самого моря, произвелъ въ насъ весьма пріятное впечатлѣніе: высокіе дома съ черепичными крышами, съ выдававшимися изъ-за нихъ острокопечными кипарисами, множество судовъ съ бѣлѣющими парусами, то скрывавшихся за горою, то изъ-за нея приходившихъ въ гавань, гдѣ было замѣтно большое движеніе; непредѣльная плоскость моря съ серебристыми волнами, и наконецъ едва темнѣвшіеся вдали возвышенные Анатольскіе берега составляли прекрасную и оживленную картину. Переѣхавъ мостъ, находящійся въ широкой долинѣ передъ Селивриею, мы стали подниматься на гору чрезвычайно узкими, но чистыми уллицами, лежащими въ тѣни между высокихъ домовъ и охлаждавшимися

близостью моря. Квартира намъ была отведена у Грека. Изъ большихъ сѣней, устланныхъ гладкими плитами, мы поднялись по высокой деревянной лѣстницѣ на площадку, составляющую почти половину втораго этажа, но ничѣмъ не отдѣляющуюся отъ сѣней. Это столовая и залъ; изъ нея нѣсколько дверей ведутъ въ комнаты, которыя, выходя на нее, обыкновенно не имѣютъ между собою сообщенія. Изъ сѣней, гдѣ помѣщается разная домашняя утварь, былъ ходъ въ погребъ, устроенный подъ домомъ, и другой ходъ въ маленькій, обнесенный каменною оградою садикъ, имѣющій два или болѣе насыпныхъ ярусомъ, гдѣ между аллеями розъ росли душистый, покрытый алыми цвѣтами олеандръ, стройный, но мрачный кипарисъ, широколиственная смоковница, въ тѣни которой вились въ стѣну корнями розмаринъ и миртовый кустъ, усыпанный бѣлыми звѣздочками, котораго блестящая зелень ярко отдѣлялась отъ тусклыхъ, лоснящихся листьевъ масличныхъ деревъ. Густой плющъ вился по стѣнамъ дома и разстилался фестонами по каменной оградѣ, а толстый пенъ виноградника распускалъ гибкія лозы по перекладинамъ бесѣдки, и молодые грозды колыхались, бросая тѣнь на возвышенный помостъ. Греческій домъ—жилище чистоты и прохлады. Если здѣсь люди не наслаждаются жизнью, то гдѣ же человѣкъ можетъ найти счастье? Комната съ широкими диванами и бѣлыми занавѣсами находилась въ той части, которая въ здѣшнихъ домахъ выдается внѣ прочей постройки; такая же комната была въ противоположномъ домѣ; подобное расположеніе въ узкой улицѣ сближало эти два покоя такъ, что изъ одного въ другой можно подавать руку и видѣть булавку, уроненную на полъ. Какое выгодное устройство для добрыхъ сосѣдей! Они могутъ, не выходя изъ дому, бесѣдовать по цѣлымъ днямъ. За то, какое удобство и для сварливыхъ сплетницъ.

Хозяева наши были оба очень пожилые люди; они показывали намъ большое участіе; старуха, узнавшая въ нашемъ терджиманѣ своего соотечественника, была съ нимъ откровенна и увѣряла его съ горькими слезами, что султанъ хочетъ истребить всѣхъ до одного христіанъ, живущихъ въ его имперіи. «Мнѣ не себя жалѣ, говорила она, я уже отжила вѣкъ, но дѣти, дѣти!»

Въ слѣдующій день, мы дѣлали привалъ въ греческой деревнѣ, и тамъ, въ кофейной, встрѣтился намъ отецъ Назифа, нашего чорлускаго знакома. Это былъ плотный Турокъ, съ окла-

дистою, большою и сѣдоватою бородою. Онъ очень пріятливо разспрашивалъ о томъ, что мы видѣли хорошаго въ Чорлу, былъ обрадованъ, слыша похвалы его сыну; попросилъ позволенія предложить намъ завтракъ, состоявшій въ соленой, мелкой рыбѣ, приготовленной съ деревяннымъ масломъ и лукомъ, и удивлялся, что два порядочной величины сосуда съ виномъ и водою, поданные при этомъ блюда, были едва нами початы.

Въ Ключюкь-Чекмеджи, гдѣ мы расположились почевать, намъ предупредили, что на другой день недадутъ долго спать, и сказали, чтобы всякій надѣлъ лучшее свое платье. Въ самомъ дѣлѣ, мы выѣхали задолго до разсвѣта, чтобы ранѣе прибыть въ Константинополь.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ, провожатые наши остановились, чтобы приготовить все ко входу въ столицу и напиться кофе въ разбитой здѣсь палаткѣ, подъ дубомъ немнѣвѣрной толстоты, у подножія котораго вытекалъ быстрый, прозрачный ключъ. Это прекрасное мѣсто у воротъ столицы, представляющее такъ много для изобрѣтательнаго воображенія спекулятора, здѣсь едва нашло предприимчиваго Турка, который рѣшился расположиться на немъ съ закопченою палаткою и десяткомъ трубокъ и наргиле.

Пока мы пили кофе, подъѣхали повозки, и тутъ Мустафа принялъ на себя должность церемоніймейстера, велѣвъ солдатамъ разобрать изломанные и измѣтые кивера, которые были везены въ особомъ возу съ другими подобными трофеями и въ томъ числѣ, какъ увѣрили меня, съ боченками соленыхъ ушей. Мустафа построилъ солдатъ въ колонну, два во фронтѣ, поставилъ въ головѣ двухъ солдатъ, у которыхъ были гренадерскіе султаны, а передъ ними уланскаго унтеръ-офицера въ бѣломъ кителѣ. Нельзя было безъ сожалѣнія и смѣха видѣть этотъ парадъ, который долженъ былъ служить для турецкой столицы доказательствомъ побѣдъ сыновъ ея. Умышленно распушенные слухи заставляли Турокъ Константинополя вѣрить, что они видятъ въ немногихъ плѣнникахъ, приводимыхъ къ нимъ, остатки разбитыхъ армій. Поднявшись изъ ложбины, въ которой стоятъ кофейни, увидѣли мы восхитительную картину: Константинополь, казалось, былъ поглощенъ млечнымъ моремъ (*), только пирами-

(*) Это происходило отъ густоты паровъ, и уподобленіе это имело не преувеличено; съ тѣхъ поръ мнѣ не случалось видѣть Константинополя въ такомъ свѣтломъ облакѣ.

дальные кипарисы и шпицы минаретовъ во множествѣ выходили изъ неподвижной поверхности этого моря; кипарисы производили самый разительный контрастъ, темнымъ цвѣтомъ своимъ, съ бѣлизною паровъ. Мраморное море, подобное необозрпмому зеркалу, въ которомъ любитъ небо, было спокойно, только лодки мѣстами струили свѣтлѣющуюся равнину его. Острова выходили изъ сѣраго тумана и солнце начинало бросать изъ-за высокихъ горъ Анатоліи лучи, проникавшіе между облаковъ, которые вѣнчали коническія вершины ихъ. Здѣсь, въ первый разъ, я на нѣсколько времени забылъ совершенно мой плѣнъ, хотя приближался къ тому мѣсту, гдѣ мнѣ предназначено было влачить его. Я всѣми чувствами, всѣми способностями существа моего наслаждался этимъ очаровательнымъ видомъ. Млечное море рѣдѣло болѣе и болѣе, и когда солнце, выплывая по небосклону изъ-за горы, какъ будто остановилось мгновенно на кремнистомъ кряжѣ ея, чтобы поглядѣть: все ли по прежнему, — столица Турціи была только подернута легкимъ туманомъ, который волновался и улеталъ постепенно отъ легкаго вѣтерка, сопровождавшаго солнечный восходъ. Вѣлыя стѣны Царьграда открылись взору, море заиграло, и длинныя полосы свѣта легли по всему пространству его.

Огромныя зданія казармы, построенныхъ въ разныхъ концахъ столицы для вновь учрежденнаго войска, ополсываютъ ее и держать, какъ бы, въ блокадѣ.

Проѣзжал обширное кладбище, усыпанное памятниками и кипарисами, мы видѣли въ сторонѣ одно изъ предмѣстій Константинополя, Рамидъ-Чифликъ, гдѣ въ это время жилъ султанъ, чтобы находиться близъ своихъ войскъ, которыхъ онъ не оставляетъ современіи ихъ сформированія, почти никогда не почуя въ своемъ дворцѣ или сералѣ.

Въ воротахъ двойной стѣны, необыкновенно толстой и имѣющей въ промежуточномъ пространствѣ ровъ, мы были опять остановлены, чтобы занять наше мѣсто въ церемоніальномъ ходѣ; по принятому у Турокъ обыкновенію, насъ поставили позади солдатъ. Наконецъ, мы вошли въ Царьградъ. Сначала было мало народу, но скоро онъ сталъ тѣсниться въ узкой улицѣ, едва имѣвшей ширину, необходимую для двухъ экипажей. Любопытные слѣдовали за нами толпою, другіе шли на встрѣчу, или ожидали у своихъ домовъ и присоединялись къ толпѣ. Дѣти и женщины дѣлали разныхъ кривлянья, плевали, бросали камни, бранили

и проклинали насъ. Глаза молодыхъ Турчанокъ сверкали ненавистью изъ-за покрываль, старухи поднимали къ небу руки и глаза, изъ которыхъ лились слезы озлобленія, и молили о дарованіи имъ радости видѣть плѣнниками всѣхъ Русскихъ. Мужчины болѣе удерживали себя въ границахъ и только иногда дарили насъ свирѣпыми взглядами. Константинопольскія женщины послали передѣе, мантии разныхъ свѣтлыхъ цвѣтовъ съ капюшонами; темный цвѣтъ, а особенно коричневый, предоставленъ христіанскимъ женщинамъ. Новость предметовъ занимала насъ до такой степени, что мы почти незамѣчали ругательствъ или слышали ихъ съ улыбкою презрѣнія. Безчисленное множество лавокъ и кофеенъ было наполнено различными предметами азіатской роскоши. Важные Турки, поджавши ноги и куря табакъ, равнодушно разговаривали съ своими покупателями и, казалось, ничего не продавали, между тѣмъ оборотливые Греки и Армяне были въ безпрестанномъ движеніи, — даже и любопытство не развлекало ихъ на столько, чтобы забыть свою торговлю: они показывали одному товаръ, спорили за цѣну съ другимъ, брали деньги отъ третьяго, пробирались сквозь толпу, переходя изъ одной лавки въ другую. Рядъ домовъ съ лавками былъ прерываемъ мечетями, тѣсные дворы которыхъ были загромождены памятниками, сдѣланными болѣею частью изъ мрамора съ рѣзбою и позолотою страннаго вида; кареты стояли въ открытыхъ на улицу сараяхъ нѣкоторыхъ зданій и служили выѣсками знатности или богатства хозяевъ. Зеленъ кипарисовъ, разсаженныхъ передъ домами и на кладбищахъ, и виноградныхъ лозъ, которыя висли по стѣнамъ, составляя навѣсы у лавокъ и крылецъ домовъ, чрезвычайно оживляли эту нестрюю картину.

Но все имѣетъ мѣру, въ томъ числѣ и удовольствіе отъ новизны предметовъ. Мы шли очень медленно и уже въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ питали любопытство жителей Константинополя; жаръ увеличивался, чувствовалась усталость, любопытство наше стало притупляться, крики неблагоклонныхъ мусульманокъ производили уже болѣе впечатлѣнія на насъ, и мы съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидали конца нашего церемоніальнаго шествія. Наконецъ, вся процессія направилась къ воротамъ огромнаго дома, и мы вѣхали, сопровождаемые толпою, на довольно обширный дворъ, гдѣ обѣзжались нѣсколько прекрасныхъ турецкихъ лошадей. Слѣдовавшіе, мы построены были въ рядъ передъ окнами дома и увидѣли, какъ и въ Адрианополѣ, у одного изъ

оконъ бороду, — но уже не черную, а сѣдоватую, — чапму, трубку и дымъ. Особа, которой они принадлежали, пожелала по-смотреть на офицеровъ поближе; насъ провели сначала черезъ или мимо конюшни, находившейся подъ домомъ. Этотъ лошадин-ный пріемъ не очень намъ понравился и не общалъ много хорошаго. Пройдя нѣсколько залъ или переднихъ, паполненныхъ кавасами, мы были представлены дивитаромъ суровому старику небольшого роста. Онъ смотрѣлъ пристально на насъ, не говоря ни слова, пока не пришелъ переводчикъ, румяный, плотный и живой Турокъ, который, поцаловавъ у старика полу, обратился къ намъ, спрашивалъ: «говорить ли кто изъ насъ по-французски?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько маловажныхъ вопросовъ, переводя ихъ на турецкій языкъ. Коснувшись взятыхъ съ нами бумагъ, онъ сказалъ майору Шатову, что по заключеніи мира онъ будутъ также возвращены. Въ это время подали Керай-Бею (*) какую-то бумагу, завязанную въ шелковомъ платкѣ. Онъ поднялся, чтобы ее принять, и даже сдѣлалъ шага два впередъ, приложилъ къ ней, въ знакъ благоговѣнія, губы и; сѣвъ опять на свое мѣсто, развернулъ огромный листъ, исписанный крупными литерами, и сталъ читать; въро-ятно, это былъ султанскій фирманъ. Переводчикъ сказалъ намъ, чтобы мы шли за нимъ въ его комнату. Здѣсь, посадивъ насъ и приказавъ подать трубки, онъ началъ хвалить Турокъ и себя.

— Вы, господа Европейцы, сказалъ онъ: — называете насъ невѣждами и непросвѣщеннымъ народомъ, но видя меня и другихъ, вы должны убѣдиться, что и у насъ есть также люди образованные, знающіе свѣтъ; и учтивость обращенія нашего съ плѣнными доказываетъ, что мы вовсе не невѣжды. Что же касается наукъ, то знанія разнаго рода не такъ рѣдки между нами, какъ думаютъ. Вотъ, напримѣръ, я покажу вамъ сочиненный мною на турецкомъ языкѣ курсъ математики и фортификаціи, съ прибавленіемъ правилъ о разбиваніи лагерей.

Сынъ его, лѣтъ шестнадцати молодой человѣкъ, кривой на одинъ глазъ, принесъ двѣ печатныя книжки съ чертежами, весьма дурно сдѣланными. Видя столько талантовъ въ говорливомъ нашемъ хозяинѣ, я спросилъ у него, съ кѣмъ имѣю честь говорить; онъ сказалъ мнѣ свое имя, котораго теперь не припомню, и прибавилъ: «по моей должности, я великій драгоманъ Порты, но заин-

(*) Керай-Бей — министръ внутреннихъ дѣлъ, а домъ, въ которомъ онъ принялъ насъ, была Порта.

маюсь военными науками по склонности и для пользы моихъ соотечественниковъ.» Разказы великаго драгомана были очень занимательны для тѣхъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидали узнать свою участь. Я воспользовался первою перемишкою въ его словахъ, чтобы спросить, гдѣ мы будемъ жить и каково будетъ наше содержаніе.

— Вы, господа, отвѣчать онъ: — отправитесь завтра или дня черезъ два на островъ Халки, отстоящій на три часа отсюда; до того вы получите квартиру въ городѣ; о содержаніи не беспокойтесь. Порты доставитъ вамъ все нужное. Сверхъ того скажу вамъ (*si vous me faites votre compliment*), что датскій министръ, баронъ Гибшъ, получивъ отъ русскаго правительства порученіе входить въ нужды военнопленныхъ, просилъ на то позволенія у Порты, которая отвѣчала, что не желаетъ, чтобы кто либо мѣшался въ это: содержать пленныхъ ея дѣло, и она имѣетъ къ тому средства. Однако же тайнымъ образомъ министръ помогаетъ пленнымъ, и я васъ объ этомъ предупреждаю (*à condition que vous me fassiez votre compliment*)».

Быть отправленными на островъ, — это, несмотря на увѣренія драгомана, что мы тамъ будемъ пользоваться лучшимъ воздухомъ, нежели въ Стамбулѣ, — было похоже на заточеніе. Гдѣ же Галата? Гдѣ же Франки, съ которыми можно было бы дѣлать время, забывая хоть нѣсколько свое горе? Гдѣ же надежда, которую другу нашему, Мустафѣ, вздумалось поселить въ насъ, — надежда: пользоваться хотя ограничевною свободою и жить съ людьми? Что это за островъ? можетъ быть какая нибудь голая скала? Эти тревожныя мысли не позволяли намъ слушать внимательно того, что продолжалъ говорить драгоманъ. Тутъ мы вспомнили письмо Гуссейна-Паши, въ которомъ, по увѣренію Мустафы, писано было также о томъ, чтобы помѣстить насъ въ Галатѣ. «Мы удивляемся, сказалъ я: — что вы говорите намъ объ островѣ, тогда какъ мы имѣемъ письмо отъ сераскира къ негодіанту Виттали о принсканіи намъ удобнѣйшей квартиры въ Галатѣ или Перѣ; надобно полагать, что сераскиръ отнесся къ кому нибудь о томъ, чтобы намъ было позволено тамъ жить.»

— Письмо отъ Гуссейна-Паши? сказалъ онъ: — въ такомъ случаѣ, можетъ статься, это и сдѣлается по вашему желанію; но позвольте его видѣть.

Взявъ письмо, онъ понесъ его къ Кегай-Бейю. Между тѣмъ пришли въ комнату, гдѣ мы сидѣли, два ренегата, молодые лю-

ди отъ 16-ти до 18-ти лѣтъ, довольно интересной наружности, говорившіе хорошо по-французски, по-нѣмецки, по-гречески, по-русски и по-польски. Они были Поляки изъ Кракова и увѣрили, что, пріѣхавъ отсюда съ однимъ негоціантомъ, Грекомъ, въ Константинополь, лишлись его, пришли въ величайшую крайность и были принуждены, чтобы не умереть съ голода, сдаться домогательствамъ Турокъ и принять ихъ законъ. Имъ очень не нравился, по ихъ словамъ, образъ жизни новаго отечества, на счетъ котораго они отпустили нѣсколько остротъ. Они сказали, что ихъ заставляли пересматривать бумаги, взятые съ нами, но что кромѣ писемъ и документовъ, изъ которыхъ нельзя было извлечь никакихъ свѣдѣній, ничего не найдено. Нашъ разговоръ съ ними былъ прерванъ возвращеніемъ драгомана, который держалъ въ рукѣ письмо уже распечатаннымъ. Онъ говорилъ, что въ немъ не было ничего писано о квартирѣ, а говорилось только о доставленіи разныхъ потребныхъ намъ предметовъ.

— Это письмо, прибавилъ онъ, когда я просилъ отдать его мнѣ обратно: — дойдетъ въриѣе отсюда, нежели чрезъ другія руки. Что же касается до помѣщенія васъ въ Галатѣ, о томъ можно будетъ постараться (*si vous me faites votre compliment*). Теперь же вамъ надобно побывать въ адмиралтействѣ, подѣ въдѣніемъ котораго находятся все военнопленные. — Онъ отдалъ насъ на руки кавасамъ, отличавшімся отъ прежнихъ нашихъ провожатыхъ украшеніями своихъ тростей, и прощаясь, прибавилъ: «Я буду думать о васъ, *mais n'oubliez pas, de me faire votre compliment*.» Нетрудно было бы догадаться, какого рода учтивости домогался великій драгоманъ Порты. Но я удерживаюсь отъ всякаго заключенія, предосудительнаго для чиповника, посылаюго столь пышный титулъ.

Вышедши изъ дому, мы осматривались кругомъ, не вида ни солдатъ, ни вещей, ни кавасовъ нашихъ, — все скрылось; прежніе пропозитые разстались съ нами навсегда, а солдатъ мы нашли у пристани, на берегу гавани, въ которой посадили насъ всѣхъ на лодки и повезли вверхъ по заливу. Здѣсь опять можно было забыться на минуту, побуйсь великолѣпнымъ видомъ обширнаго порта, надъ которымъ возвышались горы, загроможденныя бесчисленными зданіями, и который былъ наполненъ судами, стоявшими вдоль лѣваго берега. Нестрые флаги ихъ разнообразили картину. Лодки и легкія суда, полныя людей, перекрещивались безпрестанно и оживляли видъ порта. Во время нашего переезда

къ адмиралтейству, многіе Франки или встрѣчались намъ, или объѣзжали насъ: казалось, мы глядѣли на своихъ родныхъ, и сердце билось какою-то ребяческою радостью при видѣ щеголеватыхъ европейскихъ костюмовъ, послѣ того, какъ мы такъ долго видѣли одиѣ чалмы, шубы и шальвары, изъ-подъ которыхъ выходили грязныя ноги, обутыя въ неуклюжіе башмаки. «Можетъ быть, думать я, эти люди, близкіе ко мнѣ по столь многимъ отношеніямъ, сдѣлаютъ теперь къ своимъ знакомымъ, друзьямъ или семействамъ,—а я?»...но, тутъ мчался отъ устъ четырехъ дюжихъ гребцовъ раскрашенный и съ позолотою канкъ и на бархатной подушкѣ покоился въ богатой одеждѣ бородастый Турокъ, не спускавшій глазъ съ молодой женщины, сидѣвшей противъ него, съ волосами, распадавшимися изъ-подъ шелкового бѣлаго покрывала по парчевому платью. Она была опоясана персидскою шалью, которой концы лежали на широкомъ шелковомъ исподнемъ платьѣ, волновавшемся отъ легкаго вѣтра, распахнувшаго алое передке. Строгий взглядъ ревнивца оковывать робкіе взгляды невольницы гарема, ловившей поспѣшно полы развивающагося передке, и она потупляла глаза на дно лодки, покрытое разноцвѣтнымъ новымъ ковромъ. Далѣе несея по зыби залива остроносый чолнъ, наполненный нестрою группою людей, переѣзжавшихъ съ одного берега на другой; здѣсь высокій черныи колпакъ почетнаго Грека видѣлся возлѣ кармазиннаго феса съ пушистою, голубою кистью регулярнаго солдата; у ногъ его, на днѣ канка, между старыми Гречанками въ залыныхъ канавейкахъ, сидѣлъ въ зеленой чалмѣ и мѣховой курткѣ отречшійся иппичаръ; гребцы, Греки, въ черныхъ повязкахъ и бѣлыхъ рубахахъ, съ засученными рукавами, сильно ударяли веслами по поверхности воды. Тамъ большой канкъ, пришедшій съ береговъ Мраморнаго моря съ деревяннымъ мостомъ или черезъ Босфоръ съ уголемъ и дровами, тихо двигался на парусахъ къ пристани. Тамъ торговое европейское судно, отчаливъ отъ берега и отдѣлившись изъ ряду, натлигивало паруса и величественно шло изъ залива къ морю, а цѣпкіе матросы ползали по снастямъ его.

Наконецъ мы подъѣхали къ адмиралтейству. Верѣя занята была обломками судовъ, между которыми строилось и починилось нѣсколько кораблей. На рейдѣ стоялъ пароходъ (*), куплен-

(*) Это былъ первый пароходъ въ Константинополѣ.

ный незадолго передъ тѣмъ Портою или, какъ иные говорятъ, подаренный ей какимъ-то богатымъ Армяниномъ, доставившимъ золото и серебро для монетнаго двора.

Терсхане-эмини (начальникъ адмиралтейства) ожидать насъ подъ винограднымъ навѣсомъ, передъ дверями своего дома; съ нимъ сидѣло четыре черныхъ евнуха султанскаго серая; разные чиновники, окружавшіе его, болѣею частью стояли. Терсхане-эмини принялъ насъ ласково и, приказавъ подать низенькія табуретки, предложилъ намъ сѣсть, пока будутъ записываться имена плѣнныхъ солдатъ. Онъ имѣлъ пріятное лицо и казался лѣтъ тридцати-пяти отъ роду. Евнухи были одѣты въ спичихъ широкихъ кафтаныхъ, съ широкими рукавами и съ бѣлою повязкою на головѣ. Двое изъ нихъ имѣли незначительныя фізіономіи, но въ грубыхъ получеловѣческихъ чертахъ третьяго выражались и безчувственность, и томленіе. Желтые глаза его едва двигались въ маленькихъ, запыленныхъ отверстіяхъ, раздѣленныхъ между собою широкимъ плоскимъ носомъ, съ которымъ спорили толщиной огромный землянаго цвѣта губы и почти превышали его на обширной плоскости налитаго жиромъ лица. По несчастью я сидѣлъ подлѣ этого урода и слышалъ противный запахъ, который испускали всѣ поры его тѣла. Пришелъ переводчикъ, порядочно говорившій по-русски. Тюремные цвѣтъ лица его и желѣзное кольцо на ногѣ свидѣтельствовали о его настоящемъ состояніи, а шапочка, въ видѣ усѣченнаго конуса, показывала, что онъ принадлежалъ къ духовному званію. Стали записывать; вопросы были слѣдующіе: «кто ты, солдатъ или унтеръ-офицеръ? Какъ тебя зовутъ по имени и отчеству? Которой губерніи?» и кончено. Дошла очередь до офицеровъ; мы настаивали, чтобы записали наши фамиліи, хотя переводчикъ увѣрялъ, что это не нужно. Узнавъ, въ какой губерніи мы родились. Турки не заботились о родахъ службы. Когда всѣ были отмѣчены, терсхане-эмини, оставивъ у себя майора Шатова, приказалъ отвезти насъ тронхъ «на квартиру». Это послѣднее слово очень пріятно отдалось въ моихъ ушахъ. Уставши до неимоверности, я надѣлся отдохнуть въ чистенькой комнатѣ какого нибудь греческаго дома, посмотреть на Константинополь, лежащій на противоположной горѣ, можетъ быть, найти участіе въ моихъ хозяевахъ или даже увидѣть какого нибудь Европейца и получить отъ него извѣстіе о военныхъ дѣлахъ или надеждѣ на миръ. Я поспѣшилъ за переводчикомъ и не обратилъ вниманія на ворота, въ

которые онъ ввелъ насъ, и гдѣ встрѣтились намъ Некрасовенъ, отвѣчавшій на мой вопросъ: «ты за чѣмъ здѣсь, землякъ?» такою улыбкою, которую я могъ только разгадать послѣ. Пройдя еще другія ворота, мы входимъ—и что же представляется, Боже мой! Смердяный, окруженный почернѣлою отъ нечистоты стѣною дворъ, полный разнаго рода людей, болѣею частью одѣтыхъ въ рубище и скованныхъ попарно огромными цѣпями, произвождавшими оглушающій громъ. Средину этого двора занимало большое загрязненное зданіе безъ оконъ. Не было нужды спрашивать, куда насъ ввели: одинъ взглядъ объяснялъ все. Такъ вотъ предисловіе къ тому острову, на которомъ великодушное турецкое правительство хочетъ дать намъ дышать чистымъ воздухомъ! Хорошо, вѣроятно, помѣстятъ насъ и на островѣ! Такъ вотъ квартира, которую говорливый защитникъ турецкой образованности обѣщалъ намъ! Такъ вотъ обращеніе съ военнопленными, которое должно доказать, что упрекъ, дѣлаемый Туркамъ въ нечестивѣ, несправедливъ. Людей, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, которыхъ мужеству они удивляются сами, они заключаютъ вмѣстѣ съ преступниками! За чѣмъ же было насъ обманывать? Этотъ неожиданный оборотъ дѣла сильно изумилъ меня. Пришедши въ комнату, гдѣ были наши вещи и едва оставалось столько мѣста, чтобы лечь четверемъ, я бросился на изорванную софу, и самыя непріятныя ощущенія овладѣли душою. Я думалъ, что островъ былъ только вымысломъ великаго драгомана, что здѣсь, въ этомъ скопищѣ нечистоты и преступленій, мы должны провести все время плѣна. И Богъ знаетъ сколько онъ продолжится! Вспомнилъ я рассказъ одного Турка, видѣннаго нами въ дорогѣ и увѣрившаго, что султанъ выстроилъ для содержанія плѣнныхъ прекрасный домъ, въ которомъ они живутъ, какъ нельзя лучше. Хорошъ домъ, заслужившій такіа высокіа похвалы.

Между тѣмъ, въ палатку вошелъ переводчикъ Иванъ, который опрашивалъ при терехане-эмини. Первый вопросъ мой ему былъ: «гдѣ наши товарищи, прибывшіе сюда прежде?»—«Около двухъ недѣль, какъ ихъ отправили на островъ Халки», отвѣчалъ онъ. «Гдѣ же они тамъ живутъ?»—«Въ монастырѣ, и вы завтра поѣдете туда же; вамъ будетъ весело, теперь лѣто, и тамъ живутъ многія семейства Франковъ». Это извѣстіе нѣсколько успокоило насъ. Видя, что мы всѣ пасмурны, Иванъ былъ и самъ мало говорливъ, однако же рассказалъ свою исторію. Въ мало-

дѣтствѣ по обольщенію обратившись въ магометанство, онъ отрекся черезъ нѣсколько времени отъ него, побѣхалъ съ греческими перегоидантами въ Россію, жилъ тамъ многіе годы и по возвращеніи былъ узнанъ и посаженъ въ Зендаханъ (тюрьму адмиралтейства), гдѣ и находился до сихъ поръ, несмотря на обѣщанія, что его освободятъ. Потомъ съ таинственнымъ видомъ объявилъ онъ, что имѣетъ намъ сказать нѣчто важное, но не можетъ, потому что боится даже самыхъ стѣнъ. Послѣ многихъ смѣшныхъ кривляній, онъ началъ открывать намъ тайну: намъ прежде него показалось, будто онъ говоритъ, что тѣнь покойнаго графа Шлатова явилась въ Константинополь, чтобы покровительствовать русскимъ военнопленнымъ. «Кто у васъ есть», говорилъ онъ, «самый большой изъ Донскихъ, онъ или отецъ его, и въ прошлую войну подавалъ помощь нашимъ». Что за чудеса такіе! думали мы, и трудно было бы выйти изъ лабиринта, въ которое любопытство наше было заключено сбивчивымъ повѣіемъ Івана о томъ, что онъ желалъ сообщить, еслибы мы не догадались, что слово донской значить у него датскій и что его тайна была уже намъ отчасти извѣстна (*).

Вечеромъ слышался оглушительный звукъ пѣней, невольники собирались со всѣхъ сторонъ, а килдижи-баши, тюремщики, стоятъ у дверей, выпуская ихъ попарно, и громко кричать: «биръ, эки, іушь» (одинъ, два, три). Послѣ счета все утихло. На дворѣ, кромѣ насъ четырехъ и Турокъ, составлявшихъ стражу, никого не было. Килдижи-баши съ своею командой сдѣлать обходъ: онъ шелъ въ сопровожденіи барабана, и останавливался у каждой двери тюрьмы (ихъ было три или четыре), спрашивать: «какъ ваше здоровье?» Ему отвѣчали изнутри: «очень хорошо!»—«Я весьма радъ», прибавлялъ онъ:—«обходитесь осторожно съ огнемъ». За этимъ словомъ всѣ ходившіе съ нами Турки поднимали крикъ во все горло и были въ барабанъ.

Послѣ безпокойнаго проведеннаго дня оставалось воспользоваться тишиною ночи, чтобы отдохнуть. Но едва только мы закрыли глаза, какъ возобновился ужасный крикъ, съ барабаннымъ боемъ, и потомъ громкое пѣніе стражей, умолкавшее въ продолженіе всей ночи тогда только, когда было прерываемо крикомъ ихъ; и все это происходило у нашихъ дверей.

(*) Въ войну 1806—1811 годовъ, русскіе военнопленные состояли, по повелѣнію нашего правительства, подъ покровительствомъ датскаго посланника барона Гибна, отца того, о которомъ здѣсь будетъ часто упоминается.

Поутру мы надѣялись быть отправленными, но намъ сказали, что поѣдемъ завтра. Мы боялись уже, чтобы это не было осмѣлиное «завтра» вельможъ, у которыхъ бѣдники добиваются милостей и мѣсть.

Начальникъ тюрьмы, Ибишъ-Ага, приходившій къ намъ уже наканунѣ, посѣтилъ насъ опять и подавъ украдкою г. Шатову бумажку, сказалъ, чтобы ее прочли, когда онъ выйдетъ. До сихъ поръ все слышанное о помощи черезъ посредство нашего правительства мало насъ обнадеживало, но пусть представитъ радость нашу, когда мы прочли слѣдующія строки:

«Датскій министръ, баронъ Гибшъ, будучи осчастливленъ довѣренностью Русскаго Императора, который благоволилъ поручить ему заботу о русскіихъ военнопленныхъ, проситъ господъ офицеровъ увѣдомить его о числѣ ихъ и именахъ. Онъ надѣется лично видѣться съ ними на островѣ Халки».

Читатель представитъ нашу радость: бремя плѣна было для насъ уже облегчено въ половину. Продолженіе этихъ записокъ покажетъ, что баронъ Гибшъ въ полной мѣрѣ оправдалъ сдѣланное ему довѣріе.

Въ этотъ день приходило къ намъ много Турокъ, наскучавъ своими пустыми разговорами. Между прочимъ увѣрили они, что ихъ войска одержали двѣ побѣды, изъ которыхъ одна состояла въ истребленіи Гвардейскаго Корпуса, а другая въ разбитіи 16-ти тысячнаго отряда, изъ котораго взято въ плѣнъ двѣ тысячи; хотя мы и привыкли уже не вѣрить имъ даже и въ половину, но извѣстія эти очень опечалили насъ. Мы скоро послѣ узнали истину и убѣдились, что всѣ рассказы Турокъ можно мирить съ нею не иначе, какъ давая имъ дѣлителемъ число 10 и выше.

Передъ обѣдомъ, который терджиманъ съ помощью новыхъ своихъ знакомыхъ Грековъ постарался сострипаты, посѣтилъ насъ Англичанинъ Келли, капитанъ парохода, проданнаго имъ Портѣ; онъ пришелъ вмѣстѣ съ старымъ Туркомъ, находившимся на кораблѣ адмирала Нельсона въ день Абукирской битвы и говорившимъ по-англійски. Келли, бесѣда котораго была намъ очень пріятна, провелъ съ нами часа три и, выходя, предложилъ намъ нѣкоторое денежное пособіе, котораго мы не могли принять, но просили замѣнить его доставленіемъ намъ холста для перевязокъ раненымъ, — присланный по нашему настоянію турецкій фельдшеръ объявлялъ, что не могъ перевязать ихъ по недостатку бинтовъ; черезъ часъ послѣ того, какъ ушелъ каня-

танъ, мы получили довольно много ношеннаго тонкаго бѣлья. Послѣ того мы не выдали капитана, которому хотѣли бы выразить нашу признательность за оказанное имъ участіе.

Между этими визитами, Иванъ, исправлявшій должность пономаря греческой церкви, находящейся въ Зендхане (гдѣ есть также и мечеть), водилъ насъ туда и показывалъ икону, изображавшую, по преданію, нѣкогда двухъ братьевъ—узниковъ, и которую русскій офицеръ, военнопленный въ одну изъ предшествовавшихъ войнъ, украсилъ серебряною ризою.

Возвращаясь въ церковь во время отправленія вечерней службы, мы были поражены необыкновеннымъ видомъ внутренности темницы. Она устроена въ нѣсколько ярусовъ, раздѣленныхъ на безчисленное множество перегородокъ, изъ которыхъ въ каждой горѣла свѣча или лампада; внизу было все въ движеніи около маленькихъ жилищъ невольниковъ торговаго класса, которые превратили ихъ въ лавки; здѣсь можно было найти все, что касалось нуждъ жителей этого дома скорби.

Очень многіе заключенные были постоянными жителями Зендхане, а именно, Греки, посаженные при началѣ революціи 1821 года или даже и прежде, взятые послѣ того въ разные времена въ плѣнъ, и уцѣлѣвшіе отъ турецкихъ сабель. Хотя это есть общая и единственная темница Константинополя, но въ ней находится весьма мало гражданскихъ преступниковъ, потому что они безъ продолжительныхъ слѣдствій и суда наказываются по рѣшеніямъ кади или бываютъ казнены по повелѣнію султана и высшихъ чиновниковъ Порты. Иногда отсылаютъ въ эту тюрьму жителей Константинополя, особенно христіанъ, за неважные проступки, и тогда они откупаются тысячами или сотнями левовъ, смотря по мѣрѣ вины и своему состоянію. Здѣсь вы увидите,—отъ небольшого желѣзнаго кольца на ногѣ до огромныхъ цѣпей, простирающихся до шен,—множество переходовъ, которые тоже большею частью означаютъ количество денегъ, заплаченныхъ начальнику тюрьмы за постепенное облегченіе оковъ. Когда мы были въ Зендхане, въ немъ содержались, кромѣ Грековъ, Некрасовцы и Запорожцы, неуспѣвшіе отдаться Россіи и захваченные Портою. Сверхъ того находилось до 200 упорствующихъ янычаръ, которые отказались истребить огнемъ или желѣзомъ на рукахъ своихъ знакъ ихъ прежняго сословія. Они скованы, почти всѣ по двое, тяжелыми цѣпами.

На одномъ изъ фасовъ двора находится небольшой каменный домъ, въ которомъ жили въ прошедшую войну плѣнные русскіе офицеры. Онъ и теперь занятъ тѣми изъ товарищей нашей неволи (*), которые оставлены въ Зендхане, Богъ знаетъ, по какимъ причинамъ, а вѣроятнѣе всего, по расчету начальниковъ, пользующихся доходами отъ ихъ содержанія.

Ночью слышались опять заботливые вопросы килиджик-баши, барабанный бой, крикъ и пѣсни, но они уже не дѣйствовали на привычный нашъ слухъ. Мы крѣпко спали до самого утра. Первое слово каждаго по пробужденіи было: «скоро ли мы поѣдемъ?» Но судьбѣ хотѣлось оставить насъ еще одинъ день слушать звукъ цѣпей: изъ пасмурнаго неба лился до полудня ливнемъ дождь, и переѣздъ былъ отложенъ. Никогда съ такимъ вниманіемъ не наблюдаю я состоянія атмосферы, какъ въ этотъ разъ, стараясь узнать, какова будетъ погода завтра.

Не помню, угадалъ ли я или нѣтъ; но, слѣдующій день былъ прекрасный, и мы, проснувшись, стали поскорѣе одѣваться, чтобы не быть самими причиною остановки отъѣзда. Послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ нетерпѣніи, мы были позваны опять къ терехане-эмини, который, принявъ насъ подъ тѣмъ же навѣсомъ виноградныхъ лозъ, и вручивъ каждому изъ офицеровъ нѣкоторое число турецкихъ монетъ, завязанныхъ въ бѣлой кисей, приказалъ раздать по 5 левовъ солдатамъ, потомъ объявилъ намъ, чтобы когда мы будемъ имѣть впередъ причину на что нибудь жаловаться, то написали бы только ему.

Часовъ около десяти утра, мы плыли въ большой лодкѣ къ устью залива, и опять любовались разнообразнымъ зрѣлищемъ, исполненнымъ жизни и движенія.

Когда судно наше наконецъ встрѣчено было рѣзвыми волнами Босфора, оно быстрѣе понеслось по блестящей зыби ихъ, и, проплывъ между Скутари и султанскимъ сераемъ, мы очутились въ Мраморномъ морѣ. Дворецъ, построенный Магометомъ II-мъ на развалинахъ и изъ развалинъ чертоговъ греческихъ императоровъ, произвелъ въ насъ впечатлѣніе громады камней, сложенныхъ вмѣстѣ; и онъ достоинъ только служить темницею жертвъ, назначенныхъ къ удовлетворенію прихотей оттоманскихъ вельможъ и жилищемъ для нихъ самихъ: никакой стоишь несчастнаго притѣсненнаго не пропикнетъ огромныхъ

(*) Сюда принадлежали немногіе плѣнные, взятыя въ концѣ кампаніи 1828 года, зимою и весною 1829 года и экипажъ фрегата Рафанъ.

стѣбитъ серали и не возмутитъ дѣшваго спокойствія сластолюбцевъ.

Но садъ, принадлежащій къ дворцу и расположенный на склонѣ со стороны моря, показался намъ очаровательнѣе. На берегу возвышалось красивое зданіе. Это новое зданіе—настоящій дворецъ султана Магмуда, а огромный старый сераль занятъ служителями разнаго рода; тамъ же находится монетный дворъ и многія другія казенныя заведенія.

Въ глубинѣ сада между темными кипарисами сіялъ позолоченный куполъ кіоска. Онъ то бросалъ яркіе лучи на сумрачную зелень деревьевъ, то скрывался за ними въ половину, то мгновенно погасалъ, когда облачко закрывало солнце.

Между тѣмъ жемчужная струя быстро бѣжала за лодкою, предметы на берегу стали сливаться, мы поворотили въ другую сторону и увидали Острова Принцевъ. Минувавъ ненаселенный островокъ Пато, на которомъ находится только упрямденный монастырь, мы приблизились къ островамъ Антигонѣ и Халки. Мы пристально глядѣли на мѣсто, которое должно было принять насъ. Оно казалось пріятнымъ; поверхность острова, состоящая изъ нѣсколькихъ куполообразныхъ горъ, была покрыта зеленью; на одной изъ вершинъ, между множествомъ кипарисовъ и другихъ деревьевъ, проглядывалъ монастырь; другое подобное же зданіе, назначенное для насъ, лежало на небольшой плоскости, образовавшейся отъ соединенія двухъ горъ, и окружено было также высокими деревьями и рощею. Мы измѣряли глазами пространство будущихъ нашихъ прогулокъ, выбирали деревья, подъ которыми найдемъ тѣнь и защиту отъ зноя, на выказывавшейся между зеленью дорогѣ искали глазами предупредившихъ насъ здѣсь товарищей. Лодка подъѣхала къ пристани; никто не выходилъ насъ встрѣтить изъ любопытства или по тому чувству, отъ котораго невольно бьется сердце при видѣ соотечественника на чужбинѣ. Можетъ быть, они не знаютъ о нашемъ пріѣздѣ, думали мы.

А. РОЗЕЛЛОНЪ-СОШАЛЬСКІЙ.

ЗАПИСКИ РУССКАГО ОФИЦЕРА, БЫВШАГО ВЪ ПЛѢНУ У ТУРОКЪ ВЪ 1828 И 1829 ГОДАХЪ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Островъ Халки. — Монастырь. — Встрѣча съ прежними плѣнниками. — Положеніе плѣнныхъ. — Докторъ Геденбургъ. — Ахмедъ-бей. — Баронъ Оттенфельсъ. — Г. Марковичъ. — Фельдшеръ Муетафа. — Услуги датскаго министра. — Прибытіе новыхъ плѣнниковъ. — Голодъ и болѣзни. — Письмо къ канцлеру-нашѣ. — Прогулка въ деревню. — Пожаръ. — Посѣщеніе Али-бея. — Сатъ-вогъ-агасы-Гассанъ-ага. — Ссора и примиреніе. — Переговоры о размытѣхъ плѣнныхъ. — Валь, устроенный Гассаномъ. — Повал ссора съ нимъ. — Визитъ Гассанъ-аги.

Вотъ мы на берегу, идемъ къ монастырю, гдѣ будемъ жить, поднимаемся между виноградныхъ и оливковыхъ садовъ на крутую гору по шероховатой, каменной настилкѣ, выходимъ и видимъ небольшую дверь, у которой стоитъ два часовые. Невольно останавливаемся, прежде, чѣмъ переступить порогъ темницы. Переступаемъ — они ожидали насъ за дверью. Первые минуты прошли въ разспросахъ, какъ они попались въ плѣнъ и какъ живутъ здѣсь.

Мы нашли 2 офицеровъ, 3 юнкеровъ и сдѣшкомъ 200 чело-вѣкъ нижнихъ чиновъ, болѣею частью взятыхъ на фуражировкахъ или отхваченныхъ съ шкотовъ.

Первый, попавшійся въ пѣни офицеръ былъ Охотскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Скороговоровъ. Обѣзжая на зорѣ посты по Дунаю напротивъ Туртукая, онъ былъ схваченъ Турками, переправившимися и засѣвшимъ на берегу въ высокой травѣ и кустахъ; и онъ и лошадь его были ранены. Въ Силестріи къ нему присоединился Харьковскаго уланскаго полка эскадртъ-юнкеръ Кропъ, взятый такимъ же образомъ во время почнаго разбѣда. Когда лошадь его упала, и бывшіе съ нимъ солдаты, испуганные печальнымъ выстрѣломъ, ускакали, г. Кропъ бросился къ рѣкѣ, чтобы схватить лодку, пока Турки искали его въ камышѣ, и уплыть отъ нихъ; но примѣтивъ на ней людей, онъ воспользовался темнотою ночи, чтобы прокрасться нѣсколько далѣе отъ нихъ по берегу; опасаясь, что его здѣсь открѣютъ, онъ вошелъ въ воду; Турки долго напрасно искали его, наконецъ, нѣсколько лодокъ устались въ разные стороны отыскивать его. Всякій разъ, съ приближеніемъ одной изъ нихъ, онъ долженъ былъ совершенно скрываться въ воду, наконецъ, одна лодка покачнулася, толкнулася о его плечо, онъ былъ открытъ и, получивъ нѣсколько ранъ кинжаломъ, почти лишенный чувствъ, въ изнеможеніи отъ потери крови и усилій борьбы, привезенъ былъ въ Силестрію (*).

Поручикъ конной артиллеріи Соколовскій, прибывшій послѣ нихъ на островъ Халки, окруженъ былъ во время фуражировки многочисленною толпою непріятелей, и послѣ упорнаго сопротивленія принужденъ сдаться.

Пока продолжались рассказы, новые знакомые предложили намъ раздѣлить съ ними скудный свой обѣдъ, и мы узнали отъ нихъ, что, не получая отъ Турокъ ничего, кромѣ бараньяго сала и сарачинскаго шена, они съ величайшимъ трудомъ могли доставать нужное для стола, потому что имъ не позволено было имѣть сообщенія ни съ Греками, ни съ Франками. запрещено выходить за дверь монастыря; что, сверхъ того, солдаты почти совершенно наги, терпятъ сильный недостатокъ въ водѣ, а та, которую достаютъ изъ двухъ, уже почти исчерпанныхъ, колодезей, находящихся внутри стѣнъ, желтаго цвѣта, противнаго вкуса и, въ добавокъ ко всему этому, мы еще узнали наконецъ,

(*) Этотъ рассказъ, какъ припоминаю, былъ вѣренъ въ точности со словъ г. Кропа. Хотя онъ и кажется довольно необыкновеннымъ, но, по впечатлѣнію, которое оставлено во мнѣ характеромъ г. Кропа, считаю его правдивымъ.—Ночь была, какъ онъ говорилъ, темная, хотя глаза выжили. 1855.

что прибывшимъ съ нами солдатамъ (болѣе ста человѣкъ) не доставлено никакой провизіи, и они должны кормиться тою, которая назначена для прежде прибывшихъ людей, слѣдовательно уменьшить ихъ порціи.

Итътъ нужды описывать, какъ у насъ вытягивались лица, по мѣрѣ разрушенія декорацій, разрисованныхъ надеждою. До сихъ поръ, если мы были нѣсколько разъ обмануты въ ожиданіяхъ, все еще оставалось намъ нѣчто впереди. Но теперь, въ постоянномъ мѣстѣ нашего пребыванія, ничего, кромѣ стражи, затворовъ, недостатковъ и убійственной скуки. Можно ли было ждать этого, послѣ безчисленныхъ увѣреній, данныхъ важными сановниками. И къ чему былъ обманъ? Развѣ мы были бы менѣе въ ихъ рукахъ, если бы они насъ не обманывали? Но мы вспомнили прощальный привѣтъ терсхане-эмини и немедленно было приготовлено къ нему письмо, въ которомъ титулъ *Excellence* долженъ былъ пролагать дорогу къ убѣжденію его о необходимости улучшить положеніе плѣнныхъ и не лишать ихъ, безъ всякой пользы, безъ всякаго основанія, свободы дышать вѣгъ стѣгъ монастыря чистымъ воздухомъ. Чиновникъ адмиралтейства, возвращавшійся назадъ, взялся доставить наше письмо, но оно умерло въ кармагѣ эмини, а можетъ быть даже и не выходило изъ рукъ услужливаго нашего сопутника. Просьба наша осталась безъ всякаго удовлетворенія.

Между тѣмъ намъ оставалось наслаждаться изъ-за рѣшетки оконъ пустыннымъ, но величественнымъ видомъ отдаленныхъ горъ Анатоліи, за которыми возвышался снѣжный Олимпъ. Только изрѣдка, на темноватомъ туманномъ фонѣ этихъ горъ, поднимался столбомъ и сплался по нагибамъ ихъ дымъ отъ огонька, разводимаго настихомъ или рыбакомъ тѣхъ мѣстъ, а иногда на пустынномъ морѣ, которое раскидывалось передъ нами, бѣлѣлся нарусь одинокаго челнока. Часть острова, обращенная къ этой безжизненной картинѣ, была нѣсколько оживлена небольшоимъ заливомъ, на который съ двухъ сторонъ наваливались къ самому морю стремливыми своими холмы. Съ третьей стороны, отъ монастыря, стѣсненная этими возвышеніями, долина была покрыта яркою зеленою травой, которая перемежалась съ отливками темной зелени разныхъ кустарниковъ и густыхъ сосенъ. Кусты и деревья разбросаны были по всей поверхности смежныхъ возвышеній, кромѣ одного обнаженнаго, каменистаго холма, котораго только вершина носила кудрявый древесный вѣ-

покъ. Въ долину этой все было неподвижно: полуразвалившійся каменный столбъ, служившій подпорою для воротъ у колодца, усиливалъ впечатлѣніе пустынности мѣстоположенія, и едва одинъ разъ въ день мелькнетъ, бывало, по выходящей между кустами дорожкѣ, водовозъ съ терпѣливымъ осломъ, или козы покажутся между утесами.

Внутренность монастыря была еще занята греческими семействами, которыми онъ прежде былъ наполненъ, но они не смѣли къ намъ приближаться и даже прятались отъ насъ. Казалось, будто весь міръ исчезъ, кромѣ насъ и нашей стражи. Напрасно темница наша представляла всѣ удобства расположенія, — ничто не занимало, ничто не радовало. Стройные кипарисы, высокіе лавры, вѣтвистыя акаціи южныхъ странъ и виноградныя лозы, ставшіяся по навѣсамъ двухъ церквей монастыря, бросали вездѣ густую тѣнь. Обширные галлерей, обращенныя внутрь зданія, доставляли убѣжище во всякое время дня отъ солнечныхъ лучей. Скоро, скоро, могъ думать каждый изъ насъ, смрадный воздухъ, неизмѣняющій никакого выхода для освѣженія, наполнить эти галлерей, нечистота загрозоздить тѣсный дворъ и роскошныя деревья будутъ только питать влажность и гніеніе. Уже многіе пѣлѣнные носили на лицахъ своихъ слѣды неволи. Нѣсколько комнатъ отведено было для больныхъ и раненыхъ; маленькая аптека, присланная барономъ Гибнемъ, находилась въ распоряженіи г. Кропа; онъ лечилъ, какъ могъ, болѣзни, по повелѣніямъ бывшаго при шведскомъ посольствѣ доктора Геденборга, который нашелъ средство побывать уже два раза въ монастырѣ (*). Въ слѣдующее утро послѣ нашего прибытія г. Кропъ перевязалъ раненыхъ, пришедшихъ вмѣстѣ съ нами, и нѣсколько разъ въ день стукъ его огромныхъ шпоръ, уцѣлѣвшихъ отъ привязчивости Турокъ вымучивать всѣ вещи, которыя они видятъ, возвѣщалъ его посѣщеніе въ больницу.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія г. Геденборга; онъ, пріѣхавъ дня черезъ три, доставилъ намъ денежное пособіе отъ барона Гибна и увѣрялъ, что посланникъ старался всѣми мѣрами получить, хотя непрямымъ путемъ, позволеніе снабжать пѣлѣнныхъ всѣмъ нужнымъ и улучшить ихъ положеніе. Но самое довѣріе къ нему русскаго правительства вредило его прось-

(*) Турки имѣютъ большое уваженіе къ медикамъ, и этимъ-то воспользовался г. Геденборгъ, чтобы имѣть свободный ходъ въ монастырь.

бамъ у Порты, и г. Геденбургъ совѣтовалъ намъ отнестись къ австрійскому посланнику, пользовавшемуся расположеніемъ ея и желавшему быть намъ полезнымъ, сколько могъ.

Мы спѣшили послѣдовать этому совѣту. Г. Геденбургъ взялся передать ему наше письмо и внимательно осмотрѣвъ и перевязавъ больныхъ и раненыхъ, провелъ съ нами нѣсколько часовъ, простился, съ увѣреніями, что баронъ Оттенфельсъ сдѣлаетъ все, что будетъ отъ него зависѣть.

Посѣщеніе почтеннаго медика доставило намъ отраду; заботливость его о страждущихъ показывала его человеколюбивую и благородную душу. Но связавъ своимъ со всѣми значительными людьми въ Перѣ, онъ могъ сообщить намъ положеніе военныхъ дѣлъ, о которыхъ мы ничего не знали.

Въ одну изъ первыхъ ночей, проведенныхъ мною въ монастырѣ, мы всѣ были пробуждены сильнымъ шумомъ за стѣнами его: бросаемся къ окнамъ и видимъ, что заливъ былъ покрытъ множествомъ огней, тихо двигавшихся, то въ нѣкоторомъ порядкѣ, то врозь, какъ понало. Смутный шумъ тысячи голосовъ, отражаясь отъ береговыхъ утесовъ, производилъ, вмѣстѣ съ этою неподвижною иллюминаціею въ густомъ мракѣ ночи, необыкновенное впечатлѣніе. У насъ съ просонья первою мыслью было, что это экспедиція для нашего освобожденія. Нужно ли прибавлять, что совершенно очнувшись, мы уже этого не думали и догадались, что то были рыбаки.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ капуданъ-паша Ахмедъ-бей (*). Онъ пригласилъ насъ на террасу, которая находилась передъ дверьми монастыря, и спросилъ, чего мы желаемъ, обѣщая сдѣлать все возможное. Просьба о провіантѣ прошла этотъ разъ безъ всякаго затрудненія. «Завтра же будетъ доставлена провизія для прибывшихъ въ послѣдній разъ солдатъ, сказалъ онъ. Мы пришлемъ фасоль, маслины, укусъ и оливковое масло». По три фунта бѣлаго хлѣба на каждого плѣннаго было приносимо каждый день, по распоряженію адмиралтейства, изъ деревни, находящейся на островѣ. Къ доставленію хорошей воды представлялось по мнѣнію бей непреодолимое препятствіе: надобно было ходить за водою въ селеніе, а этого, говорилъ онъ, никакъ нельзя позволить. Напрасно мы доказывали ему черезъ

(*) Этотъ пріѣздъ былъ слѣдствіемъ письма нашего къ г. Оттенфельсу. 1855.

посредство Француза, прѣзжавшаго съ нимъ, какъ противно строгое наше заключеніе правилъ, принятымъ нынѣ въ Европѣ, и какъ оно вредно будетъ для здоровья плѣнныхъ. Лучше было ихъ зарѣзать на мѣстѣ сраженія, нежели заставлять томиться въ темницѣ, дышать заразительнымъ воздухомъ и гибнуть медленною смертію. Мы старались доказать бейю, что позволеніе плѣннымъ, хотя съ нѣкоторымъ карауломъ, ходить въ селеніе, приносить изъ него воду, покупать что нужно и имѣть нужное для поддержки здоровья движеніе, не могло возбуждать никакого опасенія. Бей ничѣмъ не могъ быть убѣжденъ: его ужасала мысль о такой свободѣ, которая доставляла бы плѣннымъ способъ узнавать, какъ онъ говорилъ, намѣренія турецкаго правительства и военныя происшествія, и онъ заключилъ рѣшительно, что для прогулки офицеровъ назначается терраса, на которой мы съ нимъ сидѣли, и никакъ не далѣе, а солдатамъ позволено брать воду изъ двухъ цистернъ у входа въ монастырь. Разговаривая съ нами, бей очень часто прибѣгалъ къ совѣтамъ Грека Василія Чорбаджи, старшины селенія Халокъ, наружность котораго очень годилась бы лучшему атаману разбойничей шайки. Всякій разъ, поговоря съ нимъ, добрый человѣкъ чувствовалъ новый страхъ отъ мысли выпустить насъ изъ-подъ замка. Бей предложилъ намъ черезъ него получать нужное изъ деревни или Константинополя и не соглашался, чтобы мы имѣли сношенія съ какимъ бы то ни было другимъ Грекомъ. Видя, что этотъ чиновникъ самъ не знаетъ, зачѣмъ прѣзжалъ, мы замолчали. Передъ прощаніемъ, бей приказалъ принести водки и подчивалъ насъ ею съ большимъ радушіемъ. Зналъ, что у Турокъ почитается очень невѣжливымъ отказываться въ такихъ случаяхъ, мы были затруднены этимъ угощеніемъ и съ трудомъ могли отъ него отдѣлаться увѣреніями, что у насъ водку пьютъ только передъ употребленіемъ пищи, что мы уже давно пообѣдали и скоро еще будемъ ужинать. «Это странно», сказалъ онъ, «вѣдь пьемъ же мы кофе во всякое время».

Бей объявилъ между прочимъ, что скоро придутъ еще плѣнные, что для нихъ надобно очистить мѣсто и предложилъ офицерамъ занять парадную половину. Половина эта имѣла много выгоды и прекрасный видъ на ближайшіе острова Апатоліи и Стамбулъ; но мы предпочли отдѣленіе дома, примыкающее къ горѣ, окруженное густою рощею, которая давала возможность тѣлоу отъ турецкихъ часовыхъ имѣть сношенія съ жителями

острова. Отказавши намъ почти во всемъ, бей, не подозрѣвая лукавства, почелъ причиннымъ уважить нашу прихоть.

Въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ къ намъ чиновникъ австрійскаго посольства передать мнѣ письмо отъ своего министра. Министръ отвѣчалъ въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ: что, получивъ письмо наше, онъ на другой же день посылалъ къ Рейс-Эффенди своего драгомана и что ему обѣщали немедленно назначить чиновника, который отыщетъ средства къ улучшенію нашего положенія. Мы угадали причину посѣщенія Ахмедъ-бей.

Прочитавъ письмо, я отдалъ его начальнику стражи, который требовалъ этого; отправленное на другой день къ сераскиръ-нашѣ, оно, нѣсколько дней спустя, было мнѣ возвращено. Въ этомъ промежуткѣ времени, роща, близкая къ нашей части монастыря доставила мнѣ пріятный случай познакомиться съ барономъ Оттенфельсомъ и его супругою. Тотъ самый молодой человѣкъ, который принесъ письмо, проходя по террасѣ передъ нашими окнами, сказалъ мнѣ мимоходомъ, что баронесса, прогуливаясь съ семействомъ, будетъ отдыхать на маленькой площадкѣ, находящейся саженихъ въ 50 отъ монастыря по дорогѣ къ селенію, и что туда же придетъ и баронъ. Скоро мы увидѣли нѣсколько дамъ, приближавшихся по той же каменной тропинкѣ. Одна изъ нихъ ѣхала на мулѣ и, увидѣвъ покрытыхъ рубищемъ двухъ нашихъ солдатъ, вышедшихъ за водою, придала имъ нѣсколько серебряныхъ монетъ. Желая лично благодарить г. министра за принимаемое участіе въ военнопленныхъ, я попросилъ у миллаеzyma позволенія выйти на террасу, стѣны которой, по рѣшенію Ахмедъ-бея, были для насъ геркулесовыми колоннами. Получивъ позволеніе и въ тѣлохранителя одного онъ-башни (унтеръ-офицера), я посидѣлъ нѣсколько минутъ на надгробномъ камнѣ, стоищемъ на террасѣ, потомъ обратился къ моему спутнику и сталъ увѣрять, разсыпая передъ нимъ весь малочисленный турецкій лексиконъ моей памяти, что тамъ сидятъ такіе прекрасныя женщины, какихъ онъ еще не видывалъ. Сначала онъ показывать стоическій видъ, поднимая лицо и глаза къверху, прищелкивалъ языкомъ въ знакъ, что его это не занимаетъ, но я повторилъ похвалы до тѣхъ поръ, пока мой онъ-башни не разчувствовался и не сказалъ: «кидалымъ бераберъ» (пойдемъ вмѣстѣ). Баронесса сидѣла вмѣстѣ съ двумя другими дамами подъ тѣнью дерева и, послѣ перваго привѣтствія, предложила мнѣ также сѣсть. Европейская лю-

безноость этой дамы, имѣвшей пріятельную наружность, казалась уже для меня тѣмъ—то новымъ и тѣмъ болѣе пріятнымъ. Черезъ пять минутъ пришелъ съ девяти-лѣтнимъ прекраснымъ сыномъ ея мужъ и, узнавъ мое имя, спросилъ съ пожатіемъ для меня улыбкою: получилъ ли я его письмо. На его вопросы о томъ, какъ обходится съ нами Турки, я отвѣчалъ ему съ чувствомъ раздраженія. «Мало того, говорили и, что сослали насъ въ этотъ пустынный монастырь, запретили всякое сообщеніе съ людьми, будто величайшимъ преступникамъ,—они даже не позволяютъ намъ прогулокъ. Скука, бездѣйствіе и постоянная досада на оскорбленіе въ насъ правъ человѣческихъ, рѣшительно убиваютъ насъ». Я разсказалъ барону о причинахъ, по которымъ бей нанесъ намъ, чтобы мы содержались какъ совершенные невольники. Онъ отвѣчалъ улыбаясь: «съ Турками все можно сдѣлать, но тотъ всегда ошибется, кто захочетъ подѣйствовать на ихъ разсудокъ; у нихъ эта способность спитъ; узнавши этотъ народъ, вы будете умѣть съ ними ладить».

Можно вообразить, какъ радъ былъ я тому, что снова увидѣлъ Европейцевъ; но несносный Турокъ, любознѣтельство котораго уже было удовлетворено, толкая меня не совѣмъ осторожно въ бокъ или потягивая полу сюртука, повторялъ: «Гайда монастырь-да» (иди въ монастырь). Я не находилъ въ себѣ силы послушаться его. Но министръ, напрасно убѣждавшій моего стража имѣть болѣе терпѣнія, совѣтовалъ мнѣ не сопротивляться его требованію, чтобы онъ не разсердился. Я принужденъ былъ разстаться съ барономъ и его семействомъ. Вслѣдъ за этимъ прибылъ опять г. Геденбургъ съ г. Марковичемъ, уроженцемъ Константинополя, содержавшимъ въ Церѣ аптеку. Онъ снабжалъ насъ лекарствами и пріѣхалъ по приглашенію барона Гибша, чтобы подъ званіемъ медика служить нашимъ руководителемъ въ сношеніяхъ съ Турками и облегчать средства получать все нужное для военнопленныхъ. Зналъ хорошо языкъ и обычаи Турокъ, г. Марковичъ, въ теченіе 10 мѣсяцевъ находясь при насъ, былъ намъ очень полезенъ, и иногда отворачивалъ и предупреждалъ непріятные случаи: однимъ словомъ, одною миною онъ умѣлъ успокоивать часто мѣнявшихся начальниковъ нашей стражи, когда они бывали недовольны нашею неуступчивостію смѣшнымъ или дерзкимъ ихъ требованіямъ.

Почти въ то же время дворъ нашъ увеличился присланнымъ отъ капитанъ-пашы фельдшеромъ (джара) Мустафой, который

превосходить обоихъ прежнихъ нашихъ знакомцевъ этого имени склонностью къ вину и потомъ превзошелъ ихъ обоихъ преданностью къ русскимъ плѣннымъ. Сначала мы боялись, чтобы его прибытіе на островъ не было поводомъ къ удаленію г. Марковича и настоящаго лекаря, котораго мы ожидали со дня на день; очень легко было бы ему это сдѣлать и объявить себя, вопреки своему незнанію, медикомъ. Но нельзя найти человека стоворчливѣе Мустафы: видя, что онъ намъ ненуженъ и не можетъ быть полезенъ, онъ имѣлъ благоразуміе ни во что не мѣшаться, пускать кровь, вырывать зубы (въ чемъ онъ былъ, впрочемъ, очень искусенъ), когда ему приказывали, забавлялъ всѣхъ своими разсказами, съ множествомъ смѣшныхъ жестовъ, и, болѣе всего, шутъ. Его любили мы всѣ за мягкость и услужливость. А онъ, будучи ежедневно въ упоеніи, какого не надѣялся имѣти и въ садахъ пророка, былъ такъ доволенъ своимъ положеніемъ, что горько плакалъ, когда, весною, приказано было ему оставить насъ, дабы занять должность медика на турецкомъ флотѣ.

Между тѣмъ наша колонія мало по малу оправилась. Усилія датскаго министра оправдать довѣріе русскаго двора перевозмогали затрудненія, происходившія отъ подозрительности Турокъ. Онъ нашелъ средство присылать всякаго рода одежду для солдатъ и офицеровъ. Мы съ своей стороны обжились и сладились съ милеазымомъ, который все пропускалъ, не заботясь, откуда оно приходило, и показывая видъ, будто знаетъ, что эти щедроты лились на насъ отъ султана. Парасаногъ *à la franga*, то есть такихъ, какъ носили офицеры, сдѣлали его снисходительнѣе къ нашимъ просьбамъ въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, при которыхъ прежде онъ чертилъ себѣ пальцами по шеѣ, выражалъ, что ему отрубить голову, если онъ исполнитъ нашу просьбу. По временамъ, два или три офицера, въ сопровожденіи Турка, уже могли по дорожкѣ къ деревнѣ уходить сажень на сто отъ террасы; иногда, развлекая нашего стража, заставляли его маршировать, маршируя вмѣстѣ съ нимъ и прихваливая его искусство въ «талытѣ» (экзерциціи), мы отходили столько, что съ высоты видѣли деревню. Кто изъ насъ за нѣсколько мѣсяцовъ передъ тѣмъ подумалъ бы, что придетъ время, когда онъ хитростями долженъ будетъ покупать всякій шагъ свой? Случалось, когда мы, чтобы сорвать новый для насъ цвѣтокъ или травку, ступали два шага въ сторону съ дорожки, боязливый и глуповатый спутникъ нашъ думалъ видѣть въ этомъ намѣреніи къ побѣгу, бро-

саялся къ намъ и тащилъ назадъ. Не было возможности привыкнуть къ этимъ грубымъ и бессмысленнымъ поступкамъ. Такая жизнь становилась несносною сама по себѣ. Печальное наше положеніе становилось еще тяжелѣе отъ ежеминутныхъ напоминаній о неволѣ.

Въ первыхъ числахъ октября мѣсяца, г. Гибшъ уведомилъ насъ о прибытіи въ Терсхане нѣсколькихъ офицеровъ и солдатъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка; то были: штабсъ-капитанъ Игнатъевъ, поручики Ростовцовъ и Сабанинъ, прапорщикъ Мокринскій; портупей-прапорщики Докторовъ и Рачинскій (*), и до 100 человекъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, изъ которыхъ многіе были принесены на носилкахъ и отъ жестокихъ ранъ умерли, несмотря на всю заботливость о нихъ гг. Геденборга, Марковича и Кропа. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда на островъ новыхъ товарищей заточенія, желая узнать о происшествіяхъ войны и увѣриться, что рассказы Турокъ про успѣхи ихъ оружія слишкомъ преувеличены. Нигдѣ, я думаю, знакомства не бываютъ такъ скоры и такъ искренни, какъ въ положеніяхъ, подобныхъ нашему. Встрѣтивъ гостей, бывшихъ въ разнообразныхъ костюмахъ, мы тотчасъ же стали заботиться о доставленіи имъ того, въ чемъ они особенно нуждались. Съ ними обошлись при взятіи въ плѣнъ гораздо хуже, чѣмъ съ нами: силли, либо разорвали на нихъ платье, били прикладами и даже, во время разнесшагося въ лагерь у визиря слуха о приближеніи Русскихъ, хотѣли ихъ перерѣзать. Сражавшись цѣлый день и уставъ до изнеможенія, они почти не могли уже двигаться, когда попались въ руки непріятельскія. Приведенные въ лагерь къ Омеръ-Пашѣ (**), они были брошены въ большомъ сараѣ между множествомъ головъ своихъ товарищей, принесенныхъ сюда же Турками. Многіе изъ тяжело раненыхъ нижнихъ чиновъ не дожили до слѣдующаго дня. Потомъ всѣ они были отправлены къ визирю и отъ него въ Константинополь, исключая

(*) Ардазіонъ Дмитріевичъ Игнатъевъ умеръ недавно въ чинѣ генералъ-лейтенанта и въ званіи начальника дивизіи. Александръ Ивановичъ Ростовцовъ продолжаетъ и теперь гражданскую службу, въ чинѣ тайнаго совѣтника. Г. Сабанинъ теперь служитъ совѣтникомъ Сибирской Казенной Палаты; трое остальныхъ умерли. 1855.

(**) Омеръ-Паша командовалъ авангардомъ великаго визиря. Это не те-перешній окремъ-сердаръ Омеръ-Паша, котораго я видѣлъ черезъ два года послѣ того въ Виддинѣ, когда онъ только что принялъ мухаммеданство. Но тотъ Омеръ былъ также ренегатъ.

поручика Сукина, который за ранами не могъ ѣхать и вскорѣ потомъ умеръ.

Вслѣдъ за ними прибыли на островъ слишкомъ 300 плѣнныхъ, большею частію гусарь 3-й дивизіи и между ними: ротмистръ баронъ Ферзенъ, корнетъ Милорадовичъ (*), Букеръ и Кагадѣвъ, фуштатской команды подпоручикъ Байцуровъ и оставленный нами въ Шумгъ поручикъ Риддерштормъ (**). Мы обрадовались ему, какъ бы воскресшему изъ мертвыхъ, узнали, что Гуссейинъ-Паша заботился о немъ, но мало и плохо занимался его леченіемъ Абраамъ-Кассаръ, несмотря на свои обѣщанія и полученные отъ насъ червонцы.

Спустя мѣсяцъ послѣ этой партіи, прибыли къ намъ изъ-подъ Варны еще до 50-ти человекъ нижнихъ чиновъ съ майоромъ Марцинкевичемъ и подпоручикомъ Яровымъ. Привезенный вмѣстѣ съ ними въ Константинополь майоръ Карпинскій умеръ на другой же день въ Эндихане отъ ранъ. Этимъ закончена была присылка плѣнныхъ на островъ. Всѣ приходившіе послѣ оставляемы были въ Терсхане и употребляемы, кромѣ офицеровъ, на работу при построеніи кораблей и добываніи каменнаго угля близъ Кючюкъ-Чекмедже, безъ всякой платы.

Такимъ образомъ, число офицеровъ возрасло до 20, а число всѣхъ плѣнныхъ до 800 человекъ. Офицеры отчасти выигрывали чрезъ увеличеніе своего общества, препровожденіе времени для насъ сдѣлалось нѣсколько разнообразнѣе; но увеличеніе числа солдатъ было причиной многихъ неудобствъ. Турки стали отпускать менѣе хлѣба, потомъ замѣнили его очень дурными гнилыми сухарями, да и тѣхъ давали мало; доставленіе одежды и другихъ нужныхъ вещей со стороны барона Гибша на большое число людей сдѣлалось затруднительно; тѣмъ больше нужно было посылать вещей, тѣмъ скорѣе посылки могли быть замѣчаемы турецкимъ правительствомъ, которое не дозволяло ихъ; наконецъ, стѣсненіе въ монастырѣ, происходившая оттого не-

(*) Сергій Григорьевичъ Милорадовичъ, жившій потомъ въ своемъ помѣстьѣ Полтавской губерніи, недавно умеръ тамъ. 1858.

(**) Г. Риддерштормъ, не перестававшій страдать отъ раны, вскорѣ послѣ Польской кампаніи вышолъ въ отставку и отправился на родину, въ Финляндію, гдѣ сырой климатъ развилъ болѣзненное его состояніе, и онъ годъ черезъ три или четыре умеръ, несмотря на его крѣпкое отъ природы сложеніе. Я слышалъ, что по случаю кончины его была помѣщена въ Финляндскихъ газетахъ краткая его біографія, достойная его, въ полномъ смыслѣ слова, рыцарскаго характера. 1855.

чистота и спертый воздухъ, — все это подвергало насъ опасности, что могутъ развиваться заразительныя болѣзни. Къ тому присоединилось еще дѣйствіе сыраго осенняго времени и жестокихъ, холодныхъ вѣтровъ, не разъ грозившихъ разрушить наше полувоздушное жилище.

Наконецъ, непредвидѣнное обстоятельство довершило ослабленіе людей и произвело множество болѣзней и большую смертность между нижними чинами.

Однажды, въ продолженіе цѣлыхъ пяти дней, изъ адмиралтейства не было доставляемо намъ новой провизіи, когда прежняя уже была съѣдена. Немедленно было сообщено о нашемъ положеніи барону Гибшу, но по недостатку съѣстныхъ запасовъ въ Константинополь и по строгому запрещенію отъ правительства частной продажи хлѣба, онъ не могъ въ короткое время найти способа отвратить нашъ недостатокъ въ продовольствіи. Между тѣмъ розданы были всѣ одесскія газеты (*), которыя присланы были въ запасъ еще съ лѣта. Закупленъ былъ, не взирая на высокую цѣну, въ деревнѣ на островѣ весь хлѣбъ, въ которомъ она и сама уже нуждалась; но всѣ эти средства не могли быть достаточными, пшеницы оставались три дня безъ всякой пищи, пока по настоянію датскаго министра высланы были Турками сухари, на этотъ разъ столь дурные, что надобно было приготовить, по нашему, трехдневную строгую діету, чтобы рѣшиться ихъ ѣсть. Они были совершенно источены червями и наполнены множествомъ зародышей какихъ-то насѣкомыхъ, такъ что, отъ размоченнаго въ чашкѣ сухаря, вся поверхность воды въ ней покрывалась пылью, состоявшею изъ личекъ.

Во время этого голода, солдаты, ходившіе ломать кустарникъ для топлива, собирали жолуди и сосновые шишки, варили и ѣли ихъ. Истощеніе силъ и отчаяніе доходило до страшной степени и скоро открылись болѣзни, которыя усилились до того, что несмотря на безотлучныя заботы доктора Треффера (**), аптекаріи Марковича и ревностнаго ихъ помощника г. Крона, несмотря на устройство лазарета, несмотря на всѣ трудности доставленія стра-

(*) Плоскіе, бѣлые, отлично печенные сухари, которыми запасаются обыкновенно суда, выходя изъ Одессы въ Константинополь.

(**) Болѣзнь г. Геденборга лишила насъ посѣщеній этого искуснаго медика. Г. Трефферъ, австрійскій подданный, былъ приланъ барономъ Гибшемъ для постоянного пользованія военнопленныхъ. Онъ былъ очень любимъ нами.

дамыамъ теплой одежды, улучшение пищи и употребленіе самыхъ дѣйствительныхъ лекарствъ, число больныхъ въ теченіе двухъ мѣсяцовъ было постоянно отъ 100 до 150, а число умиравшихъ доходило до 9 въ сутки. Были примѣры, что люди, слабо сложенія и уже полубольные, которыхъ желудокъ имѣлъ только достаточную теплоту для развитія зародышей, проглоченныхъ съ сухарями, извергали родъ кровяныхъ червей, и непосредственно затѣмъ умирали. Положеніе плѣнниковъ, строго содержимыхъ въ омерзѣвшей имъ темницѣ, становилось день ото дня хуже; начала появляться заразительная болѣзнь, умерщвлявшая постигнутыхъ ею въ 24 часа и оказывавшаяся чернотою носа, которая по смерти обнимала всю голову (*). Ежедневно увеличивавшійся въ Константинополѣ недостатокъ съѣстныхъ запасовъ и слухи о разныхъ отчаянныхъ происшествіяхъ и отчаянныхъ мѣрахъ, принимаемыхъ правительствомъ къ предупрежденію волненій, явное раздраженіе его противу всего русскаго, молва объ отправленіи всѣхъ плѣнныхъ въ Азію, гдѣ положеніе наше должно было сдѣлаться еще хуже, — все это рождало тысячу опасеній. Ежедневно сообщали мы барону Гибну о всемъ переносимомъ нами и ежедневно получали мы отъ него утѣшенія, или совѣты, или увѣщанія съ твердостію противоборствовать судьбѣ, иногда даже темныя надежды. Всякое слово его было для насъ драгоценно, и память его останется драгоценною для каждаго изъ насъ. «Господа», писалъ онъ между прочимъ по случаю извѣстія объ отправленіи насъ въ Азію, «мужайтесь; я же съ моей стороны, гордясь довѣренностію Государя Императора, которому угодно было избрать меня посредникомъ для изліянія на васъ Его щедротъ, не оставляю васъ и вашихъ подчиненныхъ до самой крайности.»

Сравнивая столь неограниченную заботливость Государя, благотворное дѣйствіе которой мы ощущали, не взирая на отдавленіе, съ тѣмъ небреженіемъ, дѣйствія котораго мы также испытывали почти въ самой столицѣ другаго Государя, слыша при томъ, что оно не согласно было съ образомъ его мыслей, и потерѣвъ терпѣніе видѣть себя, а особенно солдатъ своихъ, въ столь жалкомъ положеніи, мы рѣшились было искать средства довести

(*) Случалось, припоминаю, что человекъ еще ходилъ, а черное пятно на копчикѣ носа обнаруживало уже, что онъ былъ обреченъ смерти. Треффертъ называлъ эту болѣзнь злокачественнымъ тифомъ.

письменно до свѣдѣнія султана о претерпѣваемомъ нами, но баронъ Гибшъ, извѣщенный о нашемъ намѣреніи, отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, какой способъ можемъ мы найти къ тому, чтобы прошеніе наше дошло къ султану, а что полезнѣе будетъ объяснить все капудану-пашѣ, отъ котораго мы зависѣли, и что объ успѣхѣ нашихъ представленій онъ будетъ самъ заботиться и постарается предупредить этого сановника въ нашу пользу.

Мысль эта насъ обрадовала. Но небольшомъ разногласіи, на какомъ языкѣ писать, русскомъ или французскомъ, и по рѣшенію министра въ пользу послѣдняго (потому что, говорилъ онъ, иначе, или насъ не поймутъ, или не такъ перетолкуютъ) написано было и отправлено съ добрымъ Мустафой, отъ имени всѣхъ офицеровъ, къ капудану-пашѣ письмо, въ которомъ изображены были страшные недостатки и неудобства, нами переносимыя. Приложивъ для образца нѣсколько сухарей, мы просили капудану-пашу, именемъ человечества и правъ народныхъ, обратить свое вниманіе на плачевное положеніе нѣжныхъ солдатъ, прибавили, что, хотя офицеры имѣютъ всѣ причины жаловаться и на собственное свое положеніе, но озабоченные единственно участіемъ своихъ подчиненныхъ, они себя забываютъ. Желая сохранить достоинство имени русскаго даже и тогда, когда крайность заставляетъ прибѣгнуть къ просьбѣ, мы строго извѣстивши выраженіи письма и въ немъ соблюдено было обоюдное приличіе.

Въ нашемъ однообразномъ быту смѣна караула служила всякій разъ для насъ эпохой и производила всегда неприятное впечатлѣніе, рѣзче припоминая намъ неволю, съ которою сживаются, какъ и со всѣми прочими несчастіями жизни. Сверхъ того извѣстно, что сначала всякое лыко въ строку, а потому при каждой переѣлкѣ начальника и его команды строгость пристра увеличивалась. Первые два или три дня, часовые обыкновенно стояли не двигаясь у дверей и никто, ни за какой надобностію, не былъ выпускаемъ изъ монастыря безъ одного или двухъ турецкихъ солдатъ, съ прижатыми штыками; потомъ часовые садились, разговаривали и шутили съ нашими солдатами, а иногда отходили отъ своего мѣста и подъ разными предлогами позволяли по временамъ выходить нѣжнымъ. Мы не разъ случалось слышать отъ самихъ Турокъ, что у нихъ приказъ исполняется строго только три дня, а тамъ позволяютъ отступленія. Благодаря этому правилу, мы пользовались нѣкоторыми льготами. Съ каждой переѣлкой надобно было приспособляться къ по-

вымъ характерамъ и мы пристально наблюдали физиономіи новыхъ начальниковъ стражи, дѣлали свои заключенія и не рѣдко ошибались.

Надобно прибавить, что съ умноженіемъ числа пѣхотныхъ и караулъ увеличивался; онъ однако же никогда не превосходилъ одной роты или сотни. По прибытіи моемъ съ товарищами, насъ почтили возвышеніемъ чина въ надзирательѣ нашемъ, и прежній чаушъ смѣнилъ быть милеазымомъ (*), который на этотъ разъ назывался Ахмедомъ и былъ человѣкъ, соединившій съ угрюмою наружностью доброту и честность. Подружась съ нами и взявъ слово, что никто не будетъ ходить далѣе ближайшей террасы, онъ запретилъ часовымъ останавливать офицеровъ въ дверяхъ монастыря и иногда позволялъ дѣлать съ провожатымъ шаговъ двѣсти по дорогѣ въ деревню. Отсюда мы могли видѣть между двухъ горъ небольшую часть величественнаго Анатольскаго берега и послѣ всякой прогулки получали болѣе желанія побывать въ деревнѣ, лежащей по ту сторону горъ, чтобы полюбоваться картинами Азіи, посмотрѣть на деревню и ея жителей. Въ одинъ прекрасный осенній вечеръ Ахмедъ не устоялъ противъ нашихъ убѣжденій. «Я сиюно буду отвѣчать за это, но для такихъ пріятелей можно потерпѣть», сказалъ онъ и повелъ насъ всюю толпою. Нѣкоторые хотѣли поделкатиться, услышать выраженіе Ахмеда, но, по.... всѣ пошли!... Мы похожи были на дѣтей, не только потому, что гурьба наша имѣла видъ прогулки пансіонеровъ съ своимъ гувернёромъ, но и потому, что какал-то ребяческая радость выражалась на всѣхъ лицахъ.

Не входя въ деревню, мы сѣли у кофейни на террасѣ, покрытой свѣжею зеленью и обильной яворами, листья которыхъ начинали желтѣть, но еще не падали. Это было въ концѣ ноября. Множество Грековъ, столь же любопытствовавшихъ видѣть насъ, сколько мы ихъ, расхаживали поодаль, не смѣя заговорить съ нами. Гречанки, по большей части очень хорошо одѣтыя въ европейское платье, смотрѣли на насъ изъ оконъ. Въ числѣ ихъ, мы нашли тогда много красавицъ, которыхъ напрасно искали послѣ, когда могли безпрепятственно видѣть ихъ и даже говорить съ ними. Это былъ морально-оптический обманъ.

(*) Чаушѣй въ сотни четыре, они имѣютъ на груди двѣ серебряныя звѣздочки съ голубыми; милеазымовъ въ сотни два, знакъ ихъ состоитъ въ двухъ золотыхъ звѣздочкахъ.

Все наше общество было въ движеніи и занятѣ; тотъ восхищался угрюмою величавостію горъ, осѣнявшихъ нѣкогда Халкедонъ, другой всматривался въ полные огня глаза молодой Гречанки, иной наблюдаетъ костюмы, иной лакомился въ кофейнѣ: все жило, боясь упустить драгоценную минуту пробужденія послѣ долгаго сна скуки и унынія. Между тѣмъ Ахмедъ для контраста сидѣлъ равнодушно на табуретѣ съ трубкою и кофе. Напрасно старались мы угостить его виномъ, — онъ приподнималъ голову и глаза, прищелкивая тихо языкомъ въ знакъ отказа и иногда проговаривалъ: «истеменъ» (не хочу, не пью). Подчиненные его были стоворничѣ и, скрываясь за яворами, осушали сосуды, отвергнутые нѣхъ начальникомъ, который не обращалъ вниманія ни на что. Приближались сумерки; миллеазымъ собралъ своихъ затворниковъ и отправился съ ними въ монастырь. Шедшіе за два часа до того съ рѣзвостію дѣтей, мы возвращались людьми, погруженными въ размышленія. Мы получили урокъ; чувство неволи и разлуки съ родиною пробудилось сильнѣе, чѣмъ когда нибудь. Минутное разсѣяніе или даже удовольствіе видѣть себѣ подобныхъ, пользующихся правами общества, имѣло на насъ дѣйствіе вѣтерка, который, сдувая пепель съ тлѣющаго угля, заставляетъ его горѣть жарче. Я готовъ былъ завидовать бѣдлившему Греку, дѣлящему въ полуразвалившейся хижинѣ съ семействомъ своимъ скудный кусокъ хлѣба, заработанный тяжелыми трудами, или питающемуся одними раковинами.

Мы шли тихо; я окляцуся: багряный полукругъ луны оставился на вершинѣ одной изъ высочайшихъ горъ азіатскаго берега и бросалъ огненный столбъ на обширную равнину моря. Противоположная сторона дремала въ темнотѣ; деревня, горы и острова видѣлись въ полусвѣтѣ. Но душа оцѣмѣла къ удовольствію, я отворотился и пошелъ за моими товарищами. Напрасно Стамбулъ, показавшійся на переломѣ дорожки съ тысячами огней, горѣвшихъ амфитеатромъ, и бѣлѣвшими стѣнами, выходившими изъ моря, манилъ глаза, — они были потуплены въ землю.

Наконецъ мы добрали до монастыря; двѣ половинки желѣзной двери съ стукомъ сомкнулись; засовъ загремѣлъ, ключъ, нѣсколько разъ щелкая, поворачивался въ замкѣ; мы уныло прошли мимо церкви по мраморнымъ надгробнымъ камнямъ и мертвое молчаніе нашихъ комнатъ не было возмущено нашимъ приходомъ.

Скоро, къ великому сожалѣнію нашему, мы разстались съ своимъ пріятелемъ; на мѣсто его присланъ былъ Али-юзь-баша, командиръ сотни, имѣвшій подъ своимъ начальствомъ двухъ милеазымовъ, изъ которыхъ одинъ назывался также Ахмедомъ; но, не смотря на это сходство имени, ни въ немъ, ни въ его товарищахъ мы не нашли снисходительности, которою пользовались отъ ихъ предшественника. И при нихъ, мы ходили гулять, но только тогда, когда дарили ихъ чѣмъ нибудь и для того, чтобы понты ихъ. Дурное обращеніе новой стражи съ нашими солдатами вооружало насъ еще болѣе противъ нея, было причиною частыхъ размолвокъ, и наконецъ вынудило насъ жаловаться капудану-пашѣ.

Во время двухъ мѣсячнаго пребыванія у насъ этого караула случился въ монастырѣ ночью пожаръ: все взволновалось, засуетилось, одни бросились тушить огонь, другіе выбѣжали на дворъ, наполнившійся мгновенно людьми; больные, угрожаемые близкою гибелью, черезъ силу ползли или кое-какъ тащились, съ помощію другіхъ, по лѣстницамъ. Али былъ окруженъ толпою умолявшихъ его отпереть дверь, чтобы дать средство выдти заблаговременно и спасти жизнь. Офицеры предлагали ему, еслибъ онъ боялся побѣга, окружить плѣнныхъ цѣпью изъ своихъ солдатъ; но онъ, чтобы прекратить всѣ просьбы, закричалъ: «сгорю самъ, а никого не выпущу», и подошедши къ пустому колодезю, бросилъ въ него ключъ, обрекая такимъ образомъ всѣхъ на ужаснѣйшую смерть, потому что высока каменная стѣна монастыря не имѣла другихъ выходовъ, и даже окна втораго и третьяго этажей забиты были крѣпкими желѣзными рѣшетками. Отчаяніе и ярость распространились между плѣнными, и еслибъ пожаръ не былъ потушенъ, Али былъ бы растерзанъ. Читатель догадается, что Турокъ не имѣлъ охоты погибнуть столь героическимъ образомъ, лишь бы не дать возможности уйти хоть одному плѣнному и что, бросивъ вмѣсто ключа какую-то другую желѣзную вещь, онъ оставилъ себѣ способъ, въ крайности, спастись съ своими единовѣрцами. Но это не могло представиться испуганному воображенію; впрочемъ, большая часть плѣнныхъ во всякомъ случаѣ неминуемо сдѣлались бы жертвою пламени. Вотъ образецъ точной исполнительности и благоразумія.

Я полагаю, что въ этомъ климатѣ самый дурной мѣсяцъ года—ноябрь: непрестанные дожди съ холодными вѣтрами дѣлаютъ

время это несноснымъ. По цѣлымъ недѣлямъ (что случается и въ другіе мѣсяцы осенью, зимою и весною), сообщеніе острова съ Константинополемъ прекращается совершенно.

Эта трудность сообщеній дѣлала нашу однообразную жизнь еще скучнѣе: отъ прїѣзжавшихъ изъ Константинополя, мы, черезъ терджимана, узнавали новости, хотя по большей части ложныя, получали письма отъ датскаго посланника, оживлявшія насъ. Когда прекращались сообщенія, не было намъ и этого утѣшенія. Ревъ моря, разбивающагося о каменные скалы острова, приносимый съ близкихъ береговъ; гулъ сосенъ и свистъ вѣтра, патакивающегося на шероховатую поверхность острова и колеблющаго зданіе монастыря; стукъ дождя по черепичной кровлѣ, — все это еще болѣе увеличивало унылость грустныхъ вечеровъ, хотя иногда возбуждало мрачныя, ирріально потресавшія душу чувства, подобныя тѣмъ, которыя рождаются при чтеніи Оссіана или Байрона.

Когда чтеніе наскучало мнѣ, я ходилъ взадъ и впередъ по длинному корридору, обращенному одной стороною къ морю и освѣщаемому отраженіемъ огней со двора; вѣтеръ дулъ въ разбитыя окошки, и ставни хлопали, ударяясь о ихъ желѣзныя рѣшотки.

Предельсть юношескихъ дней, мечты приходили опять. Но мечты эти не были уже дѣтскими той рѣзвой, игривой фантазіи, которая украшала роскошными картинками необозримый, ясный горизонтъ беззаботной будущности молодого человѣка, имѣвшаго еще право и смѣлость всего надѣяться; теперь опытъ стуживалъ пространство и потемнялъ краски.

Наставалъ часъ ужина, всѣ офицеры собирались въ столовую, которая по здѣшнему составляетъ одно съ сѣнями и бываетъ, по причинѣ разныхъ выемокъ и по капризу строителя, очень неправильнаго и страннаго вида. Наша имѣла въ сѣняхъ своихъ десять изломовъ, входящими и исходящими углами. Но, дѣло не въ томъ. За столомъ разговоръ оживлялся: каждый рассказывалъ о прошломъ, и все это оканчивалось обыкновенно обращеніемъ къ настоящей нашей участи. Тутъ придумывались всѣ случаи возможнаго освобожденія и на повѣрку выходило только два: *миръ* или *разрывъ*, которые оба, къ несчастію, тогда казались не близкими.

По временамъ, особенно когда терджиманъ приносилъ изъ деревни хорошую вѣсточку, по большей части выдуманную Гре-

ками, нашимъ обществомъ овладѣвала радость, и слышались иногда даже пѣсни. Но за этотъ мимолетный восторгъ всегда платились мы потомъ еще болѣеющимъ уныніемъ.

Спустя болѣе недѣли послѣ отправленія письма къ капудану-пашѣ, намъ предупредили о прибытіи на островъ Али-бей, губернатора Галаты и начальника константинопольской таможни, замѣнявшаго въ этой должности нѣтълѣтняго капудана-пашу. Велѣно было приготовиться къ его принятію. Г. Марковичъ, снявъ свой особеннаго покроя полукафтанъ, въ которомъ онъ составлялъ въ аптекѣ лекарства; надѣлъ новый сюртукъ и приготовленъ былъ нами къ отвѣтамъ на все вопросы, какіе бей могъ дѣлать касательно нашего положенія. Скоро пришли въ сопровожденіи нѣсколькихъ Турокъ высокій, съ сѣдой бородою человекъ, обошелъ все комнаты, осмотрѣлъ помѣщеніе лазарета и посѣтилъ наше отдѣленіе. Онъ очень немного спрашивалъ; но г. Марковичъ долженъ былъ много ему переводить, мы повторили гораздо пространнѣе все то, о чемъ было писано къ его начальнику. Али отвѣчалъ только головой и глазами; не сказавъ ничего положительнаго, но казалось имѣть намѣреніе перевести часть плѣнныхъ или лазаретъ въ монастырь св. Георгія, находящійся также на островѣ Халки. Но крайній мѣръ, мы узнали послѣ, что монастырь этотъ велѣно было очистить. Дѣло осталось, однако же, безъ исполненія, быть можетъ потому, что вскорѣ, получивъ нѣкоторую надежду на освобожденіе, мы не наставляли сильно. Мы проводили молчаливаго старика до дверей монастыря и остались въ прежнемъ невѣдѣніи на счетъ нашего положенія. Уходя, бей сказалъ, что къ намъ приишутъ чиновника, который будетъ умѣть обходиться съ нами. Общаніе это показалось намъ очень двусмысленно.

Обѣщанный чиновникъ, наконецъ, прибылъ; встрѣтивъ у пристани нашего терджимана и сердясь на то, что часть пришезеннаго имъ съ собою угля для мангаловъ (жаровень, которыми нагреваются попопъ вмѣсто печей) была уронена при переноскѣ въ море, онъ избилъ безъ всякой причины Грека жестокимъ образомъ. Таково было первое его должностное дѣйствіе. Мастерски обходится, думали мы, слушая рассказъ и вопли терджимана, двигавшаго плечами, чтобы нѣсколько успокоить непріятное ощущеніе, оставленное нашкою обходительнаго Турка. Весь въ грязи, въ которую надалъ, спасался отъ преслѣдованія этой налки, Николай отдавать обратно данное мною

ему для отправленія къ министру письмо, едва не попавшееся въ руки варвара; оно было въ такомъ же видѣ, какъ и податель, представлявшій печальное и вмѣстѣ смѣшное зрѣлище. Но памѣ было не до смѣху.

Герой долженъ былъ скоро прійти въ монастырь; мы невольно бросились къ окнамъ, выходящимъ на дорогу, чтобы увидѣть начальника, отрекомендовавшагося такимъ образомъ. Наконецъ онъ показался, въ красномъ одѣяніи и сопровождаемый почетнымъ карауломъ изъ десятка солдатъ нашей стражи, въ разноцвѣтныхъ мундирахъ, у кого какой былъ. Войдя такимъ торжественнымъ образомъ въ монастырь, колы-агасы, новый нашъ начальникъ, тотчасъ выгналъ изъ занимаемой имъ у самыхъ дверей комнаты Мехмедъ-чауша, который раздавалъ сухари и присматривалъ за нашими солдатами, щипавшими паклю для кораблей. «Я здѣсь хочу быть», кричалъ онъ, «чтобы видѣть все самому; ступай вонъ! я здѣсь начальникъ и всѣмъ распоряжаюсь». Бѣдный Мехмедъ, который, ласкался къ намъ, прибѣжалъ въ наши комнаты жаловаться на безчинство колы-агасы, не для того, чтобы искать справедливости, а только, чтобы пожаловаться; а можетъ быть, эта сцена приготовлена была по согласію между нимъ и колы-агасы, для эффекта. Стража была смѣнена другою сотнею подъ командою юзъ-баши, наружность котораго обѣщала такъ же мало хорошаго, какъ и поступки главнаго начальника. На этотъ разъ никто не обманулся въ своихъ фізіономическихкихъ наблюденіяхъ: лукавство и низость выражались въ лицѣ новаго юзъ-баши, наклоненномъ нѣсколько къ одной сторонѣ и внизъ, и въ глазахъ, избѣгавшихъ встрѣчи съ чужимъ взглядомъ. Необыкновенная строгость была первою мѣрою колы-агасы; всѣ солдаты наши, выходившіе за дровами или за водой, были окружаемы стражею съ примкнутыми пистолетами. Это было для насъ очень неутѣшительно и мы уже начинали жалѣть объ Али-юзъ-баши; «но, думали, посмотримъ, что будетъ черезъ три дня.» Между тѣмъ никто изъ офицеровъ не выходилъ за дверь монастыря и даже не показывался на дворѣ, и никто не шелъ искать знакомства и милостей новыхъ начальниковъ, чего они, безъ сомнѣнія, ожидали. Посланъ былъ къ нимъ г. Марковичъ, чтобы спросить объясненія о побояхъ безвинному Николаю, но воротился, увѣрилъ, что колы-агасы звѣрь, а не человекъ, что онъ дерзко выражался относительно своей власти надъ плѣнными.

ми, сказалъ и ему грубость, но онъ, г. Марковичъ, отплатилъ ему тѣмъ же.

На другой день, несмотря на проливной дождь и весьма плохую одежду многихъ плѣнныхъ, недавно прибывшихъ, колы-агасы приказалъ собрать всѣхъ солдатъ и вывести ихъ изъ монастыря, чтобы сдѣлать пѣсмъ счетъ; стоя самъ подъ навѣсомъ, онъ пропускалъ мимо себя во внутрь монастыря по два человѣка и повторялъ эту исторію нѣсколько разъ, потому что каждый разъ сбивался въ счетѣ. Наконецъ приказалъ онъ вызвать и офицеровъ, несмотря на наши представленія, что это не прилично, что мы просимъ его въ наше отдѣленіе, гдѣ есть довольно для того мѣста. «Я начальникъ», отвѣчалъ онъ, «и поступлю такъ, какъ мнѣ угодно». Надобно было повиноваться. Ведѣвъ намъ стать подъ навѣсомъ всѣмъ въ рядъ, колы-агасы важно подошелъ и началъ считать, спрашивая чины и сравнивалъ ихъ съ турецкими. Онъ жаловалъ насъ чаушами, миллеазымами, юзъ-башами и соглашался принять нѣкоторыхъ въ званіе солъ-колы-агасы, говоря, что онъ былъ сагъ-колы-агасы и, слѣдовательно, все-таки старше всѣхъ. Онъ прикладывалъ къ плечу каждого свой хлыстикъ; одинъ изъ офицеровъ, не выдержавъ такой невѣжливости, оттолкнулъ хлыстикъ рукою отъ своего плеча, это очень раздражило колы-агасы; но ему сказали, что если воля его государи была, чтобы съ нами обращались столь неприличнымъ нашему званію образомъ, то онъ въ правѣ приказать отрубить намъ головы, а мы не въ силахъ сносить подобнаго обхожденія. Это его смирило, но не смигчло. Замѣтивъ, что у одного изъ офицеровъ были обриты на головѣ волосы, колы-агасы снялъ съ него шапку, долго разсматривалъ голову и утверждалъ, что онъ изъ Молдавіи, слѣдовательно турецкій подданный и долженъ отправиться въ Терехане. Но это была только угроза оскорбленной гордости. Такая сцена по утру испортила намъ аппетитъ. Весь обѣдъ прошелъ въ обдумываніи мѣръ къ предупреденію дальнѣйшихъ непріятностей отъ столь грубаго человѣка. «Неужели, говорили мы, онъ съ умысломъ выбранъ и посланъ къ намъ, чтобы наказать смѣлость, съ которою мы сдѣлали представленіе о бесполезно терпимыхъ нами притѣсненіяхъ?» Это приводило насъ въ недоумѣніе. Нѣсколько отрицательныхъ благословеній послано было капудану-пашѣ и всѣмъ властямъ Порты, которыхъ, казалось намъ, ругались надъ плѣнными. Рѣшено было увѣдомить обо всемъ датскаго посланника,

и, по возможности, держаться въ твердомъ оборонительномъ положеніи противъ новаго врага. Благословенный четвертый день льстилъ намъ также нѣкоторую надежду.

Вечеромъ, когда мы случайно почти все собрались въ одной комнатѣ, намъ сказали, что идутъ Турки. Вознамѣрившись *faire bonne mine au mauvais jeu*, мы приняли очень холодно сагъ-колъ-агасы—Гассана (*), который шелъ съ многочисленною свитою и съ двумя бумажными фонарями, куря трубку съ длиннымъ чубукомъ. Онъ былъ въ полной формѣ своего званія; на красной его курткѣ сіяли двѣ золотыя звѣздочки съ алмазомъ въ срединѣ, обогнутыя двумя также золотыми полумѣсяцами; темнозеленый или черный плащъ съ серебряными запонками лежалъ на плечахъ, сабля висѣла на красномъ шелковомъ шнуркѣ, а синяя кисть была раскинута по новому фесу. Каждый изъ насъ продолжалъ свое прежнее занятіе, не обращая большаго вниманія на пришедшихъ. Колъ-агасы потребовалъ стулъ, посидѣлъ не говоря ни слова и вышелъ, бросивъ суровый взглядъ на Мустафу, сидѣвшаго между нами, по своему обыкновенію, въ счастливомъ уносѣи.

Послѣ этого надобно было ожидать новыхъ притязаній со стороны Гассана. Дѣйствительно: онъ потребовалъ къ себѣ терджимана; Турки бѣгали по всеѣмъ комнатамъ, оставляя двери настежь, осматривалъ всехъ и крича: «гдѣ терджиманъ?» или взявъ за руку кого нибудь изъ насъ, тащили, чтобы идти искать его вмѣстѣ. Боясь новыхъ побоевъ Николая, уговорили мы г. Марковича идти вмѣстѣ съ нимъ и предстательствовать за него.

Но сверхъ ожиданій, сагъ-колъ-агасы вступилъ самъ въ переговоры. «Я тебѣ побилъ вчера», обратился онъ къ Николая, «это было сдѣлано сгоряча, мы помиримся». — «Я насплу хожу», отвѣчалъ ему тотъ. «Ну, чтожь дѣлать, заживетъ! Я приказываю, чтобы прислали изъ монастыря лѣвшихъ солдатъ переносить мое уголье, а ты этого не исполнялъ». — «Мнѣ никто объ этомъ ни слова не говорилъ». — «Ну, такъ ужь случилось, въ другой разъ будь осторожнѣе. Да я замѣтилъ, что офицеры на меня надулись и не хотѣли припить меня, когда я къ нимъ

(*) Такъ выговаривались имя и титулъ этого человека, или еще полнѣе сагъ-колъ-агасы—Гассанъ-ага, командиръ праваго крыла батальона господиъ Гассанъ.

запелъ. Вѣдь я здѣсь начальникъ». — «Они вамъ повинуются и не дѣлаютъ ничего противнаго, но они сухо съ вами обошлись, конечно, за то, что вы только показались, сейчасъ же побили меня безъ дѣла, накричали, водите ихъ солдатъ за конвоемъ, какъ преступниковъ, и съ ними обращаетесь очень грубо. Я слышалъ отъ нихъ, что если вамъ дана полная надъ ними власть, то лучше вы отрубите имъ головы, а пока живы, они не могутъ сносить того, къ чему вовсе не привыкли». — «Да это они и мнѣ говорили, и видно, имъ сильно не понравилось, что я ихъ звалъ на дворъ для счета, а особенно, что дотрогивался хлыстинкомъ». Здѣсь Марковичъ, перерывъ рѣчь терджимана, высокимъ слогомъ и въ мигкихъ выраженіяхъ, приправляемыхъ еще всепобѣждающею улыбкою, распространился о европейскихъ обычаяхъ, о неприкосновенности нашего званія, прибавляя, что между равными такого рода оскорбленія отомщаются кровью, несмотря на строгія наказанія за дуэль. Марковичъ прибавилъ, что офицеры были очень довольны, узнавъ, что къ нимъ придетъ начальникъ такого чина, какъ кохъ-агасы и очень жалѣютъ, что съ нимъ не сошлись. Гассанъ податъ Марковичу свою трубку, послѣ этой ловкой его выходки, и сказалъ: «Кто же ихъ знаетъ? У насъ это ничего не значитъ; а мнѣ на первый разъ надобно было показаться строгимъ начальникомъ. Мы поладимъ, я буду съ ними хорошо обходиться, буду выпускать ихъ ходить до кофеини, на что получилъ право (онъ не хотѣлъ сказать, приказаніе), только бы они меня уважали. Завтра я у нихъ побываю и посмотрю, какъ они меня примутъ; тогда мы поговоримъ по пріятельски».

Весь разговоръ былъ намъ пересказанъ. Видя наклонность сагъ-кохъ-агасы Гассана къ миру, мы также не хотѣли быть неучтивыми. Передъ вечеромъ былъ отпращенъ къ нему терджиманъ съ приглашеніемъ прійти пить чай. Онъ явился съ мѣньшею пышностію, нежели прежде, только съ однимъ фонаремъ и въ сопровожденіи юзъ-баши и еще одного или двухъ Турокъ. Онъ съ важностію сѣлъ *à la franga* (*) на стулѣ, пилъ, прихваливая, чай съ молокомъ и хлѣбомъ, удивлялся великой бездѣлицѣ, которая ему бросалась въ глаза, и не упускалъ случая величаться.

(*) То есть опустивъ ноги на полъ.

Товарищъ его сидѣлъ молча, потупивъ глаза, и посматривалъ кругомъ изъ подлобы, замѣчалъ вещь, которая могла бы быть цѣною снисходительности, которую онъ оказывалъ намъ вмѣстѣ съ колъ-агасы.

На слѣдующій день солдаты наши выходили изъ монастыря безъ караула, только счетомъ, а намъ предложено было прогуливаться до деревни и даже въ деревнѣ. Но это удовольствіе иногда соединялось съ непріятностями. Гассанъ, добрый, но грубый и простой человѣкъ, часто былъ возстановляемъ противъ насъ лукавымъ юзъ-башою, который ссорилъ его съ нами, чтобы болѣе обращались къ нему и дарили его. «Тебя вовсе не уважаютъ», говорилъ онъ колъ-агасы, «ты разъ позволилъ имъ выходить, а теперь они у тебя никогда ужъ не спрашиваютъ позволенія. Чтожь ты имъ за начальникъ?» Этихъ словъ было уже довольно, чтобы раздражить тщеславіе колъ-агасы, особенно если случалось кому нибудь изъ насъ, не замѣтивъ нашего начальника, не поклониться ему и не сказать: «сабанъ ганръ олсунъ», либо «акшамъ ганръ олсунъ» (добраго утра, добраго вечера). «Если тебѣ совѣстно», продолжалъ совѣтникъ, «положить новое запрещеніе на нихъ и ихъ солдатъ, потому что ты часто называешь себя ихъ пріятелемъ, то скажи, что получено приказаніе, и они опять должны будутъ за тобой ухаживать». Гассанъ соглашался, но никогда не могъ выдержать характера, видя, что мы предпочитали добровольно запереться въ стѣнахъ монастыря, нежели упрашивать его. Онъ чванился нѣсколько дней, и опять приходилъ пить чай.

Греки деревни Халки, старавшіеся сблизиться съ нами во время первыхъ нашихъ посѣщеній, стали скучать частыми прогулками нашими близъ ихъ жилища. Причины недоброжелательства къ намъ нашихъ одновѣрцевъ были различны: одни находили свою выгоду въ томъ, чтобы мы покупали все за глаза черезъ переводчика Николая; у другихъ были смазливый жены и дочери, къ которымъ приглядывалась молодежь, которая и сами иногда пристально смотрѣли на офицеровъ, и, если вѣрить ихъ мужьямъ и отцамъ, мучили ихъ неумѣренными требованіями новыхъ нарядовъ. Здѣсь не только отецъ или братъ стерегутъ своихъ дочерей или сестеръ, мужья женъ и т. п., но всякій мужчина по привычкѣ косится на васъ, если вы бросаете взглядъ на проходящую женщину.

Но возвратился къ сая-колы-агасы-Гассану. Скоро онъ сдѣлался непремѣннымъ членомъ засѣданій у чайнаго столика два раза въ день, и когда прїѣзжалъ обратно изъ отлучекъ своихъ въ Константинополь, то, любезничая, считалъ, сколько за нами оставалось его стакановъ чаю. Посѣщенія его, особливо вечеромъ, имѣли для меня то неудобство, что прерывали мое чтеніе, и если признаться, отпихали у меня, но недостатку стакановъ, когда приходила съ нимъ большая свита, мой чай. Время этихъ посѣщеній бывало всегда шумно. Майоръ Шатовъ умѣлъ, шутил надъ колы-агасы, смѣшилъ его и забавлялъ всѣхъ насъ. Однажды онъ заставилъ колы-агасы признаться, краснѣя и въ замѣшательствѣ, что поступокъ его съ Николаемъ и обхожденіе съ нами въ первые дни были не хороши. «Я тогда не зналъ», говорилъ онъ, «что вы за люди, а теперь знаю». Онъ объявлялъ себя совершеннымъ прїятелемъ г. Шатова и, признавъ его за равнаго себѣ, часто повторялъ: «Безъ забыть; сентъ-де забыть. Бераберъ—команда япалымъ (я начальникъ и ты начальникъ. Будемъ распоряжаться вмѣстѣ). Однако же, по наущеніямъ юзъ-башы, Гассанъ измѣнилъ этому союзу, дѣлалъ прижимки и совѣстнику своему и всѣмъ подчиненнымъ.

Вообще, однако, мы пользовались нѣкоторою свободою на островѣ; солдаты наши безпрепятственно выходили, и, оказывая услуги жителямъ деревни, даже могли зарабатывать деньги, а что всего важнѣе, имѣть занятіе. Обращеніе Турокъ съ нами было лучше прежняго.

Между тѣмъ, г. баронъ Гибнъ, получивъ отъ адмирала, графа Гейдена, блокировавшаго Дарданеллы, обѣщаніе пропустить съѣстные припасы для русскихъ военнопленныхъ, выписалъ ихъ изъ Смирны, доставилъ на островъ и приказалъ раздавать нѣсколько хлѣба или галетъ въ добавокъ къ турецкому пайку; онъ присылалъ намъ также и другіе припасы, между прочимъ мясо, что очень много способствовало поправленію здоровья солдатъ, и смертность совершенно прекратилась; но до 300 нижнихъ чиновъ изъ 800 сдѣлались жертвою дурнаго содержанія, пока не были отвращены его послѣдствія заботливостію датскаго министра.

Около Рождества, нѣкоторые изъ офицеровъ, прогуливаясь въ деревнѣ, узнали отъ Грека, прїѣхавшаго изъ Константинополя, о прибытіи русскаго военнаго корабля, остановившагося

въ Буюкъ-дере. Этому слуху не совсѣмъ вѣрили, но не хотѣли и невѣрить. Радость овладѣла всѣми; старались положительнѣе освѣдомиться, расспрашивали всѣхъ: одни подтверждали слышанное нами извѣстіе, другіе говорили, что молва эта пошла отъ того, будто бы, что задержано было какое-то судно русскаго подданнаго, шедшее подъ чужимъ флагомъ и паспортомъ. Такое правдоподобное объясненіе совершенно разочаровало насъ, но мы все еще хотѣли надѣяться. Этотъ вечеръ былъ мучительнѣе всѣхъ проведенныхъ нами на острову. На разсвѣтѣ одинъ изъ товарищей вбѣжалъ полуодѣтый въ комнату, гдѣ я лежалъ еще на постелѣ, думалъ о вчерашнемъ, и подаль мнѣ письмо отъ барона, держа въ рукѣ огромный пакетъ, предвѣщавшій что нибудь хорошее.

Посланникъ писалъ: «Вчера прибылъ на императорскомъ фрегатѣ парламентаръ къ Портѣ. Мнѣ поручено сдѣлать ей, между прочимъ, предложеніе о размытіи плѣнныхъ. Я получилъ сверхъ того повторительное приглашеніе отъ русскаго министерства содѣйствовать всѣми силами облегченію вашей участи, и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣніе моего государя дѣлать для васъ все, что только я могъ бы сдѣлать для сего собственныхъ подданныхъ».

Невозможно изобразить радость, овладѣвшую нами. Надобно быть невольникомъ, чтобы знать всю цѣну свободы. Радость, какъ и всѣ пылкія страсти, ослабляетъ разсудокъ. Мы думали уже, что оковы наши сняты и забыли, сколько было условнаго въ данной намъ надеждѣ.

Въ это же время, къ увеличенію всеобщаго удовольствія, получены были многими офицерами первыя извѣстія отъ родныхъ изъ Петербурга. Этотъ торжественный для насъ день прошелъ такъ же пріятно, какъ и начался и, можетъ быть, не имѣлъ равнаго себѣ въ послѣдствіи времени, когда насъ лестили другія надежды и наконецъ исполнились. Говорить, первая любовь сильнѣе всѣхъ слѣдующихъ за нею; я скажу это о радости въ одномъ и томъ же положеніи. Только къ вечеру начали прокрадываться нѣкоторые сомнѣнія: что, если Порта не приметъ предложенія? но нѣтъ! что ей въ горсти плѣнныхъ! Ей дадутъ двухъ, трехъ за одного. Такъ и было предложено, но....

Полученное на другой день письмо барона не заключало въ себѣ ничего новаго; на третій онъ писалъ: «Завтра отправляется парламентаръ вмѣстѣ съ отвѣтомъ Порты. Судьбу вашу можетъ

теперь рѣшить только Государь Императоръ». Это довольно ясно показывало, что условія Турокъ были несовмѣстны съ нашими выгодами (*).

Однако, мы упорно боролись противъ очевидности. Министръ выводилъ насъ изъ заблужденія постепенно, и хотя всякій разъ выраженія его писемъ заключали менѣе и менѣе надежды, наше обольщеніе, продолжавшееся почти до полученія новой надежды, облегчало нашу участь и развлекало скуку. Мы рассчитывали время, нужное для полученія отвѣта отъ нашего двора, придумывали всѣ препятствія, которыя могли продлить его.

Между тѣмъ баронъ Гибшъ прислалъ намъ книгъ, математическіе инструменты, красокъ, бумаги и проч.

Пользуясь этими средствами, я сплелъ глазомѣрный планъ острова Халки. Подобно многимъ другимъ моимъ товарищамъ, я читалъ, писалъ, чертилъ и рисовалъ.

Еще съ половины октябля начались холодные, порывистые вѣтры, съ проливными дождями, и бывали дни, и даже недѣли, похожія на самое ненастное осеннее время на сѣверѣ; но скоро опять показывалось солнце. Въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ всѣ террасы и мѣста, покрытыя наносною мѣлкою землею, одѣты были яркою зеленью, отличавшеюся отъ темнаго цвѣта кипарисовъ, лавровъ и дубовъ, не терлющихъ здѣсь листьевъ своихъ, между тѣмъ, какъ нѣжныя деревья стояли уже давно обнаженными, а нѣкоторые сохраняли только свои плоды, висящіе кистями на голыхъ вѣтвяхъ. Въ ноябрѣ не рѣдко мы видѣли высокія азиатскія горы покрытыя до половины снѣгомъ.

Въ концѣ ноябля, при сильномъ вѣтрѣ, пошелъ первый снѣгъ, нѣсколько покрывшій высоты и растаявшій послѣ двухъ или трехъ солнечныхъ дней. Въ половинѣ декабря я срывалъ цвѣты, которые пестрѣли на зеленой муравѣ; въ январѣ погода была постоянно прекрасная, а въ первыхъ числахъ февраля зима кончилась подобно догорающей свѣчкѣ, которая, прежде, чѣмъ погасаетъ, издаетъ самый яркій свѣтъ. Стужа была довольно сильная, снѣгъ шелъ цѣлыя три дня, покрывъ землю вершка на три и держался нѣсколько дней морозами. Когда онъ растаялъ, мы

(*) Султанъ, какотелъ, требовалъ выдачи всѣхъ Турокъ (до 10,000), вѣдѣныхъ нами въ плѣнъ, за находившихся въ плѣну Русскихъ (которыхъ было всего около 1,000 человекъ).

увидѣли въ первый разъ зелень поблекшую; но теплые дни скоро возобновили ее, а свѣжесть, поддерживаемая моремъ и частыми дождями, сохранила ее до половины лѣта отъ зноя. При всѣхъ неудобствахъ, соединенныхъ съ холодомъ въ домахъ, гдѣ нѣтъ ни печей, ни даже каминовъ, мы всякій разъ смотрѣли съ какимъ-то удовольствіемъ, когда горизонтальные вѣтви мрачныхъ сосенъ наклонялись къ землѣ отъ наваливавшегося на нихъ снѣга или легкіе узоры рисовались на стеклахъ оконъ. Это намъ живо напоминало наше отечество.

Въ Константинополѣ комнаты нагреваются только посредствомъ мангаловъ или жаровень съ крупными угольями. Отъ нихъ бываетъ иногда угаръ, но для предупрежденія его бросаютъ на огонь разбитыя лимоны, или льютъ сокъ изъ нихъ. Турки и Греки, одѣтые въ комнатахъ также тепло, какъ и на улицѣ, не терпятъ столько въ своихъ холодныхъ домахъ, какъ мы Европейцы. Пероты, занимаясь письменными дѣлами, а женщины работами, ставятъ мангалы подъ столъ, накрываемый тѣмъ-нибудь до самого полу, и такимъ образомъ доставляютъ теплоту ногамъ и части туловища. Только въ домѣ русскаго посланника въ Буякъ-дере есть печи, сдѣланныя нарочно выписанными изъ Россіи печниками.

Баронъ Гибшъ, съ которымъ былъ у насъ ежедневный обмѣнъ писемъ, писалъ намъ въ одинъ изъ зимнихъ мѣсяцовъ, что по случаю торжественнаго дня датскаго двора у него будетъ балъ, изъявляя свое сожалѣніе о томъ, что не можетъ насъ видѣть въ тотъ день у себя и доставить дамамъ Перы нѣсколькихъ новыхъ танцоровъ. Мы также пожалѣли, и тѣмъ дѣло кончилось. Насталъ день праздника, о которомъ никто болѣе не думалъ, и день этотъ прошелъ также скучно и мрачно, какъ и всѣ предшествовавшіе ему. Но къ вечеру сатъ-колъ-агасы, съ которымъ, надобно прибавить, были мы на тотъ разъ въ большомъ ладу, вздумалъ угостить насъ музыкаю. Предупредивъ насъ объ этомъ черезъ терджимана, опъ явился къ чаю съ юзъ-башою, нѣсколькими Турками и двумя Греками, изъ которыхъ одинъ пришелъ со скрипкою, а другой съ цимбалами. Мы старались хорошимъ приѣмомъ отблагодарить Гассана за его желаніе повеселить насъ, подчивали его до-сыта чаемъ съ молокомъ и сухарями, между тѣмъ какъ музыканты играли разныя турецкія и греческія пѣсни, сопровождая ихъ иногда голосомъ, потомъ валь-

сы, англезы и проч. Все шло хорошо. Вдругъ колы-агасы пришло въ голову, что къ музыкѣ идутъ танцы, и онъ немедленно объявилъ намъ черезъ Николая желаніе видѣть, какъ Русскіе и Франки танцуютъ, и предлагалъ намъ пуститься потѣшать его. Эта роль намъ не правилаь и всѣ возможные отговорки были употреблены, чтобы избавиться отъ нея; но напрасно: колы-агасы имѣлъ то общее съ людьми, которыхъ называютъ способными къ необыкновеннымъ дѣламъ, что у него воля была желѣзная, какъ и у нихъ, — отдѣлаться отъ него было чрезвычайно трудно. Однимъ изъ предлоговъ нашего отказа было то, что Франки не могутъ иначе танцовать, какъ съ женщинами вмѣстѣ и по парно; но Гассанъ на это отвѣчалъ: «Вздоръ! можно и безъ нихъ, да здѣсь на всемъ островѣ и нѣтъ ни одной, которая бы умѣла танцовать по вашему; а когда ужь непременно надобно, такъ пусть поснимутъ стуртуки, надѣнутъ бѣлыя простыни, завяжутъ платками головы; тогда будутъ похожи на женщинъ и дѣвокъ, и пусть такъ танцуютъ, а не то я съ ними поссорюсь. Я начальникъ, а у насъ чего начальникъ захочетъ, то и надобно дѣлать.» Этотъ аргументъ былъ довольно силенъ, и когда начальникъ нашъ, не удовольствовавшись козачкомъ, котораго отплясалъ терджиманъ, продолжалъ требовать, чтобы мы всѣ, сколько насъ было, танцовали вдругъ, по парно, и назначилъ самъ кому быть за дамъ, — то и былъ открытъ балъ. Гассанъ, видя, что мы болѣе ходили, и никто не прыгалъ, настаивалъ, чтобы мы подражали пласкѣ Николая; наконецъ, неотвѣчивости этого человѣка заставила насъ провальсировать нѣсколько туровъ. Мало по малу движеніе произвело свое дѣйствіе: кровь прилила и расположила насъ къ истинной веселости. Тогда уже колы-агасы ненужно было понукать насъ, а оставалось только любоваться. Изрѣдка только, подмѣтивъ счастливый прыжокъ, который ему особенно понравился, Гассанъ заставлялъ повторять его. Восторгъ его не имѣлъ границъ; онъ истощалъ намъ свои похвалы, выражая ихъ словами: «Шайтанъ Московъ, чокъ шайтанъ! гепъ белиръ (Русскіе настоящіе черти, все знаютъ). Его приводили въ изступленіе восторга гримасы, которыя, разрѣзаясь, дѣлали записанные имъ въ дамы, пародировалъ кокетокъ. — «Продолжай, продолжай, повторяй онъ, бизымъ коконъ былмезъ бѣйла!» (наши женщины такъ не умѣютъ). Колы-агасы остался совершенно доволенъ нами.

По окончаніи танцевъ, мы спросили у Грековъ: знаютъ ли они какія нибудь свои пѣсни, въ которыхъ бы воспѣвались геройскіе подвиги или выражались народныя чувства. Они отвѣчали, что знаютъ, но боялся пѣть въ присутствіи мусульманъ, потому что пѣсни эти дышатъ къ нимъ ненавистью. Однако же, будучи увѣрены, что ни одинъ изъ Турокъ не понимаетъ по-гречески, они пропѣли двѣ пѣсни, въ напѣвѣ которыхъ было нѣчто величественное и восторженное, увлекавшее душу, несмотря на то, что восточныя трубадуры пѣли въ пость. Мы могли судить по нѣкоторымъ понятнымъ для насъ выраженіямъ: «варвары, тираны» и т. п., что дѣйствительно Греки сильно честили своихъ завоевателей; но Турки не обращали никакого вниманія на эти пѣсни, только колы-агасы часто прерывали ихъ, чтобы заставлять музыкантовъ пѣть любимую свою турецкую пѣсню, которая выражала грубыя желанія мусульманина, находящагося въ веселомъ расположеніи духа. Наконецъ, всѣ собесѣдники наши разошлись и оставили насъ на свободѣ шутить, припоминая комическія сцены этого неожиданнаго праздника. На другой день описаніе его было читано при всеобщемъ смѣхѣ въ домѣ барона Гибша.

Гассанъ, думая, что онъ чрезвычайно угодилъ намъ, заставивъ насъ танцевать, черезъ нѣсколько дней попросилъ у насъ свидѣтельства въ томъ, что, будучи приставленъ къ плѣннымъ, онъ обходился съ ними хорошо. Это ему нужно, говорилъ онъ, для того, чтобы въ случаѣ, если бы онъ былъ отправленъ въ армію и взять въ плѣнъ, имѣть хороцій пріемъ у Русскихъ. Онъ получилъ такое свидѣтельство на большомъ листѣ и очень радовался ему, зная, что прежніе начальники стражи получали только маленькія записки. Не видя въ этомъ ничего вреднаго, мы давали всѣмъ просившимъ Туркамъ такія свидѣтельства, увѣряя ихъ притомъ, что имъ должно скорѣе бросать оружіе, когда будутъ въ опасности.

Дружба наша съ сагъ-колы-агасы-Гассанъ-агою ѣхала, если позволительно такъ выразиться, по весьма гористой дорогѣ: то подымалась она очень высоко, то слишкомъ низко опускалась. Кромѣ другихъ причинъ такимъ переменамъ, безтолковость его часто была для насъ несносна. Онъ, то выходилъ изъ границъ своей власти въ угожденіяхъ намъ, предлагалъ ѣздить по ближайшимъ островамъ и даже въ Константинополь, на что

никто изъ насъ не рѣшился, то накладывалъ новыя запрещенія въ весьма позволительныхъ льготахъ нашихъ. Весною, когда жители острова стали обрабатывать виноградники и нивы, и имѣли нужду въ рабочихъ, мы, желая доставить солдатамъ занятіе и небольшую выгоду, приступили къ колы-агасы съ просьбою позволить имъ заниматься у Грековъ, и объяснили ему всю пользу, какую это должно было доставить ихъ здоровью, о которомъ ему, какъ начальнику, надлежало заботиться болѣе, нежели о томъ, чтобы кто нибудь не ушелъ. До сихъ поръ умерло уже до 300 человекъ отъ болѣзней, говорили мы, и эти болѣзни происходили отъ бездѣйствія и отъ дурнаго содержанія, а ни одинъ солдатъ не ушелъ. Но все было напрасно: колы-агасы не хотѣлъ и слушать насъ. Трудно побѣдить логикою того, кто ея не имѣетъ. Однако же, мы постепенно выбивали Гассана изъ всѣхъ его ложементовъ, устроенныхъ безсмыслиемъ и защищаемыхъ упрямствомъ, пока онъ, наконецъ, не укрѣпился въ самомъ забавномъ софизмѣ, изъ котораго его не возможно было вытѣснить оружіемъ здраваго разсудка. «Какъ могу я допустить, твердилъ онъ съ важностью, чтобы плѣнные, гости (муссафиръ) моего падишаха, унижались, получая плату отъ рабовъ? (раиъ)» Нельзя было не смѣяться, слыша отъ колы-агасы такую выходку, бывшую въ совершенномъ разногласіи со всѣмъ тѣмъ, что испытывали плѣнные. Развѣ приличіе достоинству султана, отвѣчали ему, допускать плѣнныхъ гибнуть подобно животнымъ, нежели дозволить, помогая своимъ единовѣрцамъ, находить въ томъ средство къ сохраненію своего здоровья и даже своей жизни? Эти доводы не имѣли вѣса въ умѣ сагы-колы-агасы, и мы разстались съ нимъ, показавъ большое неудовольствіе за невыполненіе просьбы, столь согласной съ здравымъ разсудкомъ, и возбудивъ досаду въ немъ рѣзкими выраженіями о безчеловѣчномъ равнодушіи его и его начальства къ положенію плѣнныхъ. Это поссорило насъ съ Гассаномъ, который возобновилъ свои притѣсненія офицерамъ и солдатамъ, безпрестанно жаловался и кричалъ, что мы дѣлаемъ такія вещи, за которыя онъ подвергается строгому взысканію, и что онъ не разъ уже получалъ выговоры за свою слабость въ отношеніи плѣнныхъ. Мы стали осторожнѣе, по это было бесполезно и не отвратило оскорбленій, нанесеннаго имъ одному изъ офицеровъ, для того только, какъ мы узнали позже, чтобы показать при-

ѣхавшему на островъ своему пріятелю, какъ велика была его власть надъ плѣнными.

Обида была принята за общую всемъ офицерамъ и немедленно терджиманъ былъ отправленъ къ колъ-агасы, сказать ему, что отнынѣ всякая связь между нами прекращается на всегда, что мы имѣемъ способъ довести до свѣдѣнія Порты дерзкій его поступокъ и будемъ просить возмездія. «Да вѣдь я это сдѣлалъ только съ однимъ», отвѣчалъ колъ-агасы, «а другимъ что до того за дѣло? а если такъ, я имъ себя покажу». Николаю велико было потребовать обратно отъ Гассана данное свидѣтельство, но ему не хотѣлось разстаться съ этою бумагою, и онъ сказалъ, что приметъ ее самъ. Такой же отвѣтъ полученъ былъ и во второй разъ. Наконецъ талисманъ этотъ былъ принесенъ однимъ изъ его подчиненныхъ и при немъ изорванъ и брошенъ съ презрѣніемъ на землю. Злоба колъ-агасы достигла послѣ того до высочайшей степени. Онъ велѣлъ запереть дверь монастыря и не выпускать никого ни за какимъ дѣломъ, ни даже самаго терджимана. Положеніе наше еще никогда не было такъ плохо, какъ въ этотъ разъ. Мѣры, принятыя раздраженнымъ Туркомъ, походили на то, что онъ хотѣлъ заморить насъ голодомъ. Мы ждали дѣйствія письма, отправленнаго къ датскому министру по поводу этого происшествія, но у насъ не было воды для питья и приготовленія пищи и мало было дровъ. Вода была намъ послана съ неба. Ночью выпалъ снѣгъ. Сотни людей съ разными сосудами ожидали подъ навѣсами монастырскихъ кровель первыхъ лучей солнца, отъ которыхъ долженъ былъ растаять бѣлый слой, покрывавшій кровли. Гордыня колъ-агасы была унижена. Недостатокъ въ дровахъ былъ отвращенъ бережливостію. Но на послѣдокъ все приходило къ концу, извѣстія отъ министра не было, а колъ-агасы, боясь послѣдствій своего поступка, уѣхалъ въ Константинополь, оставивъ насъ въ рукахъ всегдашняго нашего врага, юзъ-баши, который нисколько не ослаблялъ строгости, введенной его начальникомъ. Солдаты, подходившіе къ дверямъ монастыря, были отгоняемы ударами. Всѣ запасы приходили къ концу; но мы рѣшились не сдаваться ни за что, ожидая изъ Перы помощи, которая бы заставила осаждающаго отступить.

Неожиданное посѣщеніе вывело насъ изъ этого затруднительнаго положенія. Осада продолжалась уже три дня; по утру на четвертый мы увидѣли вошедшихъ въ монастырь нѣсколько хо-

рошо одѣтыхъ Турокъ, изъ которыхъ трое были въ синихъ плащахъ и въ фесахъ, следовательно принадлежали къ регулярному войску. Намъ припомнилось тогда, что за мѣсяцъ передъ тѣмъ баронъ Гибинъ писалъ объ одномъ бим-баши, Гафизъ-агѣ, познакомившемся въ Шумлѣ съ г. Шатовымъ и думавшемъ пріѣхать къ нему. Это вѣрно онъ, думали мы, и надежда найти въ немъ защиту оживила насъ. Одинъ изъ новыхъ посѣтителей, увидя насъ у оконъ, кричалъ чистымъ русскимъ языкомъ ('): «Мы пріѣхали къ вамъ въ гости, господа, только покажемъ здѣсь нашу видъ и придемъ наверхъ.» — «Милости просимъ», были наши отвѣты. Въ одномъ изъ чиновниковъ мы узнали ловкаго Черкеса, который разбѣжжалъ съ богатымъ лукомъ, когда меня и моихъ товарищей вели съ поля битвы въ Шумлу.

Гафизъ-Ага, въ сопровожденіи двухъ своихъ братьевъ, колъ-агасовъ командуемаго имъ коннаго полка, вошелъ къ намъ съ распростертыми объятіями, съ выраженіемъ радости и живаго участія. Послѣ первыхъ привѣтствій, онъ сѣлъ, пригласивъ насъ всѣхъ также сѣсть. Около его и его спутниковъ составилъ большой и тѣсный кругъ; хозяева поставили себѣ обязанностію занимать гостей; пока тотъ изъ гостей, который говорилъ по-русски, переводилъ наши слова Гафизъ-агѣ, другіе офицеры объедались какъ ужьли съ младшими его братьями; молодые люди были очарованы ими и скоро стали какъ будто старыми знакомыми.

Одинъ изъ улановъ эскадрона г. Шатова подалъ Гафизъ-агѣ трубку и отошелъ; Гафизъ посмотрѣлъ на него пристально, соскочилъ со стула, бросился къ нему, остановилъ его и, обратясь къ намъ, вскричалъ: «этотъ самый солдатъ ранилъ моего брата; онъ славно дрался; это храбрый воинъ, я люблю такихъ.» Микиншиъ, такъ назывался герой, стоялъ передъ бим-баши на вытяжку, изумленный неожиданнымъ восклицаніемъ. Между тѣмъ Али-ага, тотъ самый, который былъ имъ раненъ,

(') Онъ былъ, по его словамъ, кзетъ ребенкомъ при покореніи Аяапы въ плѣнъ, воспитанъ въ домѣ одного вельможи въ Петербургѣ, служилъ въ русской гражданской службѣ, но вспоминая родину, говорилъ онъ, я возвратился. Мы его называли Николаемъ Павловичемъ, хотя онъ уже переимѣнилъ это имя на турецкое.

бросился къ Микишину и поцаловалъ его въ щеку; это еще болѣе сконфузило улана; почтительною стойкою и показавшимся на щекахъ румянцемъ скромности онъ отвѣчалъ на похвалы благородныхъ мусульманъ, и потомъ вышелъ. Къ сожалѣнію, этотъ храбрый солдатъ, по возвращеніи своемъ изъ плѣна, умеръ въ Румелии отъ болѣзни.

Одною изъ первыхъ заботъ нашего гостя было спросить: каково намъ и какъ съ нами обходится стража. Бимъ-баша былъ пораженъ разсказомъ о притѣсненіяхъ, невытанныхъ нами, приносилъ тысячу извиненій въ томъ, что начальство прислало къ намъ человека, который дѣйствуетъ совершенно противно его намѣреніямъ, утѣрять, что, будучи доведены до свѣдѣнія правительства, поступки приставовъ нашихъ не останутся безъ взысканія, и прибавилъ, что онъ въ качествѣ простаго посѣтителя можетъ только дать имъ благой совѣтъ, быть осторожными, но ручается, что по возвращеніи его въ Константинополь все будетъ исправлено, а намъ ничего не останется желать относительно нашего содержанія на острову. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ юзъ-башу и порядочно вымылъ ему голову.

Къ вечеру пріѣхалъ сагъ-колъ-агасы Гассанъ-ага и немедленно явился въ наше общество въ полной формѣ своего званія. Гафизъ-ага принялъ его вѣжливо, подаль ему трубку, которую самъ курить, и началъ съ нимъ говорить насчетъ нашихъ жалобъ. Колъ-агасы находился въ примѣтномъ замѣнательствѣ, признавалъ себя виновнымъ и почти не оправдывался, обращался къ намъ съ ужимкою, просилъ примиренія и сказалъ бимъ-баше: «Будьте вы судьбою, не странные ли они люди, — три мѣсяца я былъ съ ними хоронъ, и они были мною довольны; одинъ день я повелъ себя дурно, и вся дружба кончилась». Когда намъ переводили эти выраженія, щеки Гассана покрывались краскою, и на смущенномъ лицѣ выражалось униженіе, котораго не могла скрыть принужденная улыбка. Объясненія продолжались. Видя явное желаніе колъ-агасы возстановить съ нами прежнія свои отношенія, видя также, что Гафизъ-ага хотѣлось сладить дѣло, мы кое-какъ помирились съ Гассаномъ и обратили разговоръ на другіе предметы. Разговоръ съ Гафизъ-агаю былъ пріятенъ; его природный умъ, тонкое чувство приличіи, живое участіе въ нашей судьбѣ и желаніе сказать намъ что нибудь пріятное, — все это, имѣвъ

съ его скромностью, производило на насъ самое пріятное впечатлѣніе. «Ваше дѣло», сказалъ онъ г. Шатову, «приноситъ вамъ и вашимъ подчиненнымъ истинную честь. Мы не можемъ и думать мѣряться съ русскими войсками въ равныхъ силахъ. Конечно, мы надѣемся, что современемъ и мы достигнемъ цѣли нашихъ нововведеній, но для этого нужны годы. Петръ Великій началъ подобно нашему султану, и теперь Россія имѣетъ войско не хуже прочихъ европейскихъ націй».

Я замѣтилъ изъ словъ многихъ Турокъ, что они любятъ сравнивать настоящую эпоху своего государства съ эпохою великаго преобразователя; но съ другой стороны, въ быстрыхъ успѣхахъ русскаго оружія въ этомъ (1829) году, имъ мерещилась возможность событія 1812 года. Эти надежды поддерживаемы были у правительства, какъ я думаю, иностранцами, пользовавшимися довѣріемъ Порты.

Гость былъ любезенъ, какъ нельзя больше, совершенно обворожилъ насъ и заставилъ бы переимѣнить тогдашнее мнѣніе наше о Туркахъ, если бы мы не знали, что онъ былъ родомъ Черкесъ. Гафизъ-ага былъ очень щедръ къ военнопленнымъ солдатамъ, и я замѣтилъ у него какую-то утонченность въ выборѣ способовъ дарить, дабы отклонить малѣйшее подозрѣніе въ желаніи выказать себя. Вотъ одинъ изъ этихъ случаевъ: во время втораго своего посѣщенія, уже съ однимъ изъ своихъ пріятелей, Ахмедъ-беємъ, Гафизъ увидѣлъ въ саду одного Грека нѣсколько десятковъ солдатъ нашихъ, которые теперь получили право заниматься работами. Гафизъ-ага перепрыгиваетъ черезъ заборъ, беретъ у одного изъ солдатъ заступъ, самъ начинаетъ копать съ ними землю и потомъ почти непримѣтнымъ образомъ даетъ имъ горсть серебрянныхъ монетъ и велитъ подѣлиться.

На другой день поутру, уѣзжая, Гафизъ желалъ, чтобы мы проводили его до пристани, и для соблюденія всѣхъ формъ, попросилъ на то позволеніе сагъ-когъ-агасы-Гассанъ-аги, который согласился съ величайшею готовностью. Прощаясь, Гафизъ прибавилъ, что еще разъ увидится съ нами передъ отъѣздомъ своимъ къ арміи въ Шумлу и, чтобы не оставить насъ безъ покровительства, познакомитъ съ своимъ другомъ, который будетъ намъ очень полезенъ, потому что близокъ къ султану.

Мы провожали этого благороднаго чловѣка съ чувствами искренней дружбы. Весла ударили по гладкой поверхности воды, бѣглая струя помчалась за быстро удалявшеюся лодкой, мы не сводили глазъ съ нея, пока она, на половинѣ пути къ Константинополю, слилась съ темнымъ цвѣтомъ отдаленнаго моря.

А. РОЗЕМОНЪ-СОШАЛЬСКІЙ.

ЗАПИСКИ РУССКАГО ОФИЦЕРА,

БЫВШАГО ВЪ ПЛѢНУ У ТУРОКЪ ВЪ 1828 И 1829 ГОДАХЪ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Гассанъ-козь-агасы смѣненъ. — Прекращеніе прежнихъ стѣсненій. — Посѣщеніе барона Гибша. — Обзоръіе острова Халки. — Надежда на скорое освобожденіе. — Ахмедъ-ага. — «Похищеніе дѣвъ». — Освобожденіе партіи плѣнныхъ. — Прибытіе новыхъ плѣнниковъ съ «Раваппа». — Переходъ черезъ Балканы. — Возненіе въ Константинополѣ. — Миръ. — Освобожденіе. — Отплытіе въ Константинополь. — Константинопольскій рейдъ. — Вплоть сираскиру. — Обѣдъ у барона Гибша. — Возвращеніе въ главную квартиру Русской арміи.

Французы говорятъ: *le malheur ne vient jamais seul*; тоже бываетъ, когда счастье къ кому повернется лицомъ, — тогда одна хорошая новость приходитъ за другою. На другой день послѣ посѣщенія Гачиза-аги мы получили новое удостовѣреніе въ томъ, что наше положеніе поправится. Датскій министръ писалъ, что онъ представлялъ Портѣ наши жалобы, что она не одобряетъ поступки своего чиновника съ плѣнными, что онъ будетъ смѣненъ и будутъ приняты мѣры для предупрежденія подобныхъ жалобъ на будущее время. Столь благоприятному отиѣту способствовало содѣйствіе Гачиза. На слѣдующій день явилась къ намъ новая стража подъ командою юзъ-башы, человека весьма благовидной наружности. Козъ-агасы былъ весьма предупредителенъ къ нашему начальнику. Онъ приказалъ вынести коверъ и послать его

у дверей монастыря на скамейкѣ; пригласилъ юзъ-башни сѣсть и угощать его трубкою и кофе. Изъ этого мы заключили, что колы-агасы обходился съ новымъ начальникомъ стражи не такъ, какъ съ подчиненнымъ, и что, слѣдовательно, не остается болѣе въ монастырѣ. Мы надѣлились, что Гассанъ, получивъ приказъ о томъ, что смѣщенъ противъ своей воли, постарается избѣжать свиданія съ нами, соберетъ свою команду и отправится поскорѣе съ нею въ Стамбулъ; но, страсть чваниться и корчить начальника не оставила его и въ эту минуту, когда онъ былъ такъ униженъ; онъ доставилъ намъ еще одну забавную сцену. Когда новый юзъ-башни куда-то ушелъ, колы-агасы приказалъ позвать насъ всѣхъ къ себѣ и принять слѣдующими словами: «Вотъ вы жаловались на меня, — что жъ это, помогло вамъ? Посмотрите, какой я получилъ приказъ».

И онъ началъ читать небольшой лоскутокъ бумаги, который держалъ въ рукѣ: «Приказывается тебѣ держать Русскихъ какъ можно строже, не пускать ихъ никуда изъ монастыря, а тѣмъ менѣе пускать въ деревню; а если ты найдешь нужнымъ для нихъ моционъ, то пусть они ходятъ не далѣе первой кофейни, и то подъ карауломъ. Впрочемъ, всѣ распоряженія по этому предмету предоставляются тебѣ самому, какъ начальнику плѣнныхъ.»

Онъ записался, явно изобличая тѣмъ, что самъ сочинилъ будто читаемое имъ въ бумагѣ. Было забавно видѣть его читающимъ, когда мы знали, что онъ былъ безграмотенъ, и если получалъ какіе приказы, то заставлялъ читать находившагося при немъ писаря, который также замѣнилъ мушкету при ротѣ, состоявшей у насъ въ караулѣ.

Вечеромъ, Гассанъ, вышедши къ намъ и видя тутъ же новаго юзъ-башни, не смѣлъ быть такъ нахаленъ, какъ безъ него, но утѣрился, что онъ не получалъ повелѣній собственно о себѣ, вѣхъ ему или вѣтъ, спрашивалъ г. Шатова, какъ онъ думаетъ и какъ онъ поступилъ бы на его мѣстѣ въ Россіи. Зная, что это послѣдняя увертка смущеннаго самолюбія колы-агасы, мы доказывали ему, что онъ долженъ непременно остаться. «Я такъ и сдѣлаю,» говорилъ онъ. Наконецъ, настала пора прекратить комедію и онъ рано поутру на другой день убрался изъ монастыря такъ, что никто изъ насъ его и не видалъ.

Новый юзъ-башни объявилъ намъ, что мы свободны на островѣ дѣлать, что кому угодно; что онъ проситъ насъ взять на себѣ обязанность смотрѣть за плѣнными солдатами, а онъ ни во

что мѣшаться не станеть, лишь бы не было безпорядковъ и обидъ жителямъ деревни, и всѣ офицеры и солдаты возвращались бы при захожденіи солнца въ монастырь. Такимъ образомъ мы могли считать себя избавленными отъ неудовольствій. Это было въ половинѣ марта.

Я не говорю о распоряженіяхъ, которыми сдѣланы были послѣ этой рѣшительной сдачи плѣнныхъ солдатъ въ наше вѣдѣніе. Мы и прежде, сколько позволило собственное угнетенное состояніе офицеровъ, заботились о сохраненіи между ними порядка. Офицеры имѣли свои части и во всемъ относились къ майору Шатову; повиновеніе къ нимъ никогда не нарушалось. Коль-агасы вздумалъ было вербовать нашихъ солдатъ въ мусульмане; мы ему представили, какъ мало чести и пользы для исламизма въ приобритеніи нѣсколькихъ негодяевъ, потому что честный и хорошій человѣкъ не перемѣнитъ своего закона и не покинетъ родины; коль-агасы отсталъ отъ своего намѣренія. Такимъ-образомъ, изъ всѣхъ бывшихъ на островѣ солдатъ, ни одинъ не сдѣлался мусульманиномъ, кромѣ дезертеровъ, бѣжавшихъ изъ монастыря, когда мы уже надѣлились получить свободу, схваченныхъ у Хили въ Азіи и отвезенныхъ уже прямо въ Терехане, гдѣ они и остались.

Для черезъ три по отъѣздѣ Гафизъ-аги, мы увидѣли опять одного изъ братьевъ его, сагъ-коль-агасы Солейманъ-агу. Онъ пріѣхалъ къ намъ просить у г. Милорадовича гусарскаго мундира для представленія султану. Когда онъ былъ у насъ въ первый разъ, этотъ прекрасный мундиръ, свѣтлоголубой доломанъ съ синими чекчирами и краснымъ ментикомъ съ серебромъ, ему очень понравился. Похвалы эти дошли до слуха султана. Съ мундира снятъ былъ образецъ, по которому къ весеннему байраму одѣты были приближенные военные чиновники султана Махмуда.

Вскорѣ посѣтилъ насъ баронъ Гибшъ, котораго мы встрѣтили съ величайшею радостью. Онъ пріѣзжалъ уже разъ никогда, еще до моего прибытія на островъ. Теперь онъ былъ съ тескере (пропускной билетъ отъ таможеннаго вѣдомства), нанявъ секретаря своей миссіи. Напрасно мы искали словъ для выраженія признательности нашей къ нему, — она была выше всякаго выраженія.

Мы теперь свободно ходили по всему острову и хорошо узнали его и его жителей.

Островъ Халки имѣетъ двѣ версты въ длину отъ сѣверовостока къ юговостоку, около версты въ ширину и состоитъ изъ нѣсколькихъ горъ, довольно высокихъ и весьма каменистыхъ, покрытыхъ зелѣнящими кустарниками. Верхній слой почвы острова красная глина, перемѣшанная съ мелкими камушками.

Виноградные сады занимаютъ не меньше, если не больше четвертой части острова. Лозы, какъ и въ Румелии, достигаютъ необыкновенной толщины, такъ что могутъ называться деревьями. Нѣтъ почти ни одного греческаго дома, который бы не имѣлъ у дверей своихъ одного или нѣсколькихъ такихъ деревь, разстилающихъ весною свою зелень по стѣнамъ дома и образующихъ, съ помощью подставокъ или перекладинъ, прекрасныя бесѣдки отъ жара. Бузиновое и жасминовое деревья также достигаютъ здѣсь удивительнаго роста. Лимоны и апельсины, оставленные на открытомъ воздухѣ, малорослы и даютъ мелкіе плоды, едва ли хорошо вызрѣвающие. Для садовой зелени нужно унавоживать землю, а въ лѣтнее, сухое, время нужно обильное орошеніе.

Двѣ или три небольшія нивы, засѣваемые пшеницею, составляютъ хлѣбонашество острова. Заступъ садовода замѣняетъ на нихъ плугъ.

На островѣ Халки находятся три монастыря; они окружены прекрасными террасами, которыя осылаются кипарисами, иворами, липами и другими деревьями: монастырь Св. Панагін болѣе всѣхъ мнѣ знакомъ, Св. Троицы и Св. Георгія. Всѣ три построены въ живописныхъ мѣстополюженіяхъ, особенно монастырь Св. Троицы, лежащій въ сѣверовосточной части острова на вершинѣ отдаленной горы. Виды, открывающіеся изъ него на всѣ стороны, очень обширны. Горизонтъ ограничивается или только безконечною далью, или горами Анатоліи. Островъ Мармара, находящійся въ разстояніи около ста верстъ, въ ясный день очень хорошо виденъ.

Ни въ одномъ изъ этихъ монастырей нѣтъ монаховъ. Зданіями управляютъ живущіе въ нихъ священники, которые, пользуясь доходами отъ виноградныхъ садовъ и отдачи квартиръ въ наймы, платятъ положенную сумму константинопольскому патриарху, а монастырь Св. Георгія отсылаетъ доходы въ Іерусалимъ. Но собственность въ Турціи, особенно собственность христіанъ, не ограждена ничѣмъ, потому Порта, не спрашивая ни-

кого, назначила самый помѣстительный изъ монастырей для заточенія плѣнныхъ.

Деревня Халки состоитъ изъ сотни домовъ, построенныхъ почти сплошь одинъ подлѣ другаго, съ узкими улицами и садами, окруженными каменною оградой и чрезвычайно украшающими деревню. Неопрятность улицъ вознаграждается чрезвычайно чистотою за порогомъ дверей, всегда запертыхъ. Это можно сказать о всѣхъ городахъ Турціи, мною видѣнныхъ. Изъ домовъ проведены на улицы жолобки, по которымъ вытекаютъ на улицу всѣ нечистоты. Такъ дѣлаютъ даже въ тѣхъ домахъ, которые стоятъ у самого моря и изъ которыхъ удобно было бы бросать въ него то, чѣмъ заражается воздухъ у оконъ и дверей ихъ. Каменная мостовая нѣсколько помогаетъ этому неудобству.

Осѣдлые жители острова — Греки, промышленные рыбною ловлею, содержаніемъ лодокъ и перевозовъ и мелкою торговлею. Вообще они жалуются на бѣдность и большій потерп со времени греческой революціи. Они довольно дѣлательны, хотя, не будучи земледѣльцами, имѣютъ достаточно времени, чтобы сплѣсть съ трубою и за стаканомъ вина въ кофейняхъ и погребкахъ.

Пятьдесятъ лодокъ, изъ которыхъ десятка два большихъ, въ три или четыре пары веселъ, составляютъ главнѣйшее богатство. Но, несмотря на эту ограниченность способовъ и тягость большихъ налоговъ, жители не терпятъ слишкомъ большой нужды.

Я любилъ вечеромъ приходить къ маленькой пристани, находящейся въ деревнѣ и смотрѣть на движеніе лодокъ, прибывающихъ изъ Константинополя и другихъ мѣстъ; большая часть народонаселенія Халокъ собиралась на берегу, знакомыи и незнакомыи лица выходили на берегъ, выносили были привезенныя вещи, любопытные толпились около пріѣзжихъ, разговоры шли живо.

Весною 1829 года окончена была постройка казармъ для двухъ регулярныхъ полковъ и морской школы съ мечетью, на берегу моря, въ концѣ деревни. Это зданіе весьма красиво, хорошо отдѣлано внутри и производитъ живописный эффектъ съ аллеею большихъ кипарисовъ, ведущую къ нему отъ монастыря Св. Георгія. Къ казармамъ примыкаетъ прекрасный домъ съ садомъ, принадлежавшій прежде греческому негоціанту Фейдуло. Хозяинъ былъ казненъ въ началѣ греческаго возстанія, домъ конфискованъ и отдѣланъ для пріѣзда султана, а семейство Фей-

дулю находится въ бѣднѣйшемъ положеніи въ Царьградѣ. Мѣсто, занимаемое казармами, было прежде покрыто домами Грековъ; имъ велѣли сломать дома, а вмѣсто денежнаго вознагражденія заплатили имъ угрозами.

Дурная погода и бурливое море помѣшали Гафизъ-агѣ съ своимъ пріителемъ посѣтить насъ, по своему обѣщанію, въ первое воскресенье. Мы уже думали, что онъ уѣхалъ въ армію, когда онъ, чрезъ двѣ недѣли послѣ перваго свиданія съ нами, исполнилъ данное слово. Онъ прибылъ въ сопровожденіи Ахмедъ-аги (*), бимъ-баши, командовавшаго коннымъ полкомъ султанской гвардіи и пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ своего государя. Поспѣшный и случайный отъѣздъ ихъ изъ Константинополя, говорили они, помѣшалъ имъ привести съ собою переводчика, за которымъ тотчасъ послали: они имѣли сказать намъ что-то интересное, чего не хотѣли передать ни черезъ терджимана Николая, ни черезъ г. Марковича. Это предувѣдомленіе заставляло насъ ожидать съ нетерпѣніемъ появленія ихъ переводчика, Николая Ивановича, о которомъ упоминалъ выше. Онъ прибылъ, и мы услышали, что Ахмедъ-ага воспользовался счастливою минутою, чтобы получить отъ султана надежду на наше освобожденіе, которое, онъ увѣренъ, послѣдуетъ весьма скоро. Трудно описать восторгъ нашъ при этомъ неожиданномъ и столь рѣшительномъ объявленіи, — мы всѣ бросились обнимать Ахмедъ-агу.

На другой день поутру мы простились съ Гафизъ-агою надолго и, можетъ быть, навсегда, а съ Ахмедъ-агою—до скораго свиданія, которое должно было рѣшить нашу судьбу.

Мы увѣдомили Датскаго посланника о данномъ намъ обѣщаніи. Онъ отвѣчалъ сначала, что о томъ нѣтъ никакого слуха, ни въ Персі, ни въ Константинополѣ; потомъ писалъ, что переговариваютъ объ отправленіи въ Россію пяти офицеровъ и ста чело-вѣкъ нижнихъ чиновъ; наконецъ, что, по общей молвѣ, надобно ожидать возвращенія всѣхъ военнопленныхъ, содержащихся на острову. Смирнская газета, приводившая насъ обыкновенно въ величайшую досаду своими бреднями и негѣпостями, на этотъ разъ порадовала насъ статьею, подтверждавшею наши надежды.

(*) Ахмедъ-ага, вскорѣ Ахмедъ-бей, потомъ Ахмедъ-паша, игралъ важную роль въ Турціи. Въ званіи капуданъ-паши, онъ измѣнилъ султану, передавшись со всѣмъ флотомъ Египетскому пашѣ, въ службѣ котораго и умеръ, кажется, забытымъ начальникомъ какой-то отдаленной области. 1858.

Ахмедъ-ага возвратился къ намъ не такъ скоро, какъ мы его ждали, но повторилъ прежнія свои слова, прибавляя только, что обстоятельства не позволяли отправить всѣхъ насъ вдругъ, а на первый разъ поѣдутъ шесть офицеровъ и сто нижнихъ чиновъ, и предоставлялъ намъ выборъ солдатъ, отдавалъ преимущество женатымъ. Я спросилъ у него, будетъ ли это преимущество распространено и на офицеровъ; онъ отвѣчалъ, что выборъ офицеровъ диванъ предоставляетъ самому себѣ. Успокоивъ всѣхъ, онъ увѣрилъ самымъ положительнымъ образомъ, что не боится, какъ въ двѣ партіи, слѣдующія скоро одна за другою, Русскіе совершенно оставятъ островъ Халки. Когда мы просили его за товарищей нашихъ, находившихся въ Терехане, онъ отвѣчалъ, что они будутъ такъ же освобождены. Взявъ списокъ нижнихъ чинамъ, назначеннымъ къ первой отсылкѣ и записавъ ими г. майора Марцинкевича, которому болѣзнь давала полное право быть въ первой возвращающейся на родину партіи, Ахмедъ-ага на слѣдующее утро уѣхалъ съ обѣщаніемъ скоро возвратиться и быть свидетелемъ отъѣзда счастливцевъ.

Проходила недѣля, потомъ другая, промелькнулъ мѣсяцъ, — Ахмедъ-ага не пріѣзжалъ, слухи объ отсылкѣ плѣнныхъ умолкали, военныя дѣйствія возобновлялись. Юзъ-баши и миллеазымы начинали по немногу приниматься за старину; Греки опять стали жаловаться въ Константинополь на мотовство своихъ женъ и дочерей, причиною котораго были будто бы плѣнные офицеры; прежнее уныніе смѣнилось въ насъ бодрую нетерпѣливость и все шло наперекоръ прежнимъ надеждамъ. Въ это время я жестоко заболѣлъ отъ простуды, и только дружеская заботливость товарищей и неунышныя старанія г. Треффера спасли меня отъ смерти. Я страдалъ жестокою лихорадкою съ половины апрѣля до половины іюня.

Въ ожиданіи моего выздоровленія и прибытія Ахмедъ-аги, я долженъ упомянуть о забавномъ происшествіи, которое извѣстно было въ нашемъ маленькомъ свѣтѣ на острову подъ именемъ «похищенія дѣвъ».

Завистливыя женщины и ревнивые мужчины соединились противъ нѣсколькихъ хорошенькихъ Гречанокъ и, пригласивъ на помощь себѣ мѣстныхъ власти, духовную и свѣтскую, во время ночной темноты увезли около десяти красавицъ на островъ Принцевъ и посадили ихъ въ монастырь, находящійся на дикой вершинѣ острова, изъ котораго онѣ видѣли, какъ на ладони, мѣста,

бывшія свидѣтелями торжества ихъ красоты, будучи осуждены терпѣть Танталовы муки.

Мы начинали уже забывать обѣщаніе Ахмедъ-ага, какъ вдругъ онъ входитъ на дворъ монастыря, такъ что мы не замѣтили его пріѣзда. Всѣ офицеры побѣжали къ нему на встрѣчу, кромѣ меня, еще лежавшаго въ постели. Ахмедъ-ага вошелъ въ компанію со всею толпою, полною ожиданія, взглянулъ на меня, находившагося почти въ безпамятствѣ одного изъ бывавшихъ со мною почти ежедневно четырехъ пароксизмовъ и, пройдя въ другой покой, прочиталъ султанскій фирманъ, которымъ освобождались гг. Марцинкеничъ, Игнатьевъ, Ростовцовъ, Милорадовичъ, Докторовъ и Рачинскій. Имъ позволено было взять, кромѣ ста человѣкъ прежде назначенныхъ солдатъ, еще тѣхъ, которые были при нихъ въ услуженіи. Я не испыталъ, но слышалъ и воображаю, что остававшимся моимъ товарищамъ было очень, очень больно; это чувство было не зависть, но кто, будучи голоденъ и види въ рукахъ другаго сытный кусокъ, не пожелалъ бы подобнаго и себѣ? Ахмедъ-ага увѣрялъ, что вслѣдъ за первыми кораблями отправятся другіе, также съ плѣнными; но всѣ были уже ознакомлены съ поспѣшностію Турокъ въ исполненіи обѣщаній. Напрасно бимъ-баши старался повтореніемъ своихъ увѣреній разсѣять грусть не попавшихъ въ счастливый списокъ; напрасно они сами силились скрыть ее отъ него, дабы не оскорбить недовѣрчивостію или недовольнымъ видомъ своимъ человѣка, который имѣлъ полное право на благодарность всѣхъ плѣнныхъ. Между тѣмъ, освобождаемые, въ восторгѣ счастія, которому не смѣли вѣрить, и въ печали о томъ, что не могли его дѣлать съ остальными товарищами невольни, находились также въ полустрадательномъ состояніи, и день этотъ прошелъ для всѣхъ въ какомъ-то смущеніи.

Взошло нетерпѣливо жданое солнце, которое должно было освѣтить въ послѣдній разъ холмы острова для покидавшихъ его, и настала часъ разставанія. Оно было трогательно; всѣ офицеры и освобожденные солдаты спустились къ морю; лодки приплыли. Ахмедъ-ага, повторивъ прежнія свои увѣренія, сѣлъ послѣдній въ лодку. Раздалось: «Прощайте! Пишите изъ Одессы!» Лодки отплыли, все замолкло, и освобожденные уже любовались окрестностями Константинополя, когда печальные товарищи ихъ все еще стояли на берегу.

Вслѣдъ затѣмъ разнесся непріятный слухъ о взятіи фрегата

«Рафаилъ», и матросы, служившіе на немъ, были въ скоромъ времени присланы въ монастырь, а офицеры оставлены въ Терсхане. Это происшествіе, сопровождаемое сказками о другихъ успѣхахъ Турокъ на морѣ, казалось намъ совершенно невѣроятнымъ, пока мы не получили о немъ извѣстія отъ барона Гибша. Нужно ли говорить, какъ непріятна была для всѣхъ насъ эта новость?

Изъ иностранныхъ газетъ, также изъ листковъ петербургскихъ и одесскаго журналовъ, иногда доходившихъ къ намъ, мы, въ продолженіе зимы, знали подробно все, касавшееся до расположенія нашихъ войскъ въ количествахъ и въ Болгаріи и до успѣховъ русскаго оружія. Но, въ началѣ новой кампаніи, мы долго оставались въ неизвѣстности о ходѣ военныхъ дѣйствій. Грекамъ, которые провозглашали нѣсколько разъ покореніе Шумлы и всегда несправедливо, мы перестали вѣрить, а Датскій министръ ничего не сообщалъ намъ, имѣя обыкновеніе увѣдомлять только о томъ, что положительно было извѣстно. Около половины іюни мѣсяца начали носиться глухіе слухи о пораженіи Турокъ. Баронъ Гибшъ извѣщалъ, что должно было произойти нѣчто весьма важное, и не въ пользу Турокъ, но что именно—онъ не могъ узнать. Все это ободряло насъ, хотя мы видѣли, что съ каждою потерей Порты — освобожденіе, намъ обѣщанное, становилось сомнительнѣе. Но теперь занимало насъ другого рода чувство и нетерпѣніе узнать подробности битвы, которая, по всему казалось, должна была быть рѣшительною, возрастало съ каждымъ днемъ и со всякою новою вѣстію, слышанною отъ Грековъ, преувеличивавшихъ уронъ своихъ и нашихъ непріятелей отъ 42 до 70 тысячъ. Наконецъ, посланникъ написалъ намъ: «Порта объявила официально, что визирь, встрѣтивъ между Шумлою и Силистріею русскій корпусъ, напалъ на него и совершенно разбилъ, взявъ 2,000 человекъ въ плѣнъ; по въ тоже время былъ атакованъ съ тылу другимъ корпусомъ, и принужденъ пробиться сквозь него, что и исполнилъ съ потерей, при чемъ были избиты всѣ прежде захваченные плѣнные (*). Уронъ его простирается до 15,000, но непріятель потерялъ, если не боль-

(*) До 60 человекъ нижнихъ чиновъ и нѣсколько офицеровъ, взятыхъ въ отрядъ г.-м. Купріянова, были дѣйствительно умерщвлены. 1829. — Это свѣдѣніе было нами получено, сколько припоминаю, отъ ротмистра Иркутскаго гусарскаго полка, Муравьева, взятаго въ плѣнъ при Кулевши и посланнаго на островъ. 1855 года.

ше, то столько же.» Подобное пророчество, прибавлялъ баронъ, должно имѣть важныя послѣдствія.

Извѣстіе это на долго доставило намъ весьма пріятное занятіе—соображать и дополнять то, что было опущено, и повѣрять то, что казалось мало правдоподобнымъ. Разсматривая плохую нѣмецкую карту, какъ-то намъ попавшуюся, мы перебирали всѣ случаи, которые могли дать поводъ къ битвѣ, и предполагали операціи, которыя послѣ оказались въ главныхъ чертахъ вѣрны съ событіями. Слова: «это пророчество должно имѣть важныя послѣдствія» представились намъ предзнаменованіемъ скораго мира. Въ самомъ дѣлѣ, мы были обрадованы извѣстіемъ о началѣ переговоровъ въ Шумлѣ, но не надолго.

Шумла и Балканы стояли подобно обманчивымъ призракамъ предъ глазами Порты и пренитствовали ей ясно видѣть положеніе дѣлъ. Мы перешли Балканы. Слухъ объ этомъ распространился очень быстро. Турки (то есть народъ, а не правительство) не скрывали ни отъ кого своихъ пораженій и начинали негодовать на правительство, упорствовавшее продолжать войну. По мнѣнію многихъ Франковъ, знающихъ Турцію и видѣвшихъ тогдашнее положеніе дѣлъ, недоставало недовольнымъ только предпринимчиваго предводителя, чтобы произвестъ переворотъ въ правительствѣ, ускорить миръ и возстановить янычаръ, уничтоживъ всѣ нововведенія султана. Взятіе Арзерума не произвело большого впечатлѣнія на народъ, по отдаленности этого города отъ Константинополя. Но оно, безъ сомнѣнія, сильно подѣйствовало на Порту.

Открытъ былъ около этого времени заговоръ и ежедневно до насъ доходили слухи о казняхъ, происходившихъ въ разныхъ частяхъ Константинополя всенародно и другихъ, исполняемыхъ будто бы тайно, еще гораздо многочисленнѣйшихъ.

Еще до обнаруженія заговора противъ правительства, въ Константинополѣ было нѣсколько пожаровъ. Ихъ приписывали заговорщикамъ, будто бы хотѣвшимъ раздражить народъ. Одинъ изъ такихъ пожаровъ былъ весьма силенъ, продолжался болѣе двухъ сутокъ и обратился въ пепелъ большую часть Галаты. Съ нашего острова пожаръ этотъ представлялъ ночью величественное зрѣлище. Заревъ, сбивавшее все небо, отражалось въ морѣ и освѣщало вершины горъ, а стройныя минареты мечетей казались огненными стрѣлами, выходившими изъ пламеннаго жерла.

Остановку нашихъ войскъ у подошвы горъ въ Карнабатъ Порты почитала, можетъ быть, нерѣшимостію или истощеніемъ послѣ усилій, и не терпѣла надежды на новые успѣхи. Султанъ давалъ въ это время пышныя публичныя аудіенціи англійскому послу, лорду Гордону, и датскому, барону Гибшу и, по словамъ очевидцевъ, при всѣхъ случаяхъ сохранялъ видъ совершеннаго спокойствія и равнодушія. Между тѣмъ производились безпрестанныя работы для укрѣпленія окрестностей столицы, и Порты разглашала, что Махмудъ рѣшился ожидать Русскихъ въ Константинополѣ и, защищаясь въ стѣнахъ его, или положить предѣлъ успѣхамъ непріятеля или, оставивъ столицу въ пленѣ, удалиться въ Азію, съ твердою рѣшимостію не заключать мира, пока перевѣсъ не перейдетъ на его сторону и пока побѣдитель не истощитъ своихъ силъ самыми завоеваніями.

Всѣ эти слухи и приготовленія возбуждали въ плѣнныхъ сильныя опасенія: намъ могла угрожать или месть необузданной стамбульской черни или отправка насъ въ Азію, гдѣ неволя должна была возобновиться со всѣми своими суровостями, которые были бы тѣмъ тягостнѣе, что предшествовавшія обстоятельства начинали намъ благопріятствовать.

Неожиданное прибытіе изъ Берлина графа Мюлллинга, отъ сношеній котораго съ Портою мы надѣялись пережвѣны въ ея расположеніяхъ, оживило насъ. Извѣстія, доходившія до насъ, были томительны. Баронъ Гибшъ писалъ: «Только у воротъ Адрианополя рѣшится загадка.» Греки распускали молву, что раздраженные жители Константинополя намѣреваются отмстить на плѣнныхъ свои пораженія въ Болгаріи и Румеліи. Франки, которыхъ, кажется, не правилось приближеніе Русскихъ, поговаривали о противодѣйствіи со стороны иностранныхъ Дворовъ. Смирнская газета хвалилась и доказывала, что дальнѣйшіе успѣхи побѣдителей невозможны или гибельны для нихъ; она преувеличивала извѣстія о болѣзняхъ, свирѣпствовавшихъ въ нашей арміи, искала въ исторіи примѣровъ, подобныхъ походамъ Юліана на востокъ и Наполеона на сѣверъ и звала цѣлый свѣтъ на помощь Турціи. Сношенія наши съ Ахмедъ-агою прекратились, и скоро мы узнали, что онъ отправленъ султаномъ съ важными порученіямъ въ Шумлу. Движеніе нашихъ войскъ, усилившихся подошедшими резервами, отъ Карнабата къ Адрианополю, было столь быстро, Порты такъ старалась скрывать отъ публики военныя событія, что извѣстіе о занятіи Адрианопо-

поля дошло до насъ вмѣстѣ съ извѣстіями о пораженіяхъ при Айдошѣ, Мисселевринѣ, Ямболѣ и другихъ дѣлахъ, предшествовавшихъ ему. Этотъ ударъ развязалъ всѣ языки и Порты отправила съ чиновникомъ Прусской миссіи своихъ уполномоченныхъ въ русскую главную квартиру для переговоровъ. Пероты, увѣренные въ мирѣ, стали меньше недоброжелательствовать Русскимъ и сдѣлались откровенны; Греки ловили малѣйшіе слухи, чтобы тѣшить себя и насъ. Турки, потерявъ всякую надежду на поправленіе дѣлъ своихъ, явно предались неудовольствію противъ правительства и мирились съ обстоятельствами. Къ намъ уже присылалось вмѣсто ста не болѣе 20 человекъ, и тѣ были смиренны, какъ овечки; они весьма часто смѣнялись и въ числѣ ихъ были такіе, которые участвовали въ бѣгствѣ изъ Адрианополя. Одинъ Турецкій офицеръ рассказывалъ самъ, какъ его полкъ положилъ въ этомъ городѣ оружіе, какъ они были отпущены и даже снабжены на дорогу провіантомъ. Тогда мы были нѣкоторымъ образомъ властителями острова; но это величіе было не прочно.

Послѣ столь лсныхъ дней, вдругъ все приняло опять пасмурный видъ. Требованія Русскихъ показались Портѣ чрезмѣрными; переговоры готовы были прерваться, и султанъ велѣлъ вооружаться для защиты столицы всѣмъ мусульманскимъ ея жителямъ, которые были въ состояніи носить оружіе. Это повелѣніе распространило всеобщій ужасъ и смятеніе. Зная характеръ Махмуда, можно было думать, что онъ, сдѣлавъ послѣднее успіе сопротивленія въ Константинополѣ, удалится въ Азію, — это, при тогдашнемъ расположеніи кабинетовъ, особенно англійскаго, могло продолжить войну на неопредѣленное время. Но, съ другой стороны, зная цѣну Стамбула для Порты, должно было полагать, что то была одна пустая угроза: послѣ примѣровъ Арзерума и Адрианополя, чего Порты могла ожидать отъ защитниковъ своей столицы? Воинственная часть ея жителей была уже уничтожена на поляхъ Румелійскихъ. Смятеніе Константинополя отражалось и на насъ. Это сомнительное положеніе дѣлъ продолжалось однакоже не болѣе трехъ дней; потомъ баронъ Гибшъ увѣдомилъ насъ, что Порты наконецъ увидѣла необходимость согласиться на всѣ условія Русскаго кабинета, что переговоры возобновлены съ болѣею дѣятельностію и что султанъ, въ залогъ своего миролюбія, предложилъ графу Мюфлингу немедленное освобожденіе русскихъ военнопленныхъ, отдавая ихъ на его попеченіе, и графъ Мюфлингъ отнесся къ фельдмаршалу Ди-

бичу съ вопросомъ, куда направить освобожденныхъ вѣнновъ. Вѣсть эта, какъ можно было судить, чрезвычайно насъ обрадовала. Наконецъ, томительная неволя прекращалась: мы были увѣрены, что вскорѣ ступимъ на берегъ родины. Но уже прошло около десяти дней, а все еще не было отвѣта касательно нашей участи; какое-то глухое молчаніе царствовало въ Стамбулѣ о дѣлахъ, рѣшавшихся въ Адрианополѣ. Слышно было, что Порта все еще колебалась согласиться на требованія Россіи. Мы догадывались, что нѣтъ нашихъ продолжится до заключенія мирнаго договора. Едва минуетъ бывало полдень, какъ всѣ офицеры собирались къ пристани, ожидая прибытія лодочника, хотя и было извѣстно, что онъ возвращался не раньше солнечнаго захода. Едва показывался челнокъ нашего вѣстника, всѣ бросалась къ нему на встрѣчу и рѣдко давали выдти ему на берегъ, какъ уже письмо было схвачено, печать сорвана и истерѣливное: «что? что?»—раздавалось въ тѣсномъ кружкѣ, составившемся около того, кому попадалось въ руки письмо. Но въ теченіе многихъ дней, для насъ казавшихся годами, письма не заключали ничего удовлетворительнаго. Послѣ нѣсколькихъ строкъ, касающихся до дѣлъ колоній, баронъ Гибшъ иногда прибавлялъ: «У насъ нѣтъ ничего новаго, всѣ въ неизмѣнности; миѣ понятно ваше истерѣніе, но будьте покойны—конецъ близокъ!» Мы соглашались съ нашимъ покровителемъ, совѣстились за свое безнокойство и были, по прежнему, истерѣливы.

Ожиданія даже самыя вѣрныя сбываются не такъ и не тогда, какъ мы думаемъ. Однажды, когда еще никто изъ насъ не успѣлъ послѣ обѣда выдти изъ монастыря къ пристани, какъ вѣстникъ нашъ, нарочно раньше обыкновеннаго посланный барономъ, подалъ миѣ письмо, по обыкновенію, адресованное на мое имя. Взглядываю и читаю сверхъ адреса большими словами написанную строку: *La paix est signée*. «Господа! миръ заключенъ! господа! миръ заключенъ! ура! ура! ура!» раздавалось по всѣмъ комнатамъ. Сбѣгаются всѣ товарищи и даже солдаты. Всѣкій хочетъ видѣть собственными глазами драгоцѣнныя слова. Пакетъ не развертывается: написанной на адресѣ строки уже довольно. Сыплются взаимныя поздравленія; мы обнимаемъ другъ друга.

Напоследокъ было прочитано и письмо, содержавшее увѣдомленіе, что 3 (15) сентября подписанъ уполномоченными обѣихъ державъ мирный договоръ, и что баронъ Гибшъ, получивъ отъ графа Дибича-Забалканскаго приглашеніе отправить военныя

плѣнныхъ въ городъ Бурса — приморскій, нанявъ уже купеческія суда для перевоза насъ туда, и на слѣдующій день пришлетъ за нами потребное число большихъ лодокъ къ отплытію въ константинопольскій портъ. Ночью прибыли лодки: все было уложено и перенесено на нихъ.

Дорога изъ монастыря къ пристани была усѣяна Русскими, шедшими къ пристани и возвращавшимися назадъ за вещами. Турецкіе чиновники, прибывшіе съ лодками, для порядка — на прощанье дарили насъ еще своимъ: «гайда! гайда!», но ихъ никто уже не слушалъ, всякій распорядился собою и своимъ багажемъ, какъ было лучше и удобнѣе.

Нанослѣдокъ, монастырь, мѣсто нашихъ страданій, совершенно опустѣлъ, деревня наполнилась людьми, кофетчи Спиро (Спиридона), нѣкогда *nee plus ultra* нашихъ прогулокъ, потому свидѣтельница различныхъ нашихъ волненій отъ пріятныхъ или печальныхъ извѣстій, теперь была свидѣтельницею веселой прощанья съ Греками.

Стали садиться въ лодки. Вся пристань была покрыта пестрыми группами жителей деревни, всѣ окна заняты Гречанками, въ томъ числѣ и возвращенными изгнанными. Уже мы въ легкихъ каюкахъ! уже отчаливаемъ! «Урола!» (въ добрый часъ) крикнули на берегу; «алла разолсунъ» (благодаримъ), отъбчали мы. Чолпы полыхли, бѣлые платки развились въ рукахъ прекрасныхъ и непрекрасныхъ Гречанокъ, въ знакъ желаній благополучнаго пути отъѣзжавшимъ: «урола!!» — «алла разолсунъ!!» — и мы скрылись за уголъ острова.

Это было утро 11 сентября, утро того самаго дня, въ который, тому годъ назадъ, только нѣсколькими часами позже, я съ моими товарищами прибылъ на островъ Халки.

Четыре дюжихъ гребца съ усердіемъ ударили веслами по тихому, едва колеблемому легкимъ вѣтромъ морю, въ ченгъ, гдѣ было насъ пятеро. Лодка мчалась какъ стрѣла. Мы, то смогрѣли на предметы, мимо которыхъ быстро проносились, то глядѣли радостно одинъ на другаго, не вѣри еще, что мы уже не плѣнники. Но вотъ мы уже въ гавани. Вотъ и бригъ, который отвезетъ насъ на родину.

По прибытіи въ портъ, мы увидѣлись съ тѣми офицерами, которые во время ихъ плѣна жили въ Терехане; ихъ положеніе, безъ сомнѣнія, было тягостнѣе нашего, но плѣнъ ихъ былъ кратче.

Облокотившись на бортъ корабля, я долго въ безмолвіи разсматривалъ окружающую меня картину. По отвычкѣ отъ разнообразія, она скоро мени утомляла: городъ казался мнѣ муравейникомъ, а лодки, безпрестанно перекрещивающіяся по заливу, казались летающими мухами; у меня, какъ говорится, зарбило въ глазахъ. Въ это время извѣстили о приѣздѣ барона Гибша; онъ скромно, но съ видомъ непритворнаго удовольствія принялъ пламенные выраженія признательности, которыми осыпали его офицеры, благодарившіе за себя и за солдатъ. Баронъ изъявилъ намъ свое сожалѣніе о томъ, что по рѣшительному требованію рейсъ-эффенди, Русскіе, ни офицеры, ни солдаты, не должны были сходить съ своихъ кораблей на берегъ, и такимъ образомъ онъ лишенъ былъ возможности принять у себя всѣхъ офицеровъ вдругъ; но намекалъ намъ о средствѣ побывать въ Перѣ, разумѣется, по одному или небольше двухъ, въ партикулярныхъ платьяхъ и съ провожатыми. Нѣкоторымъ офицерамъ, и въ томъ числѣ мнѣ, дѣйствительно удалось посѣтить его домъ.

По возвращеніи моемъ съ прогулки въ Перу, для посѣщенія датскаго посланника, я былъ чрезвычайно обрадованъ, найдя на кораблѣ несравненнаго Гафизъ-агу. Не нужно описывать, какъ былъ намъ принятъ этотъ благородный мусульманинъ. Гафизъ-ага сказалъ намъ, что сараскиръ Хозревъ-паша желалъ видѣть нѣкоторыхъ изъ насъ на слѣдующій день, но что мы должны явиться къ нему въ партикулярномъ платьѣ.

Наши солдаты, разсаженные по судамъ, перебѣжали въ лодкахъ въ гости другъ къ другу. Это было замѣчено однимъ изъ главныхъ чиновниковъ таможни, въ виду которой мы стояли на якорѣ. Лицо это подбѣзжаетъ въ десяти-весельной нестрой лодкѣ подъ багрянымъ балдахинномъ къ намъ, требуетъ переводчика и говоритъ, что Порта запретила бывшимъ военнопленнымъ оставлять свои суда; но какому же праву они разбѣзжаютъ взадъ и впередъ? Столь странное требованіе, въ которомъ видна была охота показать свою значительность, было шутливо отражено находчивостью г. Шатова. «Скажи», обратился майоръ къ переводчику, «этому господину, что если онъ сейчасъ не уѣдетъ, то я велю стрѣлять по немъ изъ пушекъ». Извѣстно, что на торговыхъ судахъ не бываетъ пушекъ, развѣ одинъ какой-нибудь фалькопетъ, которымъ они салютуютъ другъ друга. На нашемъ суднѣ было одно подобное орудіе. Но, сконфуженный шуткою майо-

ра, Турокъ немедленно велѣлъ поворотить свою лодку и уѣхать, сопровождаемый громкимъ смѣхомъ съ корабля.

Поутру пріѣхалъ опять Гафизъ-ага; г. Шатовъ и я отправились съ нимъ къ сераскиру. Мы подымались, вышедъ на берегъ, тою самою улицю, по которой нѣкогда спускались въ тюрьму Зендаке; потомъ поворотили, чтобы идти въ Эски-сарай (старый дворецъ), гдѣ жила наша. Секретарь датской миссіи, г. Романи, былъ съ нами для перевода. Прошедши обширный дворъ Эски-сарая, мы введены были, по обыкновенію, въ кегайѣ, молодому человѣку, возвысившемуся въ это званіе изъ невольниковъ. У него на софѣ, можетъ быть нарочно, лежало сѣдло европейской формы, съ генеральскимъ чепракомъ. Выпивъ по чашкѣ кофе съ трубками, приглашены были мы къ самому сераскиру и нашли его сидѣвшимъ на широкой, красной, сукошной софѣ во всю длину стѣны; онъ разсматривалъ съ Галиль-пашею какую-то небольшого формата карту. Мы вошли — они оставили свое занятіе; Хозревъ немедленно указалъ намъ мѣсто на софѣ недалеко отъ себя, и оба наши вступили съ нами въ разговоръ, предметами котораго были наша благодарность сераскиру за оказанную намъ чрезъ посредство Гафизъ-аги благосклонность, дружба, возстановившаяся между обоими Дворами, наше освобожденіе, пріязнь къ намъ Гафиза и Ахмедъ-бей и проч. У меня былъ весьма похожій миньятюрный портретъ Гафиза, снятый ротмистромъ барономъ Ферзенемъ; я показавъ его пашамъ. Они были очень довольны такимъ вниманіемъ къ ихъ чиновнику, и сераскиръ попросилъ у насъ позволенія отъ править это изображеніе къ секретарю султана, чтобы тотъ представилъ его своему государю. Между тѣмъ приведень былъ къ окнамъ оркестръ, заключавшій въ себѣ до 60 молодыхъ, щеголевато одѣтыхъ Турокъ, которые, подъ руководствомъ иностраннаго учителя (*), весьма хорошо съиграли нѣсколько маршей и другихъ музыкальных пьесъ. За широтою софы намъ невозможно было смотрѣть на оркестръ, сапоги наши мѣшали приблизиться къ окну. Хозревъ-паша, замѣтивъ это затрудненіе, приказавъ сказать, чтобъ мы не женировались. Въ продолженіе этого времени намъ нѣсколько разъ подавали кофе и трубки. Наконецъ, Хозревъ спросилъ насъ, не желаемъ ли мы видѣть Константинополь, и на утвердительный отвѣтъ нашъ, поручилъ Гафизъ-агѣ показать намъ всѣ замѣчательности столицы. И мы съ

(*) Если ли то не былъ извѣстный Доницетти.

Гафизъ-агою отправились обозрѣвать Стамбуль, который однако скоро надоѣлъ мнѣ своею грязью и зловоніемъ.

Наскучивъ бродить по тѣснымъ, пустымъ и неопытнымъ улицамъ оттоманской столицы, мы спустились къ пристани у мясныхъ лавокъ, гдѣ за множествомъ собакъ, таскавшихъ внутренности битаго скота, не было прохода, и гдѣ смрадъ, при необыкновенномъ полуденномъ зноѣ, былъ убійственный. Носѣвши бросились мы въ лодку. Баронъ Гибшъ ожидалъ нашего возвращенія, чтобъ пригласить къ себѣ обѣдать.

Г. Мокринскій, я и Гафизъ-ага сѣли вмѣстѣ съ барономъ въ лодку, подѣхали для сокращенія пути къ жиловскимъ прибрежнымъ домикамъ, и выходя, чуть не утонули въ грязи, бывшей въ этомъ мѣстѣ пристани. Но, поднявшись на гору и въ собственно такъ называемую Перу, за всѣ прежнія испытанія, перенесенныя чувствами нашими, особенно обоняніемъ, были вознаграждены чистотою, щеголеватостію и даже пышностію домовъ, занимаемыхъ Европейцами.

Во время стола, Гафизъ-ага, несмотря на обыкновенную свою ловкость въ обращеніи и готовность сообразоваться съ обычаями Европейцевъ, былъ нѣсколько связанъ присутствіемъ сидѣвшихъ противъ него дамъ. Онъ неподнималъ глазъ даже и тогда, когда баронесса Гибшъ обращалась къ нему съ разговоромъ.

Мы желали какъ можно скорѣе пуститься въ путь; но вѣтеръ дулъ изъ Чернаго моря и нельзя было тронуться съ мѣста. Нетерпѣніе начало насъ мучить, оно перешло и на шкипера, который наконецъ воспользовался самымъ малымъ вѣтромъ, чтобъ идти впередъ. Мы оставили мѣста нашихъ страданій; уже островъ Халки, лежавшій передъ нами въ туманной дали, скрывался за Скутарскою горою, — но едва дошли мы до быстрого теченія, какъ судно наше стало отбивать въ бокъ и надобно было возвратиться.

Около педѣли ожидали мы благопріятнаго вѣтра. Это время было употреблено на прогулки въ ближайшихъ предметяхъ и на побѣдки въ Перу и Бузюкъ-дерѣ.

Черезъ десять дней послѣ того, какъ мы покинули островъ Халки, подулъ попутный вѣтеръ. Матросы вышли изъ своего бездѣйствія; раздался голосъ шкипера. Всѣ суда, снѣша воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ пуститься къ Одессѣ, тронулись съ мѣста и бодро, растянувъ паруса, шли впередъ. Сидя на борту, легко освѣжаемый вѣтромъ, я истинно насла-

ждался, смотря въ послѣдній разъ на прелестныя окрестности Босфора, съ которыми разставался.

Миновавъ Буюкъ-дере, мы начали терять изъ глазъ разнообразныя виды населенной части береговъ Босфора. Дикія, заросшія кустарникомъ, мѣстами голыя и скалистыя горы, съ обширными каменными замками на ихъ круторебрыхъ скалахъ, были передъ нами. Пролитъ расширяется, волны дѣлаются крупнѣе: мы выходимъ изъ Босфора, — онѣ превращаются въ валы, а пріятное колебаніе корабля въ качку. Скоро мы потеряли изъ виду берега пролива и очутились на необозримой, мрачной, изрытой валами илоскости. Черезъ нѣсколько дней (26 сентября), мы доплыли до Бургаса и вышли на сушу въ мѣстѣ, отведенномъ для карантина, который намъ слѣдовало держать четыре дня.

Г. генералъ-адъютантъ Головинъ, посѣтивъ насъ и поздравивъ съ возвращеніемъ, объявилъ, что онъ ожидаетъ изъ главной квартиры дальнѣйшихъ распоряженій относительно насъ. Несмотря на отвычку нашу отъ бивуачной жизни, мы весело бесѣдовали подъ балаганами, которые вовсе насъ не защищали отъ проливнаго дождя, продолжавшагося почти все время карантиннаго срока, который сокращенъ былъ до двухъ сутокъ. Вѣдствіе миновалося и было забыто, а пріятныя надежды оживляли всѣхъ.

Мы увидѣли и по очищеніи своемъ обилии майора Марцинкевича, одного изъ счастливицевъ, разставшихся съ островомъ Халки пятью мѣсяцами раньше насъ. Сколько у насъ было рассказать одинъ другому! сколько воспоминаній! Я воспользовался удобнымъ случаемъ, представившимся къ отъѣзду въ главную квартиру, и въ первый разъ, со дня выступленія нашего изъ-подъ Силистріи, разстался я съ храбрымъ и любезнымъ П. Ф. Шатовымъ. Я опять увидѣлъ Адрианополь — покореннымъ, униженнымъ, — увидѣлъ ту улицу, по которой угрюмый дивитаръ проводилъ насъ съ торжествомъ, какъ узниковъ. Но пламенное желаніе мое обнять жену и дѣтей не сбылось такъ скоро, какъ я мечталъ. Уже всѣ офицеры, раздѣлявшие со мною бремя неволи, поклонились родной землѣ, всѣ русскія войска оставили завоеванные ими края, а я долго еще страствовалъ по ту сторону забытаго ими Дуная; не разъ перебирался черезъ кремнистыя крижи Балкана; не разъ, потерявъ путь на низкихъ вершинахъ во время непогоды, искалъ пріюта въ полукрытомъ и висящемъ надъ утесомъ жилищѣ Волгара или Серба; я увидѣлся съ семействомъ только два года спустя по освобожденіи изъ плѣна.

А. РОВЕЛІОНЪ-СОШАЛЬСКІЙ.